

О РОДИНѢ • ПОДВИГАХ • ЧЕСТИ

П. ЗАВОДЧИКОВ Ф. САМОЙЛОВ

ДЕВИЧЬЯ КОМАНДА

Annotation

О девушках-минерах, об их команде, имевшей кроме обычного снаряжения и оружия еще и живой инвентарь — собак, рассказывает эта книга. «Девичья команда» — не история, не мемуары. Это живые рассказы о жизни на войне, где все шло рядом — труд и подвиг, самопожертвование и любовь.

- [Петр Алексеевич Заводчиков, Семен Самойлович Самойлов](#)
 -
 - [ПОВЕСТКА](#)
 - [СТАРШИНА](#)
 - [В СОСНОВКЕ](#)
 - [ВЕЛОСИПЕДИСТКИ](#)
 - [ЛИНИЯ СВЯЗИ](#)
 - [ЛЕГЕНДА-БЫЛЬ](#)
 - [КРАСНЫЙ БОР](#)
 - [МИНЫ](#)
 - [ВАНЯ НОГАЕВ](#)
 - [НОВЫЙ, СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ](#)
 - [НА ПЕРЕЕЗДЕ](#)
 - [ТИХАЯ ВАЛЯ](#)
 - [МИШКА-СМЕРТНИК](#)
 - [ОХОТНИК](#)
 - [НА РЕКЕ ВОРОНКЕ](#)
 - [ПРОПАВШАЯ БОМБА](#)
 - [ПИСЬМО](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ НИНЫ БУТЫРКИНОЙ](#)
 - [«ПЕНСИОНЕРКА»](#)
 - [ШКОЛА ВЕРЫ АЛЕКСАНДРОВОЙ](#)
 - [ПОСЛЕ ПОБЕДЫ](#)
-

**Петр Алексеевич Заводчиков, Семен
Самойлович Самойлов**
Девичья команда
(Невыдуманные рассказы)

О родине, подвигах, героях

ПОВЕСТКА

В тот июньский вечер Рита вернулась домой позже, чем всегда. Она задержалась на работе, потом долго шла по светлым и пустынным ленинградским улицам. Рита очень устала, опухшие ноги плохо слушались ее. Раньше она и не представляла себе, какой это тяжелый труд — стирка белья, когда счет ему идет на сотни и тысячи штук. В прачечной, где она теперь работала, было сыро и душно. В больших глубоких котлах постоянно булькала серая вода, покрытая крупными мыльными пузырями. Белье, в основном солдатское, медленно ворочалось, как будто было живым. Тяжелыми кипами его приходилось сваливать в котлы, потом вытаскивать оттуда; набухшее водой, оно становилось очень тяжелым.

После блокадной зимы Рита была слаба, быстро уставала. Но старалась никому не жаловаться. Разве другим легче?

Все работают. И не по восемь часов, как до войны, а по двенадцать или того дольше. Всякая работа в блокадном Ленинграде считается важной, фронтовой.

Рита медленно шла по пустынным улицам, прислушиваясь к привычному грохоту рвущихся в отдалении снарядов. Потом грохот усилился, стал совсем близким. Рита ускорила шаг, и тут ее остановила женщина с повязкой на рукаве.

— В укрытие! Не слышишь, что ли? — строго сказала женщина и потащила Риту под арку ворот.

Серая труба громкоговорителя повторяла уже в который раз: «Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение транспорта прекратить! Населению укрыться!»

— Вот еще, укрываться! — проворчала Рита. — Не первый день стреляют, кажется, давно привыкли.

Несколько разрывов раздалось почти рядом. Один снаряд попал в дом напротив. На мостовую посыпались штукатурка и кирпичи, зазвенели осколки стекол в давно разбитых окнах.

— Давай туда! — крикнула женщина. — Надо помочь людям.

Они побежали через улицу к дому, над которым поднималось густое, тяжелое облако розовато-серой пыли.

— Жертвы есть? — запыхавшись, спросила женщина у дежурной пострадавшего от обстрела дома.

— Не должно быть на этот раз, — сказала дежурная. — В пятый этаж угодило, а наверху никто не живет. Всех переселили вниз. Там все-таки, сама знаешь, надежнее.

— Ну хорошо. — Женщина с повязкой повернулась к Рите: — А ты, девонька, такие слова брось — «еще укрываться, привыкли». Ранит тебя или убьет зря, от этого кому выгода? Фашистам. Так мы им, кажется, не собираемся помогать.

Она не позволила Рите уйти, пока не прекратился обстрел. Из-за всего этого Рита и пришла домой позже обычного.

Привычно вставила ключ в замок и вдруг заметила, что в дырочках почтового ящика что-то белеет.

«Неужели письмо?» — У нее замерло сердце. Почта давно не приносила ей писем. Пальцы девушки дрожали, когда она открывала ящик: может быть, от усталости, может быть, от тревоги. Кто знает, что несет письмо? Слишком уж часто белые треугольнички служили вестниками беды, сообщали о гибели родных и близких. За страшную блокадную зиму Рита потеряла почти всех родных. Последним она лишилась отца. Он не захотел уехать из Ленинграда, работал на заводе, делал снаряды для фронта. Отец так и умер у станка. Свалился, когда от голода, холода и постоянного напряжения иссякли последние силы. Товарищи подбежали к нему — он не дышал. С тех пор Рита жила совсем одна.

— От кого письмо? — с тревогой проговорила она, не замечая, что думает вслух.

Но в ящике было не письмо. Рита достала повестку.

«Районный военный комиссариат просит Вас с получением сего явиться по адресу: улица Рубинштейна, 40».

Она хорошо знала этот дом. Прежде там помещался клуб служебного собаководства, и Рита в нем постоянно бывала. Но что там делать сейчас? Уже десять месяцев длится блокада Ленинграда. В городе давно не осталось ни одной собаки. Ни собак, ни кошек, никаких животных вообще.

У себя в комнате Рита подошла к столу, взяла старенький примус и поболтала его. Слабо заплескался керосин. Она обрадовалась: все-таки можно согреть чайник. Подкачала примус, вытащила из противогазной сумки, которую постоянно носила на боку, кусок хлеба — остаток дневного пайка. Хлеб был уже настоящий, необычайно вкусный, — не тот, что ели в минувшую зиму. Зимой в хлеб чего только не примешивали! И молотую древесину, и пыль, сметенную со стен складов, где раньше держали муку. Теперь обходились без этого. Через Ладогу в Ленинград везли продовольствие: зимой — по льду, летом — на пароходах и баржах. Хлеб теперь был настоящий, и давали его больше, чем зимой, но после долгих месяцев голода Рита никак не могла наесться. Получая дневной паек, с трудом удерживалась от того, чтобы не проглотить его сразу. Днем часто засовывала руку в сумку противогаза и отщипывала по кусочку. Сейчас можно съесть весь остаток. Рита нарезала хлеб тоненькими ломтиками и стала поджаривать на огне. Поджаренный хлеб вкуснее, а главное, съедается не так быстро.

Рита жевала горячие ломтики, запивала дымящимся кипятком и все думала о повестке, о доме на улице Рубинштейна. Когда она попала в этот дом в первый раз?

Пожалуй, с тех пор прошло почти десять лет — больше половины всей ее жизни. Ей пришлось пойти туда из-за Джальмы.

Когда Рите исполнилось девять лет, ей подарили щенка. Рита не сразу поверила такому счастью. Ей давно хотелось иметь собаку. Много раз она заводила об этом разговор: «Я сама буду за ней ухаживать. Сама буду кормить, гулять с ней». Мама только качала головой: «Видишь, как у нас тесно, в комнате не повернуться. Куда же еще собаку приводить?»

Рита вздыхала, слушая маму. Все равно она продолжала мечтать о собаке, только уже не надеялась, что мечте суждено сбыться. И вдруг папа принес это пушистое серое существо. Теплый живой комочек дрожал в Ритиных руках и тыкался в ладони мокрым холодным носом.

— Это за твои пятерки, — сказал папа, — за то, что хорошо учишься. Мы с матерью прикинули — найдем ей уголок как-нибудь.

Рита тихонько гладила щенка по мягкой шерстке:

— Джальма, миленькая моя!

Щенок уже знал свое имя. Услышав его, он начинал радостно вертеть хвостом. Больше он ничего еще не умел. Но много ли можно требовать с такого крохотного существа?

— Ты у меня самая красивая, самая умная, — шептала Рита в ухо Джальме.

Потом, уже в клубе на улице Рубинштейна, она поняла, что ее Джальма вовсе не особенная — обыкновенная немецкая овчарка не очень чистой породы. В клуб приводили собак-чемпионов, собак-знаменитостей. Расчесанные и ухоженные, словно только что из парикмахерской, они важно ходили, позвякивая медалями.

Рите было интересно смотреть на этих знаменитых псов. Только для нее все равно самой лучшей оставалась Джальма. Самой лучшей, самой умной, самой понятливой. Она же и правда понимала свою хозяйку с полуслова. Рита шептала ей что-то в ухо, и Джальма вертела хвостом или старалась лизнуть Риту в лицо.

Еще тогда, когда Джальма и уши не умела держать, Рита твердо решила, что ее собака не останется простым Домашним существом, четвероногим товарищем детских игр и забав. Джальму ждала совсем другая жизнь.

Рита уже читала о собаках, охраняющих государственные границы, о собаках-ищейках, которые помогают раскрывать преступления. Если на это способны другие, то уж ее Джальма способна наверняка.

А Джальма росла и менялась на глазах. За год из серого комочка она превратилась в большую, взрослую собаку с длинными ногами, прямой рыжевато-черной спиной и острыми клыками, которые устрашающе сверкали, когда она сердилась или зевала от скуки.

Рита разузнала, что есть особые школы, где обучают собак. Она расспрашивала пионервожатую, подруг и наконец получила адрес.

— Пойди туда в воскресенье, — посоветовали ей, — спроси Петра Семеновича Бурака. Там районная дрессировочная площадка, а Петр Семенович — инструктор-дрессировщик.

Собак дрессировали на просторном, заросшем травой пустыре за высоким глухим забором. Впрочем, «глухим» забор был для всех, кроме ребят из окрестных домов. Они-то знали, что в заборе есть щели и лазы. В часы, когда шли занятия, площадка неодолимо притягивала ребят. Собирались возле щелей, — смотрели во все глаза. Потом, осмелев, отодвигали державшуюся на одном гвозде доску и пролезали на пустырь. Или взбирались на забор и сидели верхом.

Ребятам хотелось посмотреть, как учат собак, но долго сидеть на заборе безмолвными зрителями они не могли. Начинали обсуждать действия собак, радостно приветствовали тех, которые хорошо, точно выполняли команды, особенно если команды были сложные. Что сложно, а что просто, ребята отлично понимали. Когда собакам приказывали: «сидеть», «лежать», «рядом» — и те садились, ложились, шли по площадке возле ноги хозяина, это на ребят большого впечатления не производило. Другое дело, если овчарки, эрдели, боксеры, доги по одному слову хозяина прыгали через стенку, поднимались по крутой лестнице, разыскивали спрятанную вещь. Тогда мальчишки не скупились на одобрение.

Всякие срывы они замечали сразу.

— Эй-эй! — неслоь от забора. — Стой, назад, бестолковый пес!

Мальчишки орали, заметив, что собака путает команды, не слушает хозяина. Они улюлюкали и свистели, создавая на площадке переполох.

— Джон, ко мне, Джоник! — взывала полная женщина в пестрой шляпке. — Я кого зову?!

Голос женщины становился пронзительным. А Джон, черный с коричневыми пятнами на груди доберман-пинчер, носился по пустырю. Он прятался от хозяйки, когда она пыталась его поймать, и задирали других собак.

Мальчишки бросались на площадку. Порядок совсем нарушался, и инструктору-дрессировщику, Петру Семеновичу Бураку, приходилось прерывать занятия.

Петр Семенович был по специальности токарем, работал на большом заводе. Там его ценили, ставили в пример. Он хорошо знал свое дело, был ударником. А в свободные часы Бурак возился с собаками. Большой, грузноватый, добродушный человек, он часто смеялся, охотно шутил и редко повышал голос. Но ребята,

врывавшиеся на площадку во время занятий, выводили его из себя. Бурак выпроваживал непрошенных гостей. Затем сердито захлопывал калитку и запирали на ключ, показывая тем самым, что вход сюда строго запрещен.

Только он окончил очередную операцию по изгнанию мальчишек, как в запертую калитку постучали.

Сперва негромко, потом настойчивее и сильнее. Бурак прислушался: «Неужели эти бесенята вернулись?» И все же пошел открывать. У калитки стояла девочка в пионерском галстуке. Она держала на поводке овчарку — не очень чистых кровей, как определил Петр Семенович с первого взгляда.

— Мне нужен товарищ Бурак. Это не вы? — проговорила девочка, немного картавя. — Я буду у вас заниматься с Джальмой.

Собака, услышав свою кличку, вопросительно посмотрела на Риту, потом на Петра Семеновича, все еще закрывающего своей массивной фигурой вход в калитку.

— Заниматься? Разве занятий в школе тебе мало? Как тебя зовут, малявка? — Бурак нагнулся, словно боясь, что девочка его не услышит.

— Рита Меньшагина.

— В каком же ты, Рита, классе?

— Уже перешла в четвертый...

— Уже?! — Бурак рассмеялся. — Ты в четвертом классе, а тут все взрослые, серьезные люди.

— Я тоже серьезно. Джальма должна обязательно учиться. Не может она ждать, пока я стану совсем взрослой. Правда же! — Глаза девочки медленно наливались крупными слезами.

Бурак махнул рукой:

— Ну заходи, посмотрим, на что вы способны...

С этого дня Рита занималась с Джальмой на площадке. Когда хозяйка со своими собаками выстраивались длинной шеренгой, Рита была на самом краю, на левом фланге, но это ее не смущало. Девочка пристально смотрела на инструктора и точно повторяла все его команды.

Джальма напрягала свои собачьи способности, чтобы делать все так, как хочет ее хозяйка. В понятливости Джальме нельзя было отказать. И в старательности.

Вскоре Бурак убедился, что не зря принял девочку с собакой. Постепенно они догнали тех, кто начал заниматься раньше.

— Посмотрите на эту пионерку, — говорил своим взрослым ученикам Петр Семенович. — У нее просто талант дрессировщика.

Рита работала с собакой спокойно и терпеливо, не повышая голоса:

— Джальма, сидеть! Джальма, ко мне! Джальма, барьер!

Джальма выполняла ее команды уверенно и быстро.

— Хорошо, молодец, — негромко хвалила ее девочка. Она гладила Джальму или давала ей кусочек сахара. Джальма радостно смотрела на хозяйку, размахивая длинным своим хвостом.

... Как-то на площадке к Рите подошел довольно пожилой, на ее взгляд, человек, хозяин Валета — большой серой овчарки, похожей на волка.

— Для чего ты дрессируешь собаку? — спросил он Риту. — Наверное, дачу охранять надо?

— У нас нет никакой дачи, — обиделась она. — Выучу Джальму всему, что нужно, и она станет служить на границе. Или в милиции. Джальма сумеет.

— Конечно сумеет. Учишь ты ее хорошо. Только почему ты тут одна-единственная пионерка? Разве другим ребятам не интересно воспитывать собак?

— Я не знаю. Не спрашивала. Наверное, многие захотели бы, даже из нашего класса.

— Правильно, — заметил подошедший Бурак. — Об этом стоит подумать. Не у одной Риты есть собака.

Вскоре в клубе на улице Рубинштейна появились и другие юные собаководы. Все они были пионеры.

Прошел год, и юных собаководов пригласили на смотр в Москву. Ребята, воспитывавшие собак, собирались туда из разных городов страны.

Рита ехала в столицу с большой компанией новых друзей. Они сели в поезд поздно вечером, но еще долго не спали — обсуждали, что увидят в Москве. Ребята весело разговаривали, а другие пассажиры с опаской проходили мимо их купе. Из дверей выглядывали крупные клыкастые псы и доносился басовитый лай. Но собаки не обращали на проходивших никакого внимания, даже отворачивались, если кто

пробовал завязать с ними знакомство. Это были хорошо обученные служебные собаки, они знали, как надо себя вести.

Ленинградские пионеры заняли тогда первое место на смотре. Они получили награды. Их возили по столице, показывали много интересного. Побывали ребята и в гостях у курсантов школы пограничных войск.

Рита вернулась из Москвы еще более убежденная, что делает важное для Родины дело. У нее появилось много новых друзей. Она подружилась на смотре в Москве с юными собаководами из других краев и получала теперь от них письма.

Потом стали приходить письма и от ребят, которых она совсем не знала. Рита с удивлением смотрела на конверты со штемпелями далеких городов: Баку, Архангельск, Хабаровск... Писали такие же мальчишки и девчонки, как ее друзья, как она сама. Они прочитали о юных собаководах в газете, услышали по радио и вот хотели посоветоваться с ними, завязать знакомство.

Надо было отвечать на письма, ездить в разные школы и клубы, на собрания пионерских отрядов, показывать там, как работают служебные собаки — ее Джальма и другие. Жизнь стала необыкновенно интересной.

Лето юные собаководы проводили в осоавиахимовских лагерях. Жили в белых палатках, совершали походы, сдавали нормы по стрельбе из винтовок, санитарной службе, противохимической обороне. Делали перевязки — готовились стать санитарями. Передавали флажками сигналы и целые телеграммы, пользуясь азбукой Морзе. Днем, а иногда и ночью ходили по азимуту: двигались по густым незнакомым лесам без дорог, находя направление с помощью компаса. Все надо было делать быстро и бесшумно, так, чтобы даже не зазвенела банка, подвешенная на проволоке, не хрустнула ветка под ногой.

Пограничник должен многое знать и уметь. Одни ребята «охраняли границу», а другие «старались пройти ее незаметно». Тут уж смотри, не спуская глаз. Сторожко ходи по дозорной тропе, будь всегда начеку. Конечно, собаки — верные помощники в такой службе.

Рита и ее Джальма не отставали от других. Ходили в дозоры, ловили «шпионов», спасали «раненых», быстро доставляли сообщения на заставу. Понятно, это была игра. Никого там не ранили, ни в кого не

стреляли, но ребята делали все так, словно охраняли настоящую границу, участвовали в настоящем бою.

После такого необыкновенного лета юные собаководы возвращались в школу обгорелые на солнце, вытянувшиеся и гордые. Что говорить, те, кто провел каникулы на дачах, с завистью глядели на них.

Рита росла, переходила из класса в класс. Она имела уже звание юного инструктора-дрессировщика. Петр Семенович Бурак торжественно вручил ей диплом, напечатанный на плотной блестящей бумаге. Рита не только сама дрессировала собак, но и учила этому других пионеров. В школе она занималась по-прежнему хорошо. Увлечение собаководством этому ничуть не мешало. Когда она уже перешла в десятый класс, ей пришлось участвовать в большом городском смотре команд юных собаководов. В тот день им отдали весь Таврический сад. Посмотреть их выступления собрались ребята из многих школ города. Юные собаководы были одеты в форму, которую им специально сшили к этому дню. У всех были зеленые гимнастерки с петлицами, блестящие кожаные ремни, алые звездочки на синих беретах. Даше собаки были в «форме» — в одинаковых ошейниках, на одинаковых поводках.

Смотр прошел очень хорошо: собаки отлично работали — брали высокие барьеры, доставляли пакеты, ловили «нарушителей». Юных собаководов к тому времени было уже много, их разделили на группы. Одной группой командовала Рита Меньшагина, другой — Геня Куус, в будущем генерал бронетанковых войск. Но тогда они не знали, что скоро им придется воевать. Смотр в Таврическом саду происходил ровно за год до начала Великой Отечественной войны...

О многом заставил вспомнить Риту Меньшагину белый бумажный листок-повестка из районного военного комиссариата. Ей казалось, что она ходила в клуб на улице Рубинштейна давным-давно, в какой-то совсем другой жизни, хотя бывала в клубе уже после того, как началась война. В городе тогда проводилась мобилизация. Сотни тысяч людей шли в армию. Те, кого не призывали, являлись сами, спорили, сердились, если по какой-либо причине их не хотели брать.

Рита училась в Институте водного транспорта. Оставалось сдать два экзамена, чтобы перейти на второй курс. Рита так и не успела их сдать. Ей поручили отбирать и дрессировать собак для воинских

частей. Этим она занималась лето и осень. Потом собак в городе уже не осталось. Люди голодали, и кормить животных было нечем. Клуб на улице Рубинштейна закрылся. Тогда Рита решила пойти работать в банно-прачечный комбинат — стирать белье для фронтовиков.

Зачем же ее теперь вызывают на улицу Рубинштейна?

В повестке говорилось, что надо явиться от 10 до 12 часов. Рита пришла ровно в десять.

Клуб, прежде такой многолюдный и тесный, выглядел теперь заброшенным и пустым.

В одной из комнат сидел высокий человек в военной форме. Рита посмотрела на него и обрадовалась: старый знакомый! Она узнала хозяина Валета. Это ведь он подал когда-то мысль организовать команды юных собаководов. После того Рита часто встречала его здесь, в клубе. В петлицах у хозяина Валета было теперь по две шпалы. «Майор, — с уважением подумала Рита, — видно, большой начальник».

Майор тоже узнал ее, встал навстречу и долго держал за руку, печально вглядываясь в ее лицо. Рита очень изменилась за прошедшую зиму.

— Давно мы не виделись, — сказал майор. — Раньше сколько ребят сюда приходило! Мы всем послали повестки по старым адресам, но пока вас только трое... Кто воюет, кто погиб, кого уже нет в Ленинграде. — И после небольшой паузы добавил: — Так, Маргарита Меньшагина, мы вызвали тебя, чтобы спросить, не хочешь ли пойти в армию, в нашу часть? Мы тебя не мобилизуем, предлагаем вступить добровольно. А часть у нас особенная, нам требуются люди, умеющие дрессировать собак.

— Какие нужны документы? — осведомилась Рита. — Я могу хоть сейчас.

— Пиши заявление, — сказал майор. — Военкомат оформит. Ну, еще медицинскую комиссию придется пройти.

Дома Рита разыскала гимнастерку, в которой ходила на показательные выступления в прежние времена. Потом гимнастерка стала ей тесна, но за блокадную зиму Рита сильно похудела, гимнастерка снова годилась. Девушка надела ее, сунула кое-какие вещички в заплечный мешок, заперла свою комнату на ключ. И отправилась на другой конец города, в Сосновку. Добираться

пришлось далеко. Но эти места Рита хорошо знала. Здесь когда-то размещались их летние лагеря, находился питомник собак. Он существовал и сейчас. Оказывается, собаки в блокадном Ленинграде все-таки были.

Вера Александрова в четырнадцать лет осталась без родителей. Она жила у бабушки. Окончив семь классов, поступила в педагогическое училище. Но бабушка старела, жить было трудно, и Вера поняла — училище ей не осилить. Ее сверстницы еще не расстались с беспечным детством — заворачивали школьные тетрадки в глянцевую бумагу и не спешили дарить сестренкам любимых кукол. А Верино детство уже осталось позади. Надо было самой думать о своей судьбе. Вера пошла на завод и встала к станку.

Теперь приходилось подниматься раньше обычного, ехать в переполненном трамвае, потом целый день проводить среди взрослых людей и заниматься совсем непривычным делом. Что она знала еще вчера о шлифовальном станке? Сегодня надо было на нем работать. Но трудности не пугали Веру.

На заводе приняли ее хорошо, да и она была не робкого десятка. Оказалось, что сил у нее хватает не только на работу. Участвовала в самодеятельности, училась на курсах сандружинниц. Окончила курсы перед самой войной.

И она стала сандружинницей в первые военные дни. Сперва была дружина при заводе, потом их собрали в районный отряд. Заводские ребята торопливо прощались с девушками и уходили на фронт. Вера, всегда такая бойкая и острая на язык, молча смотрела им вслед влажными глазами. Они шли воевать, а она оставалась в тылу, на Выборгской стороне.

— А на заводы Выборгской стороны уже падали бомбы, на улицах рвались снаряды. По радио звучал тревожный сигнал — дружинницы быстро перекидывали через плечо свои сумки, хватали носилки и бежали туда, где грохотали разрывы. Они вытаскивали искалеченных людей из-под развалин, оказывали помощь тем, кто был еще жив, убирали трупы. Тут нельзя было думать о себе, давать волю усталости или страху. И страх, и усталость отступали перед видом человеческих страданий.

Зимой они патрулировали по проспекту Карла Маркса и Лесному, по Бабурину и Нейшлотскому переулкам. Подбирали людей, упавших, не дойдя до работы, до дома.

Люди стали невероятно легкими и маленькими, но девушки таскали носилки уже не вдвоем, как осенью, а вчетвером. У них была трудная служба, а еды они получали не больше чем все.

И еще нужно было ходить по квартирам. Там тоже лежали люди — умершие и еще живые. Умерших свозили в покойницкие, но что было делать с теми, в ком теплился готовый вот-вот угаснуть огонек жизни?

Подобрав обессиленного человека, они укладывали его на детские санки и везли к ближайшей больнице. Это был Педиатрический институт, но свободных мест там давно не оставалось. Девушки хорошо знали, что принять еще одного дистрофика институт не может. И они хитрили — тихонько втаскивали больного в коридор и укладывали у дверей приемного покоя. И так же тихо уходили. Через несколько минут кто-нибудь откроет дверь, лежащего у порога увидят и окажут ему помощь. Свободных коек давно нет, но все равно врачи не оставят человека на полу.

Весной стало все-таки полегче, хотя ко всему прибавилась неимоверно тяжелая работа по очистке города. Дружинниц первыми бросили на нее. Дома Вера почти не бывала. Дружина размещалась в Батенинских банях — они стали общежитием. Только в июне Вера забежала на минуту к бабушке. Та подала ей повестку:

— Вот, вызывают тебя в военкомат.

Вера рассмеялась:

— Каждый день дежури́м в том доме, где он помещается, а повестку послали сюда. Давно она лежит?

— Давно, — сказала бабушка.

Но Вера пришла в военкомат все же вовремя. Майор, к которому направили Веру, спросил, хочет ли она пойти в армию.

— Конечно.

Она давно была готова к этому. Работая в дружине, занималась в военно-учебном пункте. Там проходили подготовку все мало-мальски способные держать оружие. Да и работу в дружине Вера уже не считала тыловой. Сколько подруг погибло на ее глазах!

— Животных любите? — задал странный вопрос майор.

Вера пожала плечами:

— Люблю, конечно.

Животных она и в самом деле любила, только не думала никогда, что придется иметь с ними дело на войне.

— Значит, на фронт собралась? — спросил врач в медицинской комиссии. — Ладно, пропустим тебя, хотя какая уж ты годная, если судить по инструкциям? А дистрофию и цингу записать все-таки придется. Ну, это ведь у всех.

На сборный пункт следовало явиться на следующий день.

Почти все девушки, приходившие в Сосновку, были ровесницами — по восемнадцать-девятнадцать лет. Лишь Ольге Дмитриевне Кошкиной перевалило за сорок, она там в матери годилась. Ее затребовали в часть как специалиста. Когда-то Ольга Дмитриевна училась в архитектурном институте, потом работала в архитектурно-планировочном отделе Ленсовета. Но за несколько лет до войны вдруг переменила профессию — стала инструктором в питомнике служебного собаководства.

В архитектурном отделе на Ольгу Дмитриевну, когда она прощалась, смотрели как на чудачку. Подумать, на что она меняла свою специальность! И зачем? Пускай бы дело у нее не ладилось, но ведь все шло хорошо, ее ценили, ее хвалили...

— Что, вам очень большую зарплату положат за этих собак?

Нет, в зарплате она теряла. Просто эта работа привлекала Ольгу Дмитриевну. Ее не интересовали рассуждения о том, какое дело почетнее и почтеннее. Она любила животных и умела обращаться с ними. У нее всегда были собаки, она много занималась верховой ездой. На конно-спортивных соревнованиях Ольга Дмитриевна получала призы. Маленькая, суховатая и подвижная ее фигура во время скачек казалась влитой в седло. Зрители поражались ее мастерству, а сама она хвалила коня, искренне считая, что ему обязана успехом: такой уж необыкновенный конь, понимает каждое ее желание.

В те годы страна жила в предчувствии войны, и многие учились военному делу — сдавали нормы на звание «Ворошиловский стрелок» или на значок «Готов к санитарной обороне». Ольга Дмитриевна стала классным стрелком, хорошо владела винтовкой, пистолетом. Иногда

она приносила домой свои мишени. Их не стыдно было показать — пробоины кучно лежали в центре, у заветной десятки.

Когда Ольге Дмитриевне предложили пойти в армию, она с готовностью согласилась, лишь где-то в самой глубине души была тревога, какой не испытывали девушки, шедшие на фронт вместе с ней.

Все-таки она много больше видела в жизни да, наверное, и лучше понимала, как трудно женщине в армейских условиях.

СТАРШИНА

Томительное ожидание разрешилось наконец-то вызовом к командиру батальона.

Прошла уже неделя, как Егор Сергеевич вернулся из далекого тылового госпиталя. Тогда он явился в командирскую землянку прямо с дороги, только сбросил у входа вещевого мешок и поправил шинель.

— Товарищ майор, старшина Петров прибыл для дальнейшего прохождения службы, — доложил он с порога.

— Здравствуй, Петров! — Командир, видимо, обрадовался ему, встал над маленьким столиком, грузный, высокий — под самый потолок землянки. — Хорошо заштопали тебя? Значит, вернулся в свою часть, молодец! А на тыловых харчах ты не больно отъелся. Кощей Бессмертный. Ладно, теперь и у нас сытнее, откормим. Саперу сила нужна. В общем, сдавай документы в штаб и поступай на довольствие.

— Товарищ майор... — Егор Сергеевич снова вытянулся по стойке «смирно». — Насчет документов у меня некомплект получился. Выздоровливающих из госпиталя отправляли в Киров, а я поехал в Ленинград — сам, по личной, можно сказать, инициативе. Аттестат у сопровождающего остался и предписание тоже.

— Выходит, сбежал? — Майор начал понимать, в чем дело. — История... Оформить тебя я пока не могу, придется улаживать в штабе фронта. Ну, обживись в батальоне, отдохни несколько дней. Пока прокормим. А назначение тебе подберем, намечается одно важное дело. Может, и лучше, что надо подождать. За это время все определится...

Всю неделю слова командира о «намечающемся важном деле» не давали Егору Сергеевичу покоя.

Отдельный инженерный батальон находился во фронтовом подчинении. Это была не совсем обычная часть, созданная для борьбы с вражескими танками. Саперы-истребители имели для этого не только мины, гранаты, противотанковые ружья, но и... собак, назначением которых было тоже уничтожать бронированные машины врага. Что же намечалось теперь?

Может быть, подрывников с собаками решили посылать во вражеский тыл? Смутный слух об этом ходил еще осенью, до того, как ранило Петрова. Он бы охотно отправился на такое дело. Или предстоит участвовать в какой-нибудь наступательной операции?

Старшина часто заглядывал к штабным писарям, пытался узнать что-либо у них, но писаря, обычно хорошо осведомленные о делах части, ничего определенного сказать не могли.

— Потерпи. Ты нашего командира знаешь. Раз обещал, что скоро получишь назначение, значит, долго ждать не придется.

За месяцы, проведенные на госпитальных койках, Егор Сергеевич соскучился по настоящему делу. Он ждал, с трудом подавляя нетерпение и нервозность. Про себя повторял, что военному человеку не положено ни напрашиваться на службу, ни от службы отказываться. И вот теперь, когда его вызвали в штаб, он кинулся почти бегом, куда только степенность девалась.

— Так вот, товарищ старшина, предписание на вас получено. С сегодняшнего дня вы снова зачислены в списки батальона. — Майор встретил его официально и теперь уже не обращался на «ты». Его строгие голубые глаза изучающе-пристально глядели на Егора Сергеевича.

— Назначение вам подобрали как заслуженному боевому командиру. Учтите, очень важное дело, с таким не каждый справится.

Майор помолчал немного, словно давая Егору Сергеевичу подготовиться к тому, что предстояло услышать.

— С завтрашнего дня мы получаем пополнение. Особое. Нам дают девушек. Мужчин в блокированном городе много не набрать. А девушки к нам идут боевые. Это же блокадницы, они такое перенесли, что другие и вообразить не могут. Вы будете начальником этой команды, надо быстро научить их военному делу.

— Девушек?! — оторопело переспросил Егор Сергеевич. — Какие же, товарищ майор, из девчонок, да еще блокадниц, саперы? На нашем деле со здорового мужика семь потов сойдет, а этих еще, может быть, за ручку водить надо.

Нечего сказать, дождался боевого задания! «Наступление, к немцам в тыл...» Стоило бежать сюда, пробиваться через все заставы и преграды!

— Вам будет нелегко, — словно и не слыша Егора Сергеевича, продолжал командир. — Но вы подумайте о девушках. Каково им на фронте? Какова для них полевая солдатская жизнь? А они идут добровольно. Надо держаться с ними твердо, спокойно и тактично. Без шуточек, без грубых слов. Будете заботиться о них, оберегать от лишних тягот и обид. А главное — учить. Сами знаете — это первейшая забота о бойце. Чтобы хорошо нес службу, не терял силы напрасно и зря не погиб. Жалеешь бойца — хорошо учи, и прежде всего учи примером.

Это была целая речь, а в батальоне привыкли к тому, что командир немногословен. Сейчас он говорил о том, что пришлось самому передумать и взвесить в последние дни. Откуда старшине было знать, что командир тоже не с легким сердцем согласился принять девичье пополнение и долго спорил в штабе инженерных войск. Но другого пополнения получить было неоткуда, а приказ есть приказ.

Егор Сергеевич попробовал было отбиваться. Ему казалось, что тут какое-то обидное недоразумение.

— Так, товарищ майор, я же полностью прошел курс лечения. От раны одна нашивка осталась. Хоть сейчас на минное поле. Чего мне сидеть в тылу?

— А я и не даю вам легкого дела. Напротив — самое трудное. Соберите всего себя, чтобы справиться. И времени не теряйте, завтра с утра приступайте к делу.

Вскоре старшина уже шел по дороге с вещевым мешком за плечами. Час был поздний, а ему предстояло перебраться через весь город — от Средней Рогатки в Сосновку. Девичья команда формировалась там, в самой тихой и отдаленной от фронта части Ленинграда.

У контрольно-пропускного пункта на Московском шоссе удалось сесть на попутную машину. На ней Егор Сергеевич и въехал в город.

Он стоял в кузове, плотно облокотившись на крышу кабины. Груз за его спиной двигался от быстрой езды как живой. Какой-то тюк, высвободившись из-под брезента, больно ткнулся в ногу. Старшина не заметил этого, поглощенный своими мыслями.

Машина шла уже по центральным улицам. Они были пустынные, дома с забитыми фанерой окнами отбегали, словно бы отводя слепые глаза. У Егора Сергеевича сжалось сердце. Почему? Он ведь представлял себе все гораздо хуже.

Его вывезли из Ленинграда в середине блокадной зимы. Он лежал на носилках, поставленных рядом с другими в кузове грузовика. Помертвелый, замерзающий город медленно уплывал назад. Преодолевая слабость и боль, Петров старался поднять голову, чтобы лучше разглядеть и запомнить. Трудно было сказать, увидит ли он город снова?

Теперь, через несколько месяцев, Ленинград выглядел по-иному. Молчаливый и суровый, загадочный в свете белой июньской ночи, он жил особенной, напряженной жизнью. Редкие люди стояли, как часовые, под арками ворот, а может быть, они и в самом деле несли караульную службу. Машины проносились с такой стремительностью, срезая углы, что было ясно — водители не задумываются о возможных встречах. На важных перекрестках попадались патрули... Лопающиеся звуки разрывов доносились откуда-то издалека. Это была жизнь войны, но все-таки жизнь, и Егор Сергеевич жадно вслушивался в эти звуки.

Они уже проскочили Литейный мост. Машина свернула направо, к Финляндскому вокзалу. Егор Сергеевич забарабанил кулаком по кабине. Едва шофер притормозил, он, перемахнув через борт, соскочил на мостовую.

— Спасибо, друг. — Егор Сергеевич протянул водителю цветастый кисет с махоркой. — Свернем напоследок?

Шофер ловко скрутил сигарку.

— Счастливо воевать, старшина!

Петров быстро вскинул на него глаза — уж не смеется ли? С девчонками воевать... Хотя шофер ведь ничего не знает. Старшина круто повернулся и зашагал к Сосновке. Подумать, сколько изворотливости, сколько сил понадобилось, чтобы вернуться к своим, в батальон. В госпитале он требовал, уговаривал, почти умолял:

«Пошлите в Ленинград, в часть, где служил. Видите бумагу, меня же требуют туда». Его и слушать не хотели: «Приказ для всех один. Поедешь в запасный полк». На маленькой станции он выскочил из вагона и пересел во встречный эшелон, направлявшийся на запад. Чего только не претерпел в пути! И по комендатурам таскали, и кормить не хотели: едет человек без аттестата, без надлежащих документов. Ну, после ранения, ну, есть затребование. Все равно солдат должен быть в команде. Самовольничать никому не дозволено. Да еще в военное время.

Несговорчивее всех оказался пожилой техник-интендант в Кобоне, поймал он Егора на самом пирсе. Уже Ладога плескалась под ногами, всего, можно сказать, и оставался до Ленинграда один прыжок — через озеро.

Разговор у интенданта был короткий, а набор слов довольно определенный: «дезертир», «нарушитель», «штрафной батальон».

Егора увели с пирса под конвоем, со «свечками». Доставили в землянку к морскому начальнику — капитану 2 ранга. Тот стал было слушать и сразу же оборвал. Не до того. Началась тревога, немецкие самолеты крутились над местом погрузки. Хлопали зенитки, земля, встряхнутая бомбами, ударяла снизу под ноги. Капитан выскочил из землянки. Егор как арестованный не мог последовать за ним — интендант глаз не спускал.

Потом, уже после тревоги, капитан 2 ранга просмотрел изрядно поистрепавшиеся за дорогу бумажки Егора. На лице моряка, измятом многодневной бессонницей, появилась усмешка.

— Форменный дезертир, — сказал он. — Все как есть. Только кто это дезертирует из тыла на фронт, да еще в блокаду?

Он повернулся к интенданту:

— Посадите этого «дезертира» на пароход. Пускай уж разбираются в его части. Ничего, ничего! На мою ответственность. Не первого такого дезертира в Ленинград отпускаю.

Затем посмотрел на Егора:

— Как же ты без аттестата всю дорогу проехал? Давно не ел, наверное?.

— Бойцы в эшелонах делились.

— Ладно, вот тебе талон, похарчись перед посадкой. На той стороне с едой строго, сам знаешь. Там без аттестата не покормят.

Так он прорвался сюда. Столько мучительных дней в дороге, потом еще неделя томительного ожидания в батальоне. И все для чего? Чтобы нянчиться с этими девчонками. Нет, надо рапорт писать. Пусть переводят в другую часть, хоть в пехоту, если здесь не нужен.

За время затянувшегося ожидания старшина Петров успел побывать в разных ротах и взводах, видел, как они поредели за зиму и весну. Многих знакомых не встретил Егор Сергеевич. Одни лежали в земле под Лиговом и Пушкином, у Пулкова и Шушар, другие — где-то в далеких госпиталях, третьи отвоёвались вчистую. Было трудно расспрашивать о старых друзьях, очень уж часто слышал в ответ: «подорвался», «осколком его», «прямое попадание».

В одной из рот у Петрова случилась неожиданная встреча.

— Товарищ старшина, Егор Сергеевич! — окликнул его возле землянки крепко сбитый, широкий в плечах ефрейтор. — Или не узнаешь?

— Гренадеров! Да ты какими судьбами?

Давно, еще до войны, они вместе начинали службу. Потом Петрова послали в сержантскую школу. Они оказались в разных частях, отслужили, вернулись домой, и тут обоих позвала война. Ничего не знали друг о друге, а теперь их дорожки сошлись.

— Какими судьбами? Не сразу расскажешь. Вроде и без вести пропал, и ранен был. — Ефрейтор глянул на золотую нашивку на груди Петрова: — Не как вы, легко, можно сказать, да тоже хворобы хватил...

— Спешешь? — спросил Петров. — Нет, так присядем на минуту. Не каждый день потерянных однопольчан встречаешь.

Он сам удивился, как обрадовала его эта случайная встреча. И ведь не так и долго с Гренадеровым служил, и времени с тех пор много прошло, а вот сейчас словно заново нашел близкого человека. Наверно, потому, что слишком много слышал в эти дни о потерях. На войне, будь она неладна, часто теряют и редко находят.

— Задание я выполнял специальное прошлым летом. Потом уж в свой батальон и не попал, — сказал Гренадеров, вспоминая, что с ним было.

Гитлеровские войска после долгой задержки на лужских рубежах, где они встретили жестокое и неожиданное сопротивление, снова

двигались тогда к Ленинграду, но вынужденное их топтание под Лугой не прошло даром. Наше командование успело создать оборону на новых местах, подготовить перед ней предполье — промежуточные рубежи, минные поля, завалы, установить фугасы на дорогах и мостах... Один из таких фугасов на мосту у деревни Жабино должен был взорвать ефрейтор Гренадеров. Наши части уже отошли, вот-вот в этих местах мог появиться противник...

Собственно, предстояло взорвать не один жабинский мост, а несколько, в разных местах. Сделать это следовало, когда противник подойдет вплотную, а еще лучше, когда уже начнет переправу. Задание было связано с, большим риском.

Командир вызвал добровольцев. Гренадеров сделал шаг вперед. Вышло еще несколько бойцов. Их разделили попарно. Вместе с Гренадеровым, бывалым сапером, пошел молодой красноармеец Витя Горбунов, из тех, кто с начала войны не день и не два обивал пороги военкоматов, упрашивая призвать в армию раньше положенного срока. Было ли ему восемнадцать? Вряд ли. Во всяком случае, Гренадеру этот Витя Горбунов казался совсем мальчишкой: круглые румяные щеки с тонкой кожей, не загрубевшей от бритвы, любопытные и чуть беспокойные глаза. Сам бы Гренадеров выбрал себе, наверное, другого напарника, понадежнее и поопытнее.

— Ты думаешь, мы играть будем? — проворчал ефрейтор, глядя на радостное и взволнованное лицо Виктора. — Задача хитрая, всякое может быть. Тебе бы подучиться сперва, чего сразу лезешь в дело? Призывали-то когда? Поди, второй день пошел.

Горбунов прибыл в часть совсем недавно. Ефрейтор его, кажется, до этого случая и не примечал.

— Не вчера!.. Я уже три недели из дома, учили нас. А к вам пришел с пополнением, правда, недавно. Задание, понимаю, какое, только на фронт я шел воевать, а не отсиживаться в обозе. Не подведу вас, не беспокойтесь.

— «Не подведу, не подведу», — протянул Гренадеров. — А ну, прыгай! — вдруг резко сказал он. — Чего глаза раскрыл? Прыгай, говорю!

— Куда прыгать? — растерялся Виктор. Они стояли на полянке, вокруг которой в березовом леске расположился на привал их батальон.

— Тут и прыгай, на месте. Раз-два, повыше, повыше! Пробегись. Давай, давай, нечего на меня глаза таращить.

Вон как у тебя котелок гремит, так и колотит по карабину. А мы не в тыл, а в предполье идем, может, через немцев пробираться будем, даже скорее всего. Ты что, их заранее оповестить хочешь? Не беспокойся, они и сами тебя постараются заметить.

Виктор стоял перед ним растерянный и обиженный.

— Может, останешься? Охотников без тебя хватит.

Виктор затряс головой. Его губы вздрагивали.

«Еще заплачет, чего доброго, — раздраженно подумал Гренадеров. — Навязался на мою голову младенец».

От места, где остановился батальон, до жабинского моста было километров тридцать, если шагать по дороге, но по дороге им идти не велели. Двигаться следовало вдоль нее, обходя открытые места. Где сейчас противник, в батальоне толком не знали. Обстановка менялась быстро, вражеские мотоциклисты да и танки могли подойти уже совсем близко.

Они вышли рано по сырой от росы траве. День начинался солнечный и тихий. Пока было прохладно, но Гренадеров подумал, что, когда солнце поднимется, станет здорово припекать. В августе под Ленинградом выдаются такие деньки — жарче, чем в самый разгар лета.

Шли молча. Виктор все еще не отошел от обиды. Гренадерову тоже разговаривать не хотелось. Да и надо было внимательно смотреть вокруг. Враг мог встретиться в любой момент. Лишь изредка Гренадеров спрашивал спутника:

— Ноги-то не наминаешь, портянки не размотались? Поди, и накручивать их по-настоящему не научился.

— Не размотались, — коротко отвечал Виктор. И чего это привязывается к нему старшой?

Они шли, не теряя дорогу из виду. Кругом расстилались желтеющие поля. Хлеб созрел, но не везде был убран. Спелые колосья тяжело клонились к земле. «Поди уж, и зерно сыплется, — размышлял Гренадеров. — А убирать кому?»

По дороге время от времени двигались группки людей с деревенскими подводами, на которых лежали нескладные, должно

быть, наскоро связанные узлы, сидели ребяташки. Население уходило от приближающегося врага.

Днем стало действительно жарко, а солдатская выкладка никогда не бывает легка, гимнастерки намокли от пота, особенно на спине, где прилегали скатки. Гренадеров не убавлял шаг. К мосту следовало прийти до темноты. Поближе к Жабинку на дороге появились мелкие отряды наших бойцов. Одни шли строем, другие — толпой, раненые вперемешку со здоровыми, оружие было не у всех.

— Отставшие, — сказал Гренадеров. — Почему только это бывает? Все ушли, а кто-то тащится позади.

К отставшим Гренадеров относился без доверия, хорошие бойцы не будут брести позади своих, хотя кто знает, почему эти люди задержались. Вдруг тоже какое-то особое задание выполняли? Конечно, можно было бы спросить у них, где немцы, но выходить на дорогу саперам было запрещено, да и что эти отставшие знали?

Жабино обходили с южной стороны. Дымков над деревней не было видно, издалека она казалась мирной и спокойной.

— Теперь уже близко.

Гренадеров хорошо помнил жабинский мост на речке с крутыми берегами. Фугасы там устанавливал их взвод. Слева от моста на берегу вырыли узкий окопчик для подрывников и старательно замаскировали дерном, чтобы чужой не нашел.

— Туда выведены провода от фугасов и дублирующий шнур. Тоже запрятаны, конечно, — объяснил он своему напарнику. — Гляди сейчас во все глаза, нет ли кого чужого. Подойти надо так, чтобы нас никто не заметил.

— Да что мы всех боимся? Подорвем мост, никто нам помешать не может. Тихо же здесь.

— Тихо, — пробормотал Гренадеров, — тихо, да не очень. — Он помолчал с минуту, прислушиваясь к глухому урчанию орудий.

— А помешать даже очень могут, если мы с тобой будем торчать на виду. Подрывать надо не когда попало, а в самый верный момент, чтобы фашисты летели вверх тормашками вместе с мостом. А они, думаешь, не понимают, что тут фугас может быть, думаешь, дуриком прут, без разведки? Это они все соображают. Так что их еще перехитрить надо.

Река стала видна за лесом. Вскоре Гренадеров разыскал окопчик и спрыгнул туда, Виктор — следом за ним. Нашли конец зажигательной трубки, раскопали и заизолированные концы саперного провода.

Гренадеров достал из вещевого мешка подрывную машинку, завернутую в кусок грубой ткани, осмотрел и стал поправлять маскировку своего окопчика.

— Как мыши, будем тут сидеть. Может, день, может, три. Харчи есть, сухой паек, вода во фляжках. Наверх вылезать только затемно, днем, значит, терпи. И наблюдай!

Движение на дороге было совсем небольшое. Прошла еще какая-то группа солдат — и снова никого до самой темноты. Ночь провели спокойно. Дежурили по очереди — один глядел вокруг, а другой спал. Пушки все ухали в стороне, не там, откуда надо было ждать противника, а сбоку, и гул стрельбы стал значительно слышнее. То ли бой перемещался, то ли ночной воздух лучше доносил звуки.

Утром за мостом появилась повозка с домашним скарбом. Лошадь вел хромой старик. За телегой тащились женщины и ребятишки. Конь, должно быть совсем вымотавшийся за дорогу, еле ввез телегу на мост и стал там, не слушая понуканий. Подъем за мостом ему было не взять. Старик несколько раз ударил коня палкой по высоко поднимавшимся и опадавшим ребрам. Конь дернулся и снова встал, опустив голову к настилу.

Старик не решался громко кричать, ворчал что-то на замученного коня и боязливо поглядывал назад.

Виктор повернулся к Гренадерову:

— Помочь надо, я сбегая, ладно?

— Я тебе сбегая! Сиди! Что, тяжело смотреть? А ты смотри все равно. Злее будешь.

Им еще довольно долго пришлось наблюдать за тщетными попытками старика заставить коня везти воз. Потом к мосту подъехала еще группа беженцев с несколькими подводами. Остановились возле застрявшей повозки, поговорили со стариком, перенесли какие-то узлы на свои подводы, выпрягли усталого коня и двинулись дальше. Старик с женщинами и детьми поплелся за ними.

Теперь в поле зрения саперов не было никого живого, кроме брошенного коня. А тот долго стоял понуро, потом подошел к реке,

напился и стал щипать траву. Через некоторое время он исчез в прибрежных кустах, и саперы даже вздрогнули, услышав его похрапывание над самым окопчиком. Конь почуял людей и пришел к ним. Стоял, наклонив голову к яме.

— Явился, понимаешь, демаскировать нас, — пробормотал Гренадеров и, отгоняя, шлепнул коня по морде. Конь фыркнул и нехотя отошел на несколько шагов...

А жаркий день медленно тек над землей, сменяясь душной ночью. Эта вторая ночь тоже прошла спокойно, лишь на третье утро саперы услышали близкую пулеметную стрельбу и треск мотоциклов.

Гренадеров придвинул к себе подрывную машинку, подсоединил к ней концы проводов.

— Они? — спросил Виктор одними губами, зрачки его глаз испуганно расширились. — Немцы?

Гренадеров взглядом указал ему на зажигательную трубку. Заводной ключ машинки уже стоял в гнезде, но Гренадеров не торопился его поворачивать. Мотоциклисты выехали к мосту, сбавили скорость и застрочили по прибрежным кустам. Пули посвистывали над окопчиком. Потом два мотоциклиста спешили и остались на мосту по краям, другие затарахтели дальше.

«Что же мы их упускаем?» — беспокойно спрашивали глаза Виктора. Его руки, державшие зажигательный шнур, дрожали. Гренадеров только предостерегающе поднял палец.

На дороге за мостом опять стал слышен звук моторов, более низкий на этот раз. Явно приближались машины. Вот они уже и стали видны — два броневика, за ними грузовики с пехотой.

Немцы направлялись к мосту, броневики въезжали на его настил.

— Ну вот... — пробормотал Гренадеров и резко нажал на ключ подрывной машинки.

Фугасов на мосту было два: один, поменьше, — у въезда на дальнем берегу, другой, побольше, — на этой стороне моста. Все тело Гренадерова напряглось в ожидании взрывов, но взрывов не произошло. Ключ под его рукой не провернулся, машинка не сработала.

Гренадеров почувствовал, что весь он покрывается холодным потом.

— Давай! — уже не таясь, приказал он Горбунову. — Давай, Витя!

И тот стал чиркать коробком по саперной спичке, приставленной к зажигательной трубке. В трубке зашипело. Теперь огонь уже шея к фугасам. — Только бы не уехали эти проклятые грузовики.

Но почему не сработала машинка? Гренадерова точно током ударило. Да он же не завел пружину! Вот почему не взорвались фугасы. Быстро поставил машинку на колени, со всей силой крутанул ключом направо — один поворот, другой, третий... Выхватил ключ, вставил в спусковое гнездо и повернул налево.

И сразу грохнуло, задрожала земля. Балки моста и машины с солдатами полетели вверх. Над окопом, точно дождь, падали обломки дерева и камни.

«Все, сделали свое!» — Страшная усталость и чувство огромного облегчения разом охватили Гренадерова. Теперь надо быстро уходить, пока враг не пришел в себя.

— Ходу! — крикнул он Виктору, и оба, пригибаясь, побежали к леску.

Все-таки их заметили. Раздались автоматные очереди. Гренадерову обожгло плечо. Боль пришла позже, когда они уже скрылись в лесу. Встали на минутку, чтобы отдышаться. Гренадеров провел по плечу рукой. Рука стала мокрой. Но они были еще слишком близко от немцев, чтобы задерживаться и делать перевязку. Лишь минут через десять, а может быть, и через полчаса, Гренадеров решил снова остановиться. Боль в плече делалась все сильнее, сводило руку, тело как-то обмякло.

— Ну-ка, друг, перевяжи, — сказал он Виктору, доставая индивидуальный пакет здоровой рукой.

Назад они шли много дольше, чем к мосту. На дорогах уже хозяйничали немцы, надо было прятаться. Двигались больше по ночам. А плечо и рука все сильнее болели, силы уходили. Они уже не ели несколько дней. Ягоды и сырые зерна, собранные в поле, — какая уж это еда?

— Опирайтесь на мое плечо, — несколько раз предлагал Гренадерову Виктор. Гренадеров отрицательно мотал головой. Он и так отдал напарнику карабин и вещевой мешок. Не хватало самому навалиться на парнишку. Гренадеров собрал последние силы и шел, не защищаясь от веток, то и дело хлеставших по лицу.

Через несколько дней саперы повстречали пехотную часть. Думали, что уже все, кончилось их илутание. Но пехотинцы тоже выходили из окружения, и саперы еще несколько дней шли с ними, пока не прорвались к своим. Не все прорвались, но Гренадеров и Виктор одолели последний отрезок пути. Виктор так и остался в стрелковой части. Гренадерова отправили в госпиталь, а оттуда в батальон, где его и повстречал неожиданно Петров.

А многие встречи, которых Петров ждал, так и не произошли. Ротой, где служил он прежде, теперь командовал незнакомый лейтенант.

— Старший лейтенант Батулин где?

— Похоронили его, — сказали Егору.

Неторопливо шагая по пустынным улицам Выборгской стороны по дороге в Сосновку, Егор Сергеевич вспоминал то одного, то другого, и все тяжелее становилось у него на сердце.

В СОСНОВКЕ

Девушки приходили в команду группами и поодиночке. У каждой был свой характер, своя судьба. Вскоре Егор Сергеевич понял, какие они разные, но в первые дни, когда команда только собиралась вместе, они казались ему словно бы на одно лицо.

Блокадный год наложил свой отпечаток на каждую. Все девушки выглядели подростками — обтянутые скулы, острые локти, выпирающие ключицы.

«Как им лопату дашь в руки, как прикажешь тащить противотанковые мины? — думал старшина. — А если сапер не может лопатой орудовать и мины таскать, то какой же он сапер?»

Петров ходил по бараку, отведенному команде, медленными шагами. Невысокого роста, широкий в кости, степенный и сумрачный, он выглядел гораздо старше своих еще не полных двадцати пяти лет. Светлые брови старшины были постоянно насуплены.

— Фамилия? Имя? Отчество? — коротко спрашивал он и делал какие-то отметки в записной книжке. — Сейчас получите обмундирование, потом в баню пойдете, переоденетесь. Ясно?

— Сердитый у нас начальник, — сказала Рите девушка, пришедшая одновременно с ней в Сосновку.

«Да, кажется, сердитый», — подумала Рита. Она немножко оробела от пристального и словно бы недовольного взгляда, которым их окидывал старшина.

— И что из того? — со смешком вмешалась быстрая Вера Александрова. — На сердитых воду возят. Не слыхали? И не сердитый он вовсе, а строгий. Так ведь военная служба, она тоже строгая. О том, что мы девушки, забудьте, мы теперь бойцы.

Но для Петрова они были прежде всего девушки, и это его больше всего смущало. Командуй ими!..

— Значит, все свое гражданское снимете, всякие платья ваши и блузки. Переоденетесь в красноармейскую форму, — распоряжался он, отправляя их в баню. — Гимнастерки вам даны второго срока. Они, значит, уже не новые, были в носке, были в стирке, но все равно должны выглядеть опрятно. Неряха уже не боец. Понятно?

— Понимаем, конечно, — откликались в строю.

— Смотрите, чтоб все было по форме. Это когда в гости ходили и на прогулку, скажем, каждая, наверно, старалась, чтобы выглядеть не как другие. В армии вид у всех должен быть единый. Вот подворотничок, например.

Старшина расстегнул верхние пуговицы своей гимнастерки, показал белоснежный подворотничок.

— Пришивайте вот так. Чтоб белая полоска не вылезала и чтоб была видна... Или ремень. У гражданских всякие моды. Кушачки и пояски по-разному надевают. В армии заправка у всех одинаковая. Затянуться как следует, чтоб ремень не висел, если к нему и лопату прицепишь или, кому положено, револьвер. В общем, чтоб больше двух пальцев нельзя было подсунуть под ремень. И пряжки чтоб в одну сторону смотрели...

Ему было как-то неловко говорить все это девчонкам. Казалось, должны обидеться. Но из строя отвечали весело, со смешком:

— Заправимся, товарищ начальник, по-армейски! Мы же гимнастерки-юнгштурмовки носили, умеем.

— Ну, так направо! Вы, боец Александрова, ведите строй. — Старшина уже знал, что Вера имеет некоторую военную подготовку. Сам он направился в каптерку. Надо было еще многое там получить.

В помещение, отведенное команде, Петров вернулся, когда переодевание закончилось. Придирчиво всех оглядел. Затянулись прилично, стараются. Правда, вороты гимнастерок очень уж свободно сидели на худых девичьих шеях и юбки оказались широки, просто болтались вокруг тощих ног. Но это, решил Петров, поправимо.

— Иголки, наверное, все с собой захватили? Вечером подгоните обмундирование. В личное время, когда, значит, не будет занятий и работы.

Беда вышла с сапогами. Их ведь тоже шили не для девушек.

— Тонем в сапогах, товарищ начальник!

— Доложите, какого номера туфли носили. Не все сразу, по очереди, начиная с правого фланга. Вы, товарищ боец, вы...

— Тридцать пятый, тридцать шестой, тридцать четвертый...

Петров только кричал. Он вызвал ротного сапожника. Тот слыл чудодеем, мог привести в образцовый вид даже такие сапоги, которые и на обувь-то стали уже непохожи. Сапожник обошел строй.

— Сапоги-то новые, хорошей работы. А вот номера от сорокового и выше. Других на складе нет. Не подходят эти бойцы к сапогам. Всего одна и есть правильного размера.

Сапожник с одобрением посмотрел на Шуру Телешову — девушку рослую и широкую в кости.

— Ей еще подогнать могу, а другим нет, не берусь. Не перешивать же новые сапоги на всех. Портянок побольше накручивайте, девчата.

Другого выхода действительно было не придумать. Но сколько же надо наvertеть этих портянок, если сапоги на пять номеров больше...

Как-то во время занятий, когда команда шла строем по вязкой, размокшей от дождя глинистой дороге, Петров вдруг заметил странное замешательство в рядах — строй нарушился, девушки смеялись и что-то старательно обходили.

— Равняйся! — скомандовал Петров. — Прекратить разговоры!

Равнение восстановилось, команда прошла топкое место, но в грязи остался торчать пустым начищенным голенищем кирзовый сапог.

— Приставить ногу!

Так вот почему они веселились! Одна из девушек стояла, как аист, поджав одну ногу.

— Копейкина, что с вами?

— Вывалилась она из сапога, товарищ старшина, — ответили за Копейкину подруги.

Что мог он тут поделывать! Только сказал девушке:

— Приведите себя в порядок и догоняйте строй. — Старшина вздохнул и внимательно оглядел свою команду. Лица были задорные, смеющиеся, мокрых глаз он не увидел. Разве какая-то неувязка с сапогами могла обескуражить этих ленинградок, переживших блокадную зиму?

Но они-то обескураживали старшину не раз. Еще тогда, после переодевания, он вдруг заметил, что одна старательно мажет помадой губы, другая пудрится, третья подвязывает лентой волосы.

— Отставить косметику! — строго сказал старшина и произнес первую речь на тему о воинском виде. Слыханное ли дело — красноармеец с накрашенными губами! — И всякие эти ленточки-бантики! Красноармейца первым делом положено стричь. Под ноль, запомните хорошенько. Вам волосы оставили, учтя, что девицы, но боец в бантиках — это ни в какие ворота не лезет. Значит, с сегодняшнего дня забываем о бантиках. До победы. Там красьтесь и пудритесь, надевайте сколько угодно бантиков-ленточек. А война есть война, и боец есть боец. Одним разговором не обошлось. Говорили на такие темы не раз, даже комсомольские собрания специально собирали.

— Ну уж от вас я этого не ожидал. Ладно, была бы какая-то вертушка, а то примерный боец, в командиры отделения намечаем, а она туда же, серьги нацепила, — выговаривал старшина Вере Александровой.

Ловкая, энергичная, старательная, эта девушка выделялась в команде. Она быстро усваивала солдатскую науку — хорошо стреляла и бросала гранату, очень скоро стала разбираться в минах. По характеру Вера была заводилой. К ней прислушивались, с нее брали пример. Петров смотрел на нее как на верную свою опору и вдруг заметил, что его «опора» нацепила серьги.

— Клипсы это, товарищ старшина, — спокойно поправила она.

— И знать не хочу, как называется, чтоб я этого больше не видел.

— Слушаюсь, товарищ старшина! — весело ответила Вера, и сняла клипсы. — А все говорят, что мне идет.

Веселая и очень хорошенькая Лиза Самойлович тоже не оправдала надежд старшины. Не так давно Лиза занималась вместе с Ритой Меньшагиной в кружке юных собаководов, ездила на смотры и выставки в Москву. В часть она попала на несколько дней позже Риты, и подруга встретила ее радостными возгласами:

— Лиза, Лиза, ты знаешь, твой Миг здесь!

Лиза не сразу и поверила:

— Мой Мигуля?

Она сдала свою собаку еще прошлым летом, как все. Мобилизация, нечего делать. Миг был второй выдрессированной ею собакой. Первую, Джульбарса, Лиза сдала за три года до войны пограничникам. Очень гордилась, что Джулька несет такую важную службу, и очень скучала по нему. Она переписывалась с бойцом, который стал проводником ее собаки. Боец благодарил Лизу, а Джульбарса хвалил — умный и выучен хорошо. Однажды пришло письмо, в котором пограничник сообщал, что Джульбарс отличился, помог задержать опасного нарушителя, перешедшего государственную границу.

«Наш Джульбарс работал бесстрашно, — писал пограничник, — вражеский лазутчик вытащил пистолет, а Джулька схватил его за руку и уже не отпускал, пока не подоспели бойцы. Все-таки нарушитель сумел его ранить. Славный наш пес погиб, но задержал врага».

Лиза горько плакала, перечитывая письмо. После гибели Джульбарса она еще сильнее привязалась к новой собаке. Расставание с Мигом было особенно трудным. Его она совсем уже не надеялась увидеть: Миг уходил на войну. И вот миновала страшная блокадная зима, а Миг, оказывается, выжил. Он был тут, в Сосновке, в питомнике, рядом с баракком их команды.

Едва услышав слова Риты, Лиза побежала к вольеру. Там было много собак, но Мига она узнала сразу. Он изменился, был так худ, что выпирали кости. И шерсть потеряла свой блеск.

И Миг сразу кинулся к Лизе. Он многое испытал и перенес за этот год. Зимой у него был другой хозяин — не очень добрый. Миг давно забыл, что значит наедаться досыта. Он научился тихо сидеть долгими часами в узкой щели, вырытой в замерзшей земле. Стыли лапы, холод леденил тело так, что мучительно хотелось завывать. Но выть нельзя было, нельзя было даже тявкнуть. Такая у Мига теперь была служба.

Теплая квартира, где он имел свой отдельный уголок, ласковая веселая хозяйка, с которой было так интересно играть, — все это отошло куда-то далеко-далеко. Миг об этом почти и не вспоминал, разве что во сне. Но вот услышал голос Лизы и все вспомнил сразу. И остановился как вкопанный. Потом бросился к проволочной сетке и лег возле нее, глядя на Лизу. Он тихонько поскуливал и всхлипывал от радости и счастья.

С этого часа Лиза при первой возможности бежала к вольерам. Она охотно работала там. Она старательно делала то, что многим девушкам было не по душе — чистила собак, убирала за ними.

Что ж удивляться, если старшина рассчитывал на нее как на примерного солдата. Да, с собаками она работала отлично, но вот держать язык за зубами Лиза совершенно не умела. Все хотелось, чтобы последнее слово осталось за ней. На любое замечание старшины Лиза норовила возразить.

— Боец Самойлович, сколько раз вам надо говорить, что поворачиваться следует через левое плечо, а не через правое?

— Какая разница? — посмеивается Лиза. — Разве мы из-за этого фашистов не разобьем?

Или явится, стукнет каблуками:

— Товарищ старшина, тут лейтенант приказал доложить вам, что я не приветствовала его.

— Что же вы не смотрите, кто идет навстречу?

— Я видела, не слепая. Только почему он требует, чтобы девушка первая кланялась ему? Невежливо это.

— От вас не поклонов требуют, а уважения к старшим по званию. Кажется, объясняли устав.

— Когда писали устав, девушки, наверное, в армии не служили.

Кончалось тем, что Лиза получала наряд вне очереди. Она мыла на кухне посуду, а старшина ходил сумрачный. Ему не хотелось давать Лизе взыскания, но что поделаешь, если она нарушает воинский порядок?

Хлопотно было старшине с этой командой... А все же когда через несколько дней в Сосновку приехал командир батальона, он заметил, что Петров уже не так горюет из-за своего назначения.

Майор приехал не один. С ним был полковник из штаба фронта. Еще на подходе к бараку команды их встретила высокая девушка с повязкой на рукаве. Обмундирование было тщательно подогнано по ее тонкой фигуре. Девушка подошла твердым шагом, отчетливо доложила:

— Товарищ полковник, дежурный по команде молодых бойцов...

Высокий, немного картавый ее голос звучал уверенно и громко, каждое движение было отработанным.

Полковник радостно улыбнулся. Такого лихого рапорта он не ожидал услышать. Комбат взглянул на подоспевшего старшину и поймал довольную улыбку, мелькнувшую на его лице. Кажется, Егор Сергеевич уже начинал гордиться своей командой.

... На курс учебы молодым бойцам дали всего десять дней. Подъем в шесть, отбой в одиннадцать и за весь день едва полчаса личного времени, когда можно заняться своими делами, пошить, написать письмо. Старшина, глядя на девушек, думал: «Не выдержат. Это и здоровому мужику тяжело». Но они выдерживали — не жаловались, не хныкали.

Был у него как-то разговор с Ниной Бутыркиной:

— Вы должны понимать — тяжело в ученье, легко в бою. Про это еще Суворов говорил...

Маленькая, тихая Нина казалась еще слабее других, но она была единственным членом партии среди девушек; вдвоем со старшиной они составляли партийную «прослойку» команды.

— А мы уж и забыли, когда было легко, — улыбнулась Нина.

«Кажется, она еще меня утешает», — с удивлением подумал старшина.

Возможно, девушка угадала ту боль, которая саднила душу Егора Сергеевича. Не девичье дело — война.

— Разве нам до армии легче было? На нашем заводе автоматы делают. Сами знаете, хлеба нет, угля нет, электричества другой раз тоже нет, А все равно работаем. Я была техническим секретарем в заводском парткоме. Работа как будто не трудная — писать протоколы, подшивать бумажки, ходить в райком, у телефона дежурить. Завод в начале войны эвакуировали в тыл, остался в Ленинграде один цех. День отработаю в парткоме, а вечером иду в цех. Я раньше слесарем была. В цеху на сборке приходилось работать до глубокой ночи. Потом с утра опять в партком. — Помолчав, Нина тихо сказала: — У меня отца кулаки убили. Я его даже не помню, но он был рабочий и большевик. И я еще в детстве решила, что буду как он.

... В минуты отдыха, в перерыве между занятиями, когда можно было рассесться на поляне или полежать на траве, команда превращалась в шумный многоголосый рой. Девушки весело болтали, ребячились, пели. Иногда старшина ловил кокетливые взгляды — девушки испытывали на нем силу своих чар. Тогда Петров принимал

суровый, «служебный» вид. Он помнил строгое предупреждение командира: «На этот счет ни-ни! В этом смысле они для нас с тобой бойцы, больше ничего. И такое отношение надо всем внушить с самого начала, с первой минуты, иначе потом уже дисциплины не установим и порядка не будет».

Пока это было, в общем, не трудно, девушки кокетничали скорее из любопытства. Всерьез их волновало другое.

— А что делает наша часть, как воюет? Расскажите про свой первый бой. Вам во многих боях пришлось участвовать? — забрасывали они Петрова вопросами.

Первый бой памятен каждому на всю жизнь. Петров принял его под Пулковом в конце сентября. Их подняли по тревоге здесь, в Сосновке, ж повезли на машинах через весь город. Взвод младшего лейтенанта Засимука (это был тогда и его, Петрова, взвод) занял рубеж у деревни Нижнее Койрово. Отрывали узкие окопы и устраивались там с собаками, чтобы встретить танки.

Стрелковых подразделений вблизи было мало. «Должно быть, впереди они», — думал Петров. Потом выяснилось, что впереди никого нет. Фашисты рвались к городу, они были полны самоуверенности, считая, что уже достигли цели. Двенадцать раз повторялись атаки фашистов. Но взвод выстоял.

На фашистские цепи обрушивался шквалом артиллерийский огонь. Били батареи от Пулковских высот, снаряды орудий главного калибра летели с Невы и Финского залива, где стали на боевую позицию корабли. Должно быть, из-за этого немцы не решались бросить в атаку танки. На второй день саперы были уже не одни. Подоспевшие роты ополченцев заняли окопы.

Атака сменялась атакой, взвод редел. К ночи второго дня подошла батальонная кухня, но едоков почти не оказалось.

Под утро от Пушкина, со стороны немцев, прорвалась группа красноармейцев. Они шли без командиров, многие без оружия. Засимук остановил их, привел группу в порядок, вооружил.

— Принимайте команду, — сказал он Петрову.

Егор Сергеевич быстро расставил бойцов — гитлеровцы уже поднимались в новую атаку.

В конце третьего дня истребителей сменили — пришла стрелковая рота и заняла их позиции у Нижнего Койрова. Фашисты так

и не смогли выбить их оттуда...

— А снайперы есть в нашем батальоне? — поинтересовалась Вера Александрова, и Егор Сергеевич отметил, что она уже называет батальон «нашим».

— Снайперы у нас есть, — ответил старшина. — И винтовкой фашиста бьем не хуже пехотинцев.

Еще в начале зимы саперы, как и пехотинцы, стали выходить на «охоту», выслеживали фашистов и били поодиночке. Орудия и минометы действовали скупно — боеприпасов оставалось в обрез, но нельзя было давать врагу покоя. Егор Сергеевич открыл личный счет одним из первых, и счет этот теперь был солидный. Но старшина не любил называть цифры.

— Счет имеется, а сколько точно, трудно сказать, — отвечал он пришедшему в роту корреспонденту. Тот нетерпеливо постукивал карандашом по чистой странице блокнота:

— Ну приблизительно?

— Что значит приблизительно? Третьего дня лежал я в засаде. Ждал долго, наконец появилась над бруствером голова. Приложился, выстрелил. Голова исчезла. Должен был я в нее попасть, обязательно должен, но кто знает, может, и мимо пальнул, а фашист убрался с испугу?

— Очень уж ты осторожный, старшина.

Егор Сергеевич едва заметно улыбнулся:

— Саперу надо быть осторожным.

Впрочем, были случаи, когда он мог с полной уверенностью делать записи в личном счете. Как-то декабрьской ночью Егор Сергеевич дежурил в первой траншее. Недалеко от него стоял пулемет. На передовой было тихо. Казалось, всякая жизнь замирала на лютom морозе. Только озябший пулеметчик стучал ногой об ногу и часто тер рукавицей лицо. Потом он не выдержал.

— Зайду на минуту в землянку, погреюсь.

Егор Сергеевич остался один. Он внимательно смотрел вперед и вдруг заметил движение в немецкой траншее. Траншея была неглубокой, а группа фашистских солдат шла не таясь, в полный рост.

Петров схватился за пулемет, повел им вправо, влево и поймал фашистов на мушку. Длинная очередь разорвала ночную тишину. В

немецкой траншее закричали, несколько фашистов бросилось бежать. Петров дал новую очередь. Его пули снова настигли вражеских солдат.

Пулеметные очереди разбудили передний край. Началась частая стрельба с обеих сторон. Из землянки выскочили наши бойцы, появился лейтенант — командир взвода.

— Ты стрелял? В кого? — торопливо спросил он Петрова и строго сказал пулеметчику: — С тобой еще будет особый разговор. Сейчас смотри за фашистами, глаз не спускай. Может, снова появятся.

— Обязательно появятся, у них тут, видно, дело есть, — отозвался Петров. — Разрешите мне еще постоять у пулемета?

Фашисты действительно пришли минут через сорок, когда стрельба на переднем крае поутихла. Двигались они осторожно, низко пригибались ко дну окопа, но Петров все же их заметил и накрыл новой очередью.

— Тебе, старшина, пулеметчиком служить, а не сапером, — сказал тогда лейтенант. — Подтверждение на убитых фашистов получишь, пиши на свой личный счет.

— Я из пулемета стрелял не раз, — откликнулся Егор Сергеевич. — На действительной. Ну а с тех пор сколько прошло? Всего и погулял полгода. Только успел жениться...

Боевой азарт, радость успеха еще владели им, но перед глазами вдруг возникло лицо Люды, жены, и тоска резанула сердце. Два года Людмила ждала его, а сколько пробыли вместе? Люди говорят про медовый месяц, а у них и полного месяца не вышло, оборвала война...

Впрочем, рассказывать все это девушкам было трудно, слишком много тут было личного, касавшегося, как он считал, лишь его одного.

О боях, в которых пришлось участвовать, он говорил скупой, может быть, и потому, что на словах все получалось не так. Слова передавали события, внешний их ход, а главное заключалось в том, что было испытано и пережито.

Но девушки, должно быть, как-то понимали это. Они слушали, притихшие, по лицам пробежали тени волнения. Каждая прикидывала, выдержала бы она, как повела бы себя во время таких испытаний?

Отдых прерывался командой: «Приступить к занятиям!»

Все двигалось установленным порядком, а мысли о будущем, о боях не покидали, хотя ясно представить себе будущие бои девушки

все же не могли. Больше всего боялись, как бы не струсить, не оплошать.

Программа занятий в девичьей команде была очень сжатая — часов мало и все в них надо вместить: уставы, строевую, освоение саперной специальности и работу с собаками. В программе был даже особо записан этот предмет — кинология. Кинология — наука о собаках. За короткие часы какую уж науку можно преподать? Так, самые общие сведения. Но, когда занимались этим предметом, Петров сумел оценить предусмотрительность командира батальона, позаботившегося о том, чтобы в команду попали девушки, раньше работавшие с собаками. Благодаря им обучение всей команды шло лучше и быстрее. У Егора Сергеевича были отличные помощницы.

Петров напоминал девушкам:

— Ваша собака должна хорошо работать, без срывов. Запомните: мало того что она будет точно, без запинки выполнять ваши приказы. Важно, чтобы она не выполняла то, чему вы ее научите, без вашего приказа, по собственной прихоти. Иначе может получиться не польза, а вред.

Старшина молчал с минуту, подыскивая подходящий пример.

— У нас в батальоне был такой хитрюга пес Рыжий. Дрянной пес, правду сказать. Хорошая собака ничего не станет есть без разрешения хозяина. Можешь ей кусок мяса положить поднос, но скажешь «нельзя», она не возьмет. Можешь уйти. Все равно будет сидеть над этим куском мяса. Слюной изойдет, а не тронет.

Ну, Рыжий не таков был. Мог стащить все, что плохо лежит: ломоть хлеба унести у солдата, тем более сахарок. Это, понятное дело, дрессировщик виноват.

Учили Рыжего связной службе, пакеты носить. Ну, прибежит собака на пост, принесет пакет, ей поощрение дают — сухарь, кусочек сушеного мяса.

Рыжий вначале бегал медленно, времени много терял зря. Потом пришла голодная пора, блокада. Кормили собак плохо, они совсем отощали. И Рыжий стал бегать, когда его и не посылают. Прибежит в роту, там думают, какое-то распоряжение прислали с собакой, а у Рыжего ничего нет. Просто тычется мордой в руки солдат, требует угощения.

Что ж вы думаете, несколько раз он своими самовольными приходами настоящую тревогу поднимал. Прибежит без донесения, а в роте думают, у него пакет по дороге отняли, может, в руки врага попал. Пришлось Рыжего из части списать. И ведь не глупый был. Пропал из-за плохого воспитания.

— Ваша правда, товарищ старшина, — тут же вмешивалась в разговор Лиза Самойлович. — Я про одну караульную собаку знаю. С ней целая история вышла. Сколько народу перепугала — ужас! Можно рассказать?

— Что ж, говорите, — согласился Петров, — только покороче.

Но Лизе хотелось передать все подробности.

— Так вот, понимаете, собака эта, Найда, была у одного нашего мальчика, у Саши Фролова. Большая черная овчарка. Постороннему человеку к ней и подойти страшно.

Саша обучал Найду караульной службе. Она охраняла промтоварный магазин в Лесном. Саша приводил туда Найду к концу торговли. Все шли домой, Найда оставалась одна. Товару в ящиках, на прилавках, на витринах на большие тысячи, но беспокоиться нечего — никто не влезет в магазин. Найда не пустит.

И все же вор влез. Он забрался в магазин еще до закрытия. Спрятался в чулане в пустом ящике. В тот день магазин получил большую партию часов. Вот он и решил поживиться.

Представьте себе, никто его не заметил. Кончили торговать, заперли в магазине Найду, навесили снаружи замки, опечатали двери — все как полагается. Пошли спокойные продавцы по домам. А Найда, как осталась одна, стала все обнюхивать и быстро почуяла чужого. Подошла к ящику, скребет лапами крышку, рычит. Вор выскочил и вскарабкался на полку, под самым потолком. Полка, куда залез вор, узкая, не повернуться, а Найда сторожит, глаз не сводит.

В общем, сидел этот вор на полке час, сидел два, больше сил у него нет. Руки и ноги отеки, чувствует, что скоро свалится прямо собаке в зубы. Уже и забыл, что в коробках на этих самых полках сотни часиков, целое богатство. Думает только об одном: как выбраться? Совсем он в отчаяние пришел, но вдруг заметил под полкой на прилавке телефон. Как-то дотянулся до него, звонит в милицию: «Приезжайте скорее, берите меня, арестовывайте, а то упаду

с полки и разорвет меня этот зверь на куски». «Да кто говорит?» — спрашивают. «Я, Васька Козырь, знаете меня...»

Прекрасным сторожем была Найда, но один раз получилась с ней крупная неприятность, и Саша был сам в этом виноват. Какую-то сделал он ошибку, когда дрессировал свою Найду.

В тот день мать Саши ушла к соседке и не заперла наружную дверь. Найда вышла из дому и отправилась в магазин. Сама пришла, без хозяина. В магазине торговля шла вовсю. Только что какой-то товар привезли, за ним выстроилась очередь.

Найда, увидев эту толчею, улеглась на пороге. Покупатели подходят к магазину — Найда рычит, не пускает. Другие хотят со своими покупками уйти — Найда не дает. Кто-то попробовал перешагнуть через четвероногого сторожа — не тут-то было! Найда лязгнула зубами да и куснула человека за икру.

В магазине ругаются, кричат. Кто-то в панику ударился: мол, собака бешеная, всех перекусает. И снаружи собралась толпа — всем интересно, что за непонятный случай. Милиционера привели. А он руками разводит:

— Что я могу сделать? Раз собака устроила беспорядок и нарушает торговлю, у меня только одно средство — пристрелить, и все тут.

Из магазина ему кричат:

— Правильно, стреляй! Сколько нам сидеть у этой бешеной собаки в плену?

Милиционер уже вытащил револьвер. Говорит:

— Осадите, граждане! Сейчас буду открывать огонь.

Счастье, что тут подъехал на машине директор магазина.

— Стой! — кричит милиционеру. — Убери пушку! Это Найда. Какая она бешеная. Она наш сторож.

Но и директор не может собаку увести. Она никого не признает — одного своего хозяина, Сашу. Отправили за Фроловым в школу автомобиль. С урока вызвали. Только Саша смог снять с магазина собачью осаду.

Лиза не просто рассказала эту историю, она тут же сделала вывод применительно к военной обстановке:

— Собаки несут караульную службу и в армии. Представляете, что будет, если собака сама, самовольно встанет на пост? У склада с

боеприпасами или у штаба. Какая кутерьма пойдет! Надо везти приказ в части, а собака не выпускает! Верно я говорю, товарищ старшина?

Все верно. Вести занятия, когда есть такие помощницы, Петрову легче.

ВЕЛОСИПЕДИСТКИ

Вера Александрова попала на передовую одной из первых в своей команде. Прежде всего туда потребовались связные. Наши войска старались улучшить позиции, и атаки носили упорный и кровопролитный характер. Группе истребителей танков, стоявших по всей линии фронта, ставилась задача закрепиться на занятом рубеже, отбивать, танковые контратаки... Штабу батальона необходимо было поддерживать с ними прочную связь. На телефон рассчитывать можно было не всегда, приходилось посылать с донесениями связных на велосипедах.

— Кто умеет ездить на велосипеде? — спросил старшина.

Велосипедисток оказалось мало. Старшина посмотрел на Веру Александрову. Отобрал еще нескольких.

— Велосипеды получите, а на выучку даю вам три дня.

Три дня Вера воевала с велосипедом. Падала, набивала синяки и снова садилась в седло. На сочувствие подруг отвечала, посмеиваясь:

— Погодите, еще чемпионом буду. Вот устроим гонки...

Через несколько дней велосипедисток перевели во взвод связи.

Вера была дежурной, когда поступил приказ выслать роту истребителей танков под Старо-Паново, чтобы закрепиться на вновь захваченной позиции. Бойцы быстро сели на грузовики вместе с собаками. Штабной командир сказал Вере:

— Поедете с Савельевым за ними.

Савельев, добродушный и обычно неторопливый боец, известный во взводе как «мастер затяжного сна», уже стоял у землянки с велосипедом. Для него такие поездки были не внове.

— Айда, девушка!

Вера закинула карабин за спину, взяла свой велосипед, скептически поглядела на него:

— Ехать так ехать.

Грузовики роты уже пылили где-то впереди на разбитой и ухабистой дороге. Как ни хорошо ездил Савельев, все же и ему было, конечно, не поспеть за машинами, а Вере тем более. Ее велосипед вилял на рытвинах, его неудержимо тянуло в кюветы — то в правый, то в левый.

Когда они подъехали к первому контрольно-пропускному пункту, грузовиков и след простыл.

Савельев расспрашивал пожилого бойца, проверявшего документы, куда пошли машины. Тот махнул рукой вперед. Поехали туда, а где свернули, кто их знает?

Миновав развилку дорог, попали в лощину, изрытую воронками и перерезанную траншеями. На велосипеде здесь проехать было трудно, каждую минуту надо было слезать и, таща его, перескакивать через препятствия. А потом снова садиться. Для Веры это было сущей мукой.

— Эх, Александрова, Александрова! — ворчал Савельев, по-сибирски делая ударение на «о». — Когда ты станешь ездить по-людски?

Они медленно продвигались вдоль ручья по лощине, выше которой шло широкое асфальтированное шоссе, и Савельев не выдержал:

— Рванем поверху, была не была!

Только успели выбраться на шоссе и немного проехать, как попали под сильный огонь.

— Слезай! — прикрикнули из ближней траншеи. — Чего немцу глаза мозолите? Он и так молотит дай боже!

Снова скатились в лощину. Но противник и ее держал под плотным артиллерийским огнем. На подходах к передним траншеям вздымались разрывы. Ветер не успевал относить столбы поднятой ими пыли.

По траншеям от передовой медленно брели раненые.

— Смотри, политрук, — остановился Савельев.

Политрук роты, в которую они направлялись, шел навстречу, ординарец поддерживал его под руку. Вторая рука, замотанная

бинтами, выглядела белым комом, на котором проступили бурые пятна.

— Так вам до роты не добраться, — сказал политрук, — тем более с велосипедами. Надо в объезд. До роты рукой подать, а в объезд несколько километров, но ничего не поделаешь — здесь и мышь не проскочит.

Вид у Веры был совсем измученный. Внимательно посмотрев на нее, политрук сказал:

— Вот что, Савельев, оставь напарницу здесь, а сам поезжай к командиру роты. За ней придешь после, или командир пришлет связного.

Савельев ушел, а Вера осталась ждать. Несколько артиллеристов подкатили совсем близко сорокапятимиллиметровую пушку и открыли огонь.

«Ну, — подумала Вера, — сейчас тут будет совсем весело». И «веселье» действительно вскоре началось. Немцы открыли по пушке ответный огонь. Низко, почти над самыми головами, прошел «мессершмитт». Он бил из пулемета и сыпал мелкими бомбами. Но расчет продолжал стрелять. Потом Веру сильно потрянуло, она увидела красную вспышку, на месте которой сразу же начал расти черный столб. В нем вертелось пушечное колесо, летели вверх какие-то обломки...

Когда стало потише, Вера решила пробираться в роту. Раненых встречалось все больше. Среди них были и бойцы-истребители.

В роте, увидев Веру, удивились.

— Цела! — радостно улыбался ей Савельев. — Мы видели, какая там была карусель. Значит, ты здесь останешься, а я поеду с донесением.

Он двинулся по траншее, а Вера прошла немного следом, проводить его. Савельев был метрах в десяти от нее, когда возле самой траншеи разорвался снаряд. Савельев упал рядом с велосипедом. Вера подбежала к нему. Боец лежал, показывая на свои ноги. Они были в крови.

— И велосипед вот... — проговорил Савельев. — Видать, оба отвоевались.

Вера уже разрывала индивидуальный пакет:

— Сейчас перевяжу. Тебя починят, а велосипед... велосипед другой найдется, не велика беда.

Она быстро и уверенно перевязала раненого. Лицо Савельева стало бело-зеленым.

— Донесение... — тихо, с усилием сказал он. — Донесение тебе везти...

Вера взяла конверт:

— Сейчас тебя заберут в санбат, поправляйся скорее. Будем ждать назад.

Савельев ничего не ответил. Она пошла по траншее, добралась до того места, где оставила свой велосипед, и двинулась дальше, ведя его по узкому ходу сообщения. Велосипед мешал ей, педаль ударяла по ногам. Начался новый артиллерийский налет. Снаряды ложились густо. Видно, немцы успели хорошо пристрелять эти места. От близких разрывов трескали доски, которыми кое-где были укреплены стенки траншеи, летели камни и сыпалась земля.

— Забирайся сюда, — показал рукой на нишу под бруствером незнакомый пехотинец.

Вера едва успела подумать, что, пожалуй, он прав, надо переждать, как ее подбросило, швырнуло в сторону, что-то тяжелое навалилось на нее и вдавило в землю.

Она пришла в себя, когда налет уже прекратился. С трудом пошевелила головой. Ощущение страшной тяжести не проходило. Попробовала подняться, но тяжесть, давившая на нее, не давала двигаться. «Засыпало», — поняла Вера. Медленно, сбрасывая навалившуюся землю, она выбиралась из завала, с огромным напряжением столкнула наконец с себя неподатливую мягкую тяжесть. Посмотрела на руки, темные от крови. Кровь была и на разорванной гимнастерке, покрывала черными сгустками колени. Но это была не ее кровь. Рядом Вера увидела мертвое, изуродованное тело того самого бойца, который только что советовал ей укрыться в нише. Теперь и ниши не было. Снаряд разорвался в самой траншее и наполовину засыпал ее.

Вера поднялась, переступила с ноги на ногу, осторожно пошевелила руками. Как будто все цело. Только жужжит, жужжит в ушах, точно над ней кружатся шмели. Обломки велосипеда торчат из земли, засыпавшей траншею.

Обтерла, как могла, руки и колени, отряхнула гимнастерку. Беспокойно подумала: «Много времени прошло, надо бежать».

Ноги плохо двигались. И все-таки она, преодолевая себя, то шла, то бежала — сперва по траншее, потом выбралась на железнодорожную насыпь и двинулась по ней. На полотне дороги лежали раненные.

— Сестрица, пить, сестрица, помоги, — просили они.

— Сейчас придут санитары, мне задерживаться нельзя, — виновато отвечала она, задыхаясь.

Она плакала от острой жалости к этим страдающим людям, но не замечала слез, которые текли по лицу. «Не останавливаться, скорее», — твердила она себе, чувствуя, что, если остановится, уже не сможет бежать дальше.

Чтобы сократить путь, Вера свернула с насыпи в поле. И теперь бежала напрямик. Стало очень темно, только справа, там, где проходила передовая, поднимались в небо ракеты. Вера с удивлением отметила, что уже долго никого не встречает.

«Не сбилась ли, туда ли иду?» — думала с тревогой. И очень обрадовалась, увидев перед собой бойца. Он что-то закричал ей отчаянным, исступленным голосом и стал размахивать наганом. Вера не различала его слов-, только радовалась и старалась отдышаться.

— Стой!.. Руки вверх!

Наган почти уперся ей в грудь.

— С ума ты сошел, что ли? — Вера медленно подняла руки.

Лейтенант, к которому Веру привел боец, разобрался в деле довольно быстро. Он знал часть, где она служила, а документы у нее были в порядке.

— Следуйте дальше, — сказал лейтенант. — Идти можете?

Она молча кивнула.

— Проводи, — приказал лейтенант бойцу.

— Шофер я, командира полка вожу, — смущенно объяснял боец по дороге. — Теперь задразнят — с девчонками воюешь. А откуда мне знать, кто ты такая? Прешь как ненормальная и даже не понимаешь, что тебе кричат. И откуда прешь? Прямо с минного поля. Разве кто из наших там пойдет? Ну и принял за шпионку. Вид у тебя тоже... Точно собаки рвали.

У Веры не было даже сил, чтобы посмеяться над шофером. Нашелся герой! Он что-то говорил еще, смущенным, извиняющимся тоном, кажется, объяснял, что мины на поле были поставлены противотанковые, иначе Вере не остаться бы в живых... Она, почти не слушая его, с трудом преодолевала эти последние, казалось, самые тяжелые метры до командного пункта батальона. Отдала донесение.

Сон одолел ее сразу, как только удалось добраться до нар. Она словно провалилась в него, как в темную пропасть, — ведь сорок пять часов была на ногах.

Когда проснулась, хотела спрыгнуть с нар, но малейшее движение вызывало острую боль в правом боку. Слезать пришлось с помощью девушек.

— Еще бы, — сказал врач, — при таком-то кровоизлиянии...

Только тут Вера увидела, что весь правый бок у нее посинел. Да и нога тоже.

— А в общем, вы счастливо отделались.

Врач оказался прав. Через несколько дней она снова села на велосипед и, удивительное дело, стала ездить куда увереннее.

Вера возила пакеты по несколько раз в день. Маршруты были дальние — от Средней Рогатки к Понтонной или Лигову, потом в Смольный, на Дворцовую площадь, в Сосновку. За иной день проезжала больше сотни километров. Теперь у нее был хороший полугоночный велосипед. Близ передовой с него приходилось слезать. Под Лиговом Вера оставляла его у артиллеристов и шла вперед ходами сообщения. Редко выдавались спокойные дни, а чаще приходилось опять попадать под артиллерийские налеты, под бомбежки и пулеметный огонь. Видеть кровь, слышать стоны раненых. Но теперь для нее это были будни войны.

ЛИНИЯ СВЯЗИ

Привыкают...

По интонации командира батальона Петров не понял — утверждение это или вопрос. Командир теперь часто приезжал в Сосновку, его интересовало, как идут занятия в «девичьей команде».

— Привыкают, товарищ майор, — сказал старшина, — так точно. С животными занимаются охотно, и, что я замечаю, собаки к ним привязываются, признают быстрее даже, чем вожатых-мужчин. Девичье сердце — оно ведь ласковое, а животное это чувствует сразу. Вот только...

Они шли по учебному полю, просторному и залитому солнцем. Было жарко. Девушки занимались мелкими группами в разных концах. Инструкторы учили их дрессировке собак, а некоторые девушки работали с собаками сами.

Старшина и майор остановились возле Лизы Самойлович. Она не заметила их. Миг только что пулей подлетел, услышав команду хозяйки, и стоял, глядя на нее преданными глазами. Его хвост так и ходил из стороны в сторону.

— Мигуля, милый ты мой! Умница, все понимаешь, — тихонько приговаривала девушка, нежно глядя собаку.

Комбат не стал мешать Лизе.

— Что «только»? — спросил он Петрова.

— Нежности, товарищ майор, видите сами. Трудно ей будет послать этого Мига под танк...

— Еще бы... А тебе разве легко?

— И мне трудно, но уж девчонке...

Петрову вспомнилась вдруг декабрьская ночь под Пулковом. Траншея боевого охранения, а перед ней синеющее в холодном свете

луны снежное поле, застывшая в лютom морозе нейтральная полоса. Петров стоит в траншее с несколькими бойцами, и все они напряженно вглядываются в нейтралку.

— Амур, Амур, — тихо зовет то один, то другой.

Там, впереди, собака, она лежит как раз посередине между нашей передней траншеей и немецкой. Прошлой ночью стрелковый батальон предпринимал разведку боем. Ему придали взвод истребителей с собаками — на случай танковой контратаки. Один из истребителей был убит на нейтральной полосе.

Под утро батальон, проведя разведку, отошел. Истребители вернулись вместе с ним. Бой утих. Санитары вытащили раненых, но, когда совсем рассвело, из траншеи заметили какое-то движение в середине нейтральной полосы. Возле трупa лежала собака. Она время от времени настораживала уши, поднимала голову, потом снова опускала ее к телу вожатого.

Собаку много раз пытались подзвать — окликали, свистели. Она только поднимала голову и опять укладывалась в снег.

Конечно, Амура видели и немцы, их снайперам ничего не стоило убить собаку, но они не стреляли. Может быть, собака их не интересовала, а может быть они ждали, что к ней попробует подобраться человек.

— Надо самим пристрелить ее, — сказал кто-то из пехотинцев, — все равно замерзнет или осколком ее...

На него зашумели.

А собака продолжала лежать почти неподвижно, лишь время от времени поднимая голову, и только по этому можно было судить, что она еще жива. Так прошел день. К ночи стало морознее. Холод сковывал тела бойцов, коченели руки и ноги.

— Амур, Амур...

Не выдержало солдатское сердце. Два бойца выбрались из траншеи и поползли по нейтральной полосе. Из траншеи видели, как подрагивают, качаются за их спинами винтовки, потом различить их стало трудно.

А бойцы все ползли: один — впереди, другой — на шаг за ним. Они добрались до собаки, и первый протянул к ней руку.

Амур глухо зарычал и щелкнул зубами. Уходить от тела своего вожатого он упорно не хотел.

— Пусти меня, — сказал шепотом второй боец. — Меня он знает, из нашего ведь отделения.

Вытащил из кармана длинный дрессировочный шнур — хорошо, что захватил с собой, — подполз к собаке поближе.

— Амур, Амур, — тихонько звал он.

Услышав знакомый голос, Амур стал рычать не так грозно.

Боец сделал петлю, накинул на шею собаке и пополз назад, таща Амура за собой. Тот упирался, но шнур сдавливал горло, да и после суток, проведенных на лютom морозе, без пищи, у собаки сил сопротивляться оставалось мало. Второй боец выносил тело убитого вожатого. Продвигались они очень медленно. Несколько раз бойцам приходилось отдыхать и сменять друг друга. Хорошо еще, что луна скрылась и ночь стала совсем темной. Немецкие наблюдатели не заметили их.

К траншее подползли, уже когда начало светать, с трудом перевалили через бруствер. Собака свалилась вслед за бойцами и не сразу встала на ноги. В землянке они давали ей хлеб — отламывали от блокадного пайка. Амур не ел, только полакал немного воды.

Он еще долго был сам не свой, ходил, опустив хвост, и смотрел на всех тоскующими, влажными глазами. Не мог забыть вожатого...

— Да, война... — проговорил комбат, словно угадывая мысли Петрова. — Всем трудно.

Он посмотрел на Лизу, продолжавшую заниматься со своим Миготом.

— А посылать эту собаку под танки не придется. Сейчас нам прежде всего нужны собаки-связные.

Рита Меньшагина пришла на КП стрелкового батальона с напарником. Они вели двух собак на коротких поводках. Собаки были очень разные: рыжая гончая Кайкер — порывистая, любопытная, всюду старавшаяся сунуть свой мокрый нос, и несколько медлительная важная красавица Ретчер — колли, шотландская овчарка, с длинной роскошной шерстью, желтой на спине и белой на груди.

— Смогут работать? — спросил командир стрелкового батальона, переводя взгляд с Риты на собак, жавшихся к ее ногам. — Участок тяжелый. Из передовой роты днем сюда не пройти. Случается, из трех

связных один и то не всегда доберется. Немец выше нас устроился, все просматривает, проклятый. Он и собак заметит.

— У собаки ведь скорость какая, это учитывать надо, — ответила Рита. — Не беспокойтесь, работать будут. Собаки могут работать и не на такой дистанции.

Командир внимательно разглядывал Риту. Она определенно нравилась ему. И то, о чем она говорила, было очень важно. Потери связных донимали батальон. В роту, выдвинутую вперед, к Лигову, старались ходить по ночам, но ведь не всегда можно ждать до ночи — то приказ нужно срочно передать, то получить донесение. И люди гибли на этом проклятом куске болота, где трудно было зарыться в землю и каждый идущий оказывался у противника на виду.

Ночью напарник Риты ушел в роту с собаками, а утром примчался на КП Кайкер. Рита была в траншее, и собака сразу ее нашла. Кто-то из бойцов попробовал остановить Кайкера, но веселый, ласковый пес оскалил зубы и так зарычал, что боец быстро уступил ему дорогу.

Рита расстегнула портдепешник на шее собаки. Там лежала записка командира роты. Пустая записка, по правде сказать. Ротный, видно, еще не очень доверял такому виду связи. Но с этого началась постоянная работа Кайкера, Ретчер и других собак на самых трудных направлениях под Урицком и Лиговом.

Собаки проделывали свой путь по несколько раз в день, они стремительно носились с донесениями из батальона в роту, из роты в батальон... Выпал снег, и на Кайкера и Ретчер стали надевать «маскхалаты» — полотняные попонки, делавшие их не такими заметными на белом поле. Даже на хвосты надевали полотняные колпачки.

Собаки совсем освоились с опасной службой. Они не пугались выстрелов и разрывов, но стали разбираться в них. На открытом месте, услышав вой приближающейся мины, ложились, прижимаясь к земле, и вскакивали вслед за разрывом, чтобы еще быстрее продолжать путь.

Теперь уже в портдепешники, пристегнутые к ошейникам собак, не клали пустых записок. И в ротах, и в батальоне убедились, что собаки — надежные связисты, на них можно положиться.

Батальону были приданы уже не две, а шесть собак. Они держали связь на трех направлениях — с ротами и боевым охранением. Командиры не могли нарадоваться: донесения и приказания

доставлялись в несколько раз быстрее, чем прежде, когда на этих линиях работали пешие посыльные. И столь донимавшие батальон потери посыльных прекратились.

Сколько раз, бывало, осколки выводили из строя телефонные линии, но сообщения из батальона в роту, из роты в батальон продолжали поступать.

Солдаты радостно встречали собак.

— «Почтальон» пришел, — передавалось по траншее. Они и стали почтальонами: носили солдатские треугольнички в сумках. С собаками пересылали не только письма и бумаги. Случалось, они доставляли в боевое охранение даже патроны.

Кайкер подружился с комбатом. Тот всегда имел для собаки кусочек сахара или сухарь. Кайкер принимал угощение с достоинством, спокойно. Он неторопливо снимал лакомство с протянутой ладони, разрешал гладить себя, чесать за ушами, даже довольно урчал при этом. Но к портдепешнику могла притрагиваться только Рита. Всего один раз комбат попытался взять донесение сам, и Кайкер злобно огрызнулся, показав острые клыки.

Если, придя в землянку КП, Кайкер не заставал Риту, он забирался в закуток, где она жила, ложился на ее плащ-палатку и сердито урчал, когда кто-либо подходил близко.

Постепенно командиры так поверили в «собачью связь», что стали использовать ее даже для передачи сведений, которые ни в коем случае не должны были попасть в руки врага.

Весной, когда быстро таял под солнцем снег, сообщение с передовой ротой стало особенно трудным. Ложбина наполнилась водой, до ней пробегала рябь, точно это было настоящее озеро. Ночью на воде белыми блинами плавал ледок. Собаки бесстрашно входили в воду и, когда лапы не доставали дна, пускались вплавь. Однако Кайкера среди них уже не было. Нелепая осечка с ним произошла.

Незадолго перед тем вблизи батальона заняла позицию минометная батарея. Огня она пока не вела: то ли боеприпасы экономили — блокада еще не была прорвана, — то ли командование не хотело, чтобы немцы раньше времени обнаружили батарею.

Мимо этой батареи проходил обычный маршрут Кайкера. Не удивительно, что минометчики обратили внимание на собаку. Как она

сюда попала, они не знали и решили поймать ее. Может быть, из бдительности, а может быть, просто развлекались.

Один боец уже схватил Кайкера за ошейник. Тот укусил его и быстро отскочил. Настичь его минометчику не удалось.

С этого раза Кайкер больше не ходил мимо батареи, а делал крюк, обегая ее стороной. Все-таки однажды минометчики снова заметили его, Кайкер бежал к боевому охранению по полю.

— Гляди, через фронт идет! — крикнул один из бойцов. Не раздумывая, он вскинул автомат и дал очередь.

Расстояние было небольшое, попасть легко. Кайкер остался лежать. Минометчики подошли к его телу и ахнули, обнаружив на собаке маленькую сумку с запиской.

Прошло немного времени, и на КП стрелкового батальона требовательно зазуммерил телефон.

— Сверху, — сказал дежурный связист. — Да, «Фиалка» слушает! Есть, вас понял, есть!..

Он отнял трубку от уха и доложил комбату:

— Меньшагину вызывают в штаб дивизии. Немедленно.

Рита пришла в дивизию, когда уже смеркалось.

— Боец Меньшагина прибыла по вашему вызову!

В землянке были двое — капитан и старший лейтенант. И старший лейтенант, кивнув на Риту, сказал капитану:

— Это та самая девчонка, которая посылала немцам наш пропуск.

У Риты было ощущение, точно ее ударили по голове.

— Каким немцам! Это же связная собака на линии, она в роту шла!

— Объяснения будешь давать, когда спросят! — оборвал ее старший лейтенант.

— Почему посылала собаку с секретными сведениями?

— Что посылать, не я решаю, распоряжается командир, а связь через собак самая надежная. Это проверено, и не только в здешнем батальоне.

— А почему у твоих собак клички немецкие — Кайкер, Ретчер?

— Не немецкие, скорее английские, а почему — это вы у прежних хозяев спрашивайте. Они своих собак так окрестили.

Рита стояла перед маленьким столом. Старший лейтенант записывал, капитан ходил по землянке: три шага — в одну сторону,

три шага — в другую. Наконец капитан сказал, обращаясь не к Рите, а к старшему лейтенанту:

— Надо внимательно во всем разобраться.

— Я могу быть свободна? — спросила Рита.

— Пока да, — ответил старший лейтенант.

Рита возвращалась на передовую с каким-то сержантом. У развилки дороги они попали под свирепый обстрел. Тут часто бывали артналеты, все в дивизии это знали и старались быстрее проскочить опасное место, но Рита не прибавила шагу, даже когда вблизи начали рваться снаряды.

— В траншею! — крикнул сержант. — Быстрее, убьют же, дуреха!

— И пускай. Даже лучше, — махнула рукой Рита.

Сержант молча потащил ее за руку. Уже потом в траншее он долго бормотал что-то про чумовых девчонок.

Под утро на передовую приехал командир Ритиной части.

— Докладывай, что и как случилось, — сказал он. — И успокойся. Тоже мне боец — глаза на мокром месте.

— Да, они думают, что я Кайкера к немцам посылала...

— Глупости. В штабе с этим недоразумением уже разобрались. Возвращайся в часть. Примешь отделение и займешься новым делом.

Увидеть Риту Егор Сергеевич смог только через несколько дней. Она теперь обучала собак, готовила их к боевой работе, была снова в Сосновке.

— Ну как, командир отделения, идет дело? — спросил он.

— Идет, собаки хорошие. — Рита подняла на него глаза. — Кайкера жалко, товарищ старшина. Такой был замечательный пес, умница. И такая глупая смерть...

— На войне чего не случается... А его прежнюю историю ты знаешь?

— В роте истребителей танков был. Вожатый его выбыл, заболел, что ли. Подрывать танки Кайкеру, конечно, не пришлось, а связная собака из него вышла отличная.

Егор Сергеевич мог бы рассказать Рите нечто такое, чего она о своем Кайкере не знала. Их инженерный батальон попал на передовую осенью сорок первого. Танки на штурм города не шли, но истребители

сидели с собаками в узких щелях, готовые в любую минуту встретить врага.

Собак-подрывников все же использовали однажды — не против танков, а для уничтожения вражеских дзотов и бункеров. Фашисты, все еще уверенные в себе, считавшие положение защитников Ленинграда безнадежным, ждали, что наши воины вот-вот начнут сдаваться. Немцы даже оставляли проходы в проволочных заграждениях — не только для того, чтоб удобнее было совершать вылазки, но и для пропуска перебежчиков. Разбрасывали над расположением наших войск тысячи листовок, приглашая защитников Ленинграда пользоваться этими проходами, переходить на сторону «непобедимого вермахта». Бойцы с омерзением рвали фашистские листовки, никто даже на курево их не употреблял. А вот проходы были использованы совершенно неожиданно для фашистов.

Собак-истребителей научили подрывать дзоты, бросаться на их двери, забегать в бункера. Взрыватели, вставленные во вьюки с толом, которые собаки несли на спине, должны были сработать, задев за стену или дверь.

Егор Сергеевич со своей группой действовал тогда у деревни Большое Кузьмино. Ночь была холодная и ветреная, лохматые рваные тучи бежали по небу. Истребители вылезли из траншеи и двинулись по ничейной земле, то делая бросок вперед, то падая на стылую землю, когда из-за туч выглядывала луна. Собаки послушно шли рядом на коротких поводках.

Время от времени над немецкими траншеями начинали биться судорожные вспышки пулеметных очередей, но огонь был неприцельный — на всякий случай.

Группа подобралась к самому оврагу возле деревни. Тут и был проход.

— Пора, — тихо сказал Петров.

Боец, стоявший рядом с ним, потрепал свою Зорьку по шее, вставил взрыватели и отцепил поводок.

— Вперед!

Зорька бросилась вперед крупными, бесшумными прыжками. И как раз в эту минуту из-за разошедшихся туч выглянула луна. Земля засеребрилась, и стало видно далеко. Зорька бежала к пулеметному дзоту, стоявшему за первой траншеей. Должно быть, немецкий

часовой тоже увидел ее, он открыл огонь из автомата, но почему-то стрелял не в собаку, а в землю возле себя, очерчивая огненный круг. Зорька рванулась и исчезла в стороне, где располагались фашистские батареи.

Прошло несколько минут — может, пять, может, десять, Петров не смотрел на часы, — и там, куда ушла Зорька, багровым костром вспыхнул взрыв. Тяжелый удар встряхнул землю, и почти одновременно грохнуло еще несколько взрывов. Собаки-подрывники выполнили свою задачу...

Через некоторое время Егор Сергеевич узнал от пришедшего в часть армейского агитатора о странном сообщении фашистского радио: «Под Ленинградом большевики направили на позиции наших войск стаю бешеных собак. Молодцы-гренадеры сумели повернуть эту стаю обратно, и бешеные псы перекусили дивизию красноармейцев».

Еще той ночью, вернувшись из нейтралки в боевое охранение, Егор Сергеевич видел, какое паническое беспокойство вызвали у противника собаки-подрывники. Ракеты пачками взлетали в воздух и медленно падали над передним краем, частые автоматные очереди доносились из ближнего тыла.

Только один четвероногий подрывник вернулся той ночью. Он не выполнил задание, — видимо, не сработал взрыватель. Взрыватели были новые, особой конструкции, специально разработанной в блокированном Ленинграде в одном из институтов Академии наук. Они только проходили боевую проверку. Вернулась гончая, ласковый рыжий пес по кличке Кайкер. Он тихо пробрался в траншею, подошел к своему вожатому сзади и легонько лизнул ему руку. Боец обернулся и обомлел. По инструкции собаку нужно было пристрелить, к ней нельзя было прикасаться, малейшее движение могло вызвать взрыв.

— Не смог я этого сделать, — извиняющимся голосом говорил потом боец. — Бог его знает, как он только нашел меня. Лизнул руку и стал тихонечко, глядит, будто все понимает, и помахивает хвостом. Никого поблизости не было. Как бы я поднял на него винтовку? В общем, я вынул взрыватели. Ничего не случилось. А если и случилось бы что-нибудь, так только бы мы с собакой и пострадали. — Боец, нагнувшись к собаке, ласково и растроганно сказал: — Везучий он, от двух смертей ушел...

«От двух смертей ушел, да третья догнала», — подумал Егор Сергеевич, но девушке ничего рассказывать не стал.

ЛЕГЕНДА-БЫЛЬ

— Знаете, как я живым остался? Собака меня спасла. Вот ведь что бывает, — сказал новенький. Он лежал на крайней койке у двери. Бинты плотно стягивали его грудь, руки, шею, поворачиваться он не мог и говорил каким-то ровным, бесцветным голосом, глядя в потолок. Раненых, лежавших рядом, этот лейтенант не видел. Его принесли в палату вчера прямо из операционной, где хирурги долго копались в его теле, вынимая мелкие и крупные осколки.

— Бредит, — определил сосед Петрова.

— Ничего я не брежу, — все тем же голосом сказал лейтенант. — Рассказываю, как было. Поднялись мы в атаку, и накрыл нас «ишак», этот проклятый шестиствольный миномет. Сколько уж я пролежал без сознания — не скажу, а пришел в себя от того, что кто-то мне лицо лижет. Стоит надо мной собака. Огромная, морда рыжая, шерсть лохматая, длинная. Лижет, потом поворачивается ко мне боком, а на боку у нее сумка висит. Нашупал я эту сумку, а там фляга, честное слово. Хлебнул — чистый спирт, так огнем и пошло по жилам...

Егор Сергеевич поднялся с койки и заковылял к лейтенанту.

— Вроде оживать я стал, хотя сил совсем не было, фляжку еле-еле мог удержать, — продолжал лейтенант.

— Вас где ранило, под Красным Бором? — перебил его Петров.

— Там, — сказал лейтенант. — Да вы вот послушайте. Едва в голове у меня стало немного проясняться, исчезла собака. А я лежу, и в сон меня клонит — то ли от слабости, то ли от мороза. В атаку мы засветло шли, а тут уже ночь, тихо, даже стреляют мало. Я понимаю, нельзя мне спать, совсем замерзну. И так обидно мне стало, что вот, признаюсь, ребята, готов был заплакать я. Обидно мне и жалко себя,

ведь понимаю, долго не пролежать мне, раненному, в этом проклятом снегу.

— А дальше что было? — спросили из угла палаты.

— А дальше все-таки уснул я, наверно, или опять сознание потерял, но очнулся — собака снова надо мной стоит. И не одна, целая свора их. И девчонка с ними. Перевязала меня девчонка, взвалила на санки, и повезли собаки. Так и доставили в санбат.

— Подумай, до чего умные животные.

— А я тоже слыхал про этих санитарных собак, которые раненых находят. Они на Неве еще были, — заговорили в палате.

— Не собаки, девушки находят, а на собаках возят только, — уточнил Петров.

— Что ж, я вру, по-вашему? — спросил лейтенант, и в его ровном, бесцветном голосе прозвучало раздражение.

«Не врешь, а кое-что примерещилось тебе», — хотел было сказать Петров, но промолчал. Не стоило расстраивать тяжелораненого спорами: Старшина только переспросил:

— Так какая из себя была эта собака?

— Да говорю, рыжая, огромная, лохматая такая.

— И ночью вы ее разглядели?

— Да ночь не темная была, и ракеты...

«Похоже, Орлика описывает, — подумалось Петрову. — Может, Орлик вожакom был в упряжке, которая его вывозила». Впрочем, под Красным Бором работало десятка два упряжек, собак там было около сотни. Приметы могли и к другим подойти.

Старшина Петров был тоже ранен под Красным Бором, как и лейтенант, только раньше на несколько дней. Ранило его в правую ногу, не тяжело. Осколок засел в мякоти бедра и лишь задел кость, Егор Сергеевич ни за что не хотел ложиться в госпиталь, очень уж трудно приходилось его команде, но врач на него прикрикнул.

— До смерти надоели такие «герои». Ходить не можешь, какой из тебя командир? Обуза только. В госпитале быстро починят, а тут, в конце концов, останешься без ноги.

На Большую землю Петрова не отправили, как в первый раз. Это было хорошим признаком, значит, правда врачи рассчитывали, что он скоро вернется в строй.

Петров лежал на койке, размышляя о недавнем разговоре с лейтенантом.

«Почему я подумал про Орлика? Орлик ведь на Неве остался. Сам же я приказал его пристрелить». Сердце резанула острая жалость. Там, на Неве, он ей воли не дал. Там он знал, что другого выхода нет и надо скорее решать. А девчонки тогда плакали... Странно, война, столько людей гибнет, а тут над собакой плачут. Но одно не противоречило другому. Нет, это были разные чувства, ведь та же война и сделала дорогими их сердцу этих животных, таких преданных, верных и чутких.

Петров вспомнил вдруг, как однажды призналась ему Нина Бутыркина, эта тихая, не очень любящая откровенничать девушка: «Знаете, вот таскаешь нарты целый день — не одни собаки таскают, ты с ними, можно сказать, наравне — под обстрелом, вся взмокнешь даже на морозе, но об этом не думаешь, ведь раненые на тебе, они истекают кровью, надо спешить. И вдруг где-нибудь по дороге на передовую почувствуешь, что все, что нет у тебя больше сил, что невозможно это дольше переносить. И сядешь в сторонке на пенек или на лед и заплачешь. Просто реवेशь, ведь никого нет рядом, никто не слышит, так что не стыдно. А они собьются возле тебя, морды кладут на колени, лизут и подскуливают, из сочувствия, что ли. И высохнут слезы. Потреплешь собак, поднимешься — и пошли. Опять бежим туда, опять откуда-то берутся силы. Уж и счет рейсам теряешь. А собаки все тянут, они не то что слово, вздох твой понимают, и слушаются, и готовы защитить. Попробуй мне кто грубое слово сказать!.. Вот и привязываешься к ним, как к людям».

Наверно, Нина была права. Егор Сергеевич думал об Орлике, о его по-своему славной жизни и о его смерти...

Это была сильная, умная лайка отличной северо-восточной породы. В Ленинград Орлика привез геолог, работавший долгое время в Арктике, — не мог расстаться с псом, который однажды спас его от смерти.

В ту пору ездовые собаки были главным средством транспорта на Крайнем Севере, и геологи, работавшие там, прежде всего обзаводились упряжками. Орлика купили за большие деньги — он слыл лучшим вожакom в районе. И очень скоро геологи убедились, что

деньги за него плачены не зря. Упряжка, которую он вел, была самой быстрой, самой дружной и неумолимой.

Сперва геологи ездили по своим сложным и далеким маршрутам с каюрами — погонщиками собак, местными жителями. Но лишний человек — это лишний груз, и молодые изыскатели довольно быстро научились сами управлять упряжками. Искусство оказалось не столь уж хитрым, вот только Арктику они, конечно, так, как местные жители, не знали.

Однажды геолог со своим помощником отправился в далекую поездку, затянувшуюся на несколько дней. Уже на исходе были продукты, надо было спешить на базу, поэтому геологи продолжали путь, даже когда разыгралась пурга. Ветер свистел, и снежная мгла крутила над тундрой, а они бежали, проваливаясь в сугробы, и криком подгоняли собак. Потом уже не стало сил бежать. Пурга разыгрывалась все неистовее, ветер валил людей с ног, их лица покрылись ледяной коростой, обжигающий воздух врывался в легкие и не давал передохнуть. Собаки тоже вконец выбились из сил. Они остановились. И вскоре все замело, засыпало снегом — и людей, и нарты, и собак. Да собаки и сами зарывались глубже в сугробы — это было спасением от ледяного ветра, только Орлик жался к ногам геологов, заглядывая в их лица. Время от времени он выбирался из снежной гущи и жадно нюхал воздух, словно ждал, что ветер ответит на ему одному ведомый вопрос.

Последняя юкола, сушеная рыба, была отдана собакам, а люди съели последний кусок мерзлого хлеба. Больше еды не оставалось ни для людей, ни для собак. А пурга, даже для Арктики необычно злая, все не хотела уgomониться. Она стала стихать только на третий день. Геологи решили ехать. Но куда? Они так долго кружили в пурге, что теперь толком не знали, в какой стороне их база, да и не добраться было до нее без еды.

Молча откопали засыпанные нарты, собаки сами вылезли из-под снега. Оставалось довериться им, — может, дотянут до какого-нибудь становища.

«Вперед, Орлик, вперед, собака! Спасай себя и нас». Это было уже не командой, а просьбой.

И Орлик повел упряжку. Обессиленные собаки тянули с трудом, нарты застревали на буграх и ледяных застругах, тогда приходилось

наваливаться людям. Орлик на ходу грыз оледенелый снег и, вытянув шею, нюхал воздух. Оборачивался, только когда чувствовал, что одна из собак ослабила постромки.

Орлику, шедшему первым, было тяжелее, чем остальным. Его лапы, израненные о лед, оставляли красные следы на белом поле тундры, но он шел и вел за собой упряжку. И сзади шли люди, уже совсем терявшие силы, а с ними и последнюю надежду.

Так продолжалось много часов, и вдруг что-то изменилось. Все такое же бескрайнее белое поле расстилалось вокруг, все такой же ледяной воздух двигался над ним упругими, обжигающими потоками, но Орлик побежал увереннее, он повеселел, и вслед за ним повеселели, стали сильнее налегать на лямки другие собаки. Орлик уже не вытягивал вопросительно шею и не внюхивался в воздух. Он уже знал, куда надо идти. Нарты понеслись к гребню длинного холма, перевалили через него, и далеко на склоне открылась стоянка оленеводов. Это было, как потом подсчитали геологи, в пятидесяти километрах от места, где им пришлось пережить пургу, и в ста пятидесяти километрах от базы экспедиции. Как Орлик сумел найти сюда дорогу?!

Потом экспедиция закончила свою работу и собралась в Ленинград. Увозили драгоценные образцы пород, увозили приборы, палатки, обмундирование, сложное и разнообразное имущество геологов. Оставались в тундре только упряжные собаки. Все, кроме Орлика. Он поселился в обставленной тяжелой мебелью квартире геолога на Васильевском острове, его выводили на бульвар, где гуляли на крепких поводках овчарки, боксеры, доберманы и прочая аристократия собачьего мира. Но то, что нравилось аристократам, пришлось Орлику совсем не по сердцу. Собака далекого бескрайнего Севера принять город не могла. Ей было жарко и душно, ей не хватало снега и воздуха тундры. Она почти не ела, ее густая шерсть вылезала клочьями, ее острые глаза потускнели и начали слезиться. Геолог понял свою ошибку. Отправить Орлика обратно на Север он не мог и отвел в школу-питомник Осоавиахима.

Ездовые собаки были Осоавиахиму нужны. Тогда устраивали пробеги на нартах на довольно далекие расстояния, например из Ленинграда в Москву, проверяли, как можно использовать упряжки в военном деле.

Но и в питомнике Орлик не сразу себя показал. Когда он поокреп на свежем зимнем воздухе, его решили поставить в упряжку. На следующий день инструктор пришел к начальнику озадаченный и недовольный.

— Вы этого пса расхваливали, а он какой-то понурый, головы не поднимает, да и тянет еле-еле. И ведь на легкое место для начала поставили — третьим в упряжке, но от него все равно мало проку.

Начальник пошел посмотреть. Орлик как потерянный бродил по вольеру, что-то униженное и прибитое было во всей его фигуре.

— Значит, третьим ставили, — сказал начальник, — а вы поставьте его первым, он ведь вожак!

Собрали упряжку, поставили Орлика вожак, и он мгновенно переменялся — другая собака! Распрянул спину, гордо поднял голову, оглядел упряжку властным, повелительным взглядом. Собаки тронулись, и нарты помчались по снежной целине. Они шли стремительно и ровно, только один раз произошла короткая заминка. Орлик вдруг остановился и со злым рычанием кинулся на собаку, шедшую с левой стороны. Трепка была сильной и быстрой. Потом в упряжке восстановился порядок, и нарты еще быстрее понеслись вперед.

Инструктор даже не успел прикрикнуть на Орлика, но понял, в чем дело. Он и раньше замечал, что собака, стоявшая слева второй, ленится — только бежит, а нарты не тянет. Вожак почувствовал это своим плечом, — тяга с одной стороны была меньше, — он безошибочно определил лентяйку и тут же наказал.

С того дня Орлик стал признанным вожак упряжки. Его показывали на соревнованиях и выставках, снимали в кинофильмах. Особенно был он хорош в кинокартине «Возвращение».

Когда началась война, питомник перешел в ведение воинской части. В первое время готовили только собак — истребителей танков. Орлик тоже побывал на передовой. Освоился он там необычайно быстро и не боялся ни свиста пуль, ни разрывов снарядов. Когда снаряды начинали близко ложиться, он неторопливо, сохраняя достоинство, уходил в землянку. Только раз, когда обстрел застал его в кустарнике, Орлик не сделал этого — он стал прыгать за осколками, которые секли густые ветки, очевидно приняв их за каких-то птиц и рассчитывая на поживу. Он был голоден, тяжелая блокадная зима

сказалась и на нем, хотя выносливая и закаленная северная лайка переносила все лишения легче, чем другие собаки.

А весной Орлик даже выручил людей, страдавших от тяжелого авитаминоза. Медики делали зеленую, отвратительную на вкус настойку из хвои, личный состав особым приказом обязали ее пить, но она мало помогала. А где было взять другие витамины?

Как-то в начале апреля батальонный врач Беляев стоял возле своей землянки, греясь на весеннем солнышке. Увидел бегущего мимо Орлика и позвал — просто так, без особой цели, захотелось потрепать славного пса по спине. Орлик не подходил. Медиков и ветеринаров он узнавал издали по особому запаху лекарств и относился к ним настороженно. Ему ведь не раз делали уколы и другие малоприятные процедуры.

— Эх ты, невежливая собака, — проворчал военврач и вдруг заметил, что из угла рта Орлика, недоверчиво остановившегося поодаль, торчит какой-то зеленый листик. Это заинтересовало Беляева. Он достал кусочек сухаря и поманил им собаку. Так состоялся обмен. Орлик получил черный сухарь, а военврач — небольшую травинку, снятую с собачьей губы. Но откуда она была? Снег только сходил.

Военврач промыл, прополоскал свою находку, рассмотрел и попробовал на вкус. Сомнений не оставалось — пес разыскал где-то щавель. Это были так необходимые людям витамины.

Теперь за Орликом установили наблюдение. Как говорили медики, «вели разведку на Орлика». Она увенчалась успехом. По соседству с расположением части раньше был совхоз. Из-под снега начали вытаивать грядки. На некоторых из них в прошлом году выращивали щавель, а щавель — растение многолетнее, и хотя с осени грядки не обработали, его корни перезимовали в земле. Уже появились первые побеги. Умный пес находил их и с аппетитом поедая кисленькие корни и травку.

Врач прибежал к командиру. Надо воспользоваться открытием Орлика! Ждать, пока щавель сам вырастет на грядках, долго, но ведь дело можно ускорить.

В тот же день бойцы получили неожиданную работу — сколачивали неглубокие деревянные ящики. Ящики наполнили землей, посадили в них корни щавеля и поставили в каждую землянку — в тепло. Днем ящики вытаскивали на солнышко. Все это было довольно

хлопотно, зато щавель быстро и дружно пошел в рост. Скоро бойцы получили лекарство посильнее и приятнее хвойной настойки.

Самая важная роль досталась Орлику, когда стали готовить ездовых собак. Это было осенью 1942 года. В штабе фронта еще только начинали обдумывать новую операцию, получившую потом кодовое название «Искра». В отдельном инженерном батальоне о ней, конечно, ничего пока не знали, но мысль о предстоящем наступлении зрела. Обучение упряжных собак было маленьким звеном общей подготовки к будущему наступлению.

При движении по глубокому снегу, без дорог такие упряжки могли оказаться добрым подспорьем для наступающих. Как они надежны, было хорошо известно по опыту Крайнего Севера. Но там и животные самой природой приспособлены для такой службы, а тут были собаки, собранные из городских квартир, хорошие, породистые, и похуже, дворняги, — все, что удалось сохранить после блокадной зимы. Они многое могли — бросаться под танки, нести службу связи и охраны, но к постромкам совсем не были приучены, за исключением Орлика.

И Орлик сделался их «учителем». Его ставили вожаком упряжки, он по-своему помогал инструкторам: когда примером, который сам показывал, а когда и зубами — учил непонятливых, непослушных и нерадивых. В общем, у старшины Петрова были основания считать, что именно благодаря Орлику удалось так быстро подготовить три десятка упряжек.

В начале зимы работу собачьих упряжек смотрело фронтовое начальство. Это было на Коркинском озере, вблизи временного пункта управления фронта, созданного для предстоящего наступления. Ни одна машина не прошла бы по глубокому снегу, покрывавшему довольно слабый еще лед, а нарты летели, перегоняя друг друга. Две девушки на лыжах бежали с каждой упряжкой: одна — впереди, прокладывая путь, другая — следом, подгоняя собак. Легкие камчатские нарты были сильно нагружены, тяжесть груза в несколько раз превышала собственный вес собак, но они бежали легко, широкие полозья нарт хорошо скользили по рыхлому снегу.

Фронтовые начальники не скрывали восхищения. Маленькая, хрупкая Нина Бутыркина смущенно топталась перед полковником из штаба инженерных войск, вручавшим ей подарок — ее упряжка

преодолела озеро быстрее всех. Встретив требовательный взгляд старшины Петрова, Нина быстро подтянулась:

— Служу Советскому Союзу!

А полковник твердил:

— Молодцы, молодцы, не ожидал...

Офицеры из штаба инженерных войск вступили в спор с начальством фронтовой санитарной службы. И те и другие хотели получить собачий транспорт, у тех и других были весьма резонные доводы.

— Надо возить на собаках инженерное имущество. Сразу, как только пехота проскочит Неву, можно будет перебросить ей для укрепления на новых рубежах колючую проволоку, мины, бронированные щитки.

— Упряжки будут незаменимы при эвакуации раненых. Когда-то еще через Неву пойдут машины, а людей, теряющих кровь, нельзя оставлять на морозе, — приводили свои доводы представители санитарной службы.

Хорошо, что эти заявки можно было совместить. Инженерное имущество надо было везти из тыла на передовую, а раненых эвакуировать с поля боя в ближний тыл. Девушкам предстояла двойная работа.

За несколько дней до начала наступления девичью команду вместе с ездовыми собаками перевели на правый берег Невы, в негустой лес у деревни Манушкино. До того стояли возле Средней Рогатки. Землянки там были сырые, но все же в них можно было обогреться возле железных печурок. В лесу у Манушкино землянок не рыли — разместились в шалашах. Дни были морозные, а жечь костры не разрешалось. Девушки спали на подстилке из хвойных лап, тесно прижавшись друг к другу — так было все же теплее. Случалось, волосы примерзали к вещевому мешку, заменявшему подушку. Спали в ватных брюках и валенках. Не всегда получали вовремя горячую пищу. И все же в шалашах звучал залиvistый девичий смех. Рассказывали веселые истории, задиристо подшучивали друг над другом. Всеми владело ожидание — взволнованное и радостное, потому что цель предстоящих боев была известна — разорвать блокадную петлю.

Наступление началось 12 января 1943 года. В 9 часов 30 минут ударили сразу тысячи орудий и минометов. Два с половиной часа земля ходуном ходила от артиллерийского грома. Девушки, слушая, как все кругом гудит, воем и грохочет, ждали приказа.

Их время настало, когда цепи пехоты пронесли через замерзшую, заснеженную реку. Бой уже шел в немецких траншеях на левом берегу, когда девичья команда выдвинулась на самый край правого берега. И вот первые упряжки помчались по снежному простору Невы. Переправ еще не навели, ни тяжелые танки, ни автомобили пока не могли форсировать реку, а девушки с собачьими упряжками устремились в гущу боя.

Немецкая артиллерия опомнилась после полученных ударов и стала яростно обстреливать Неву. Визжали осколки, тяжелые черные фонтаны воды взмывали вверх из-под разбитого льда. Для многих девушек это было боевое крещение. Старшина Петров размашисто бежал на лыжах вместе с ними и торопил — важно было скорее проскочить открытое, пристрелянное вражеской артиллерией пространство реки.

— Глядите на полыньи! — бросал он на ходу.

Снаряды дробили и дробили лед.

— Передовая-то скоро, товарищ старшина?

— Далеко еще! — кричал Петров. — Гоните! — Его поражало это доходившее до наивности бесстрашие девушек, не понимавших, что тут уже и есть передовая, может быть, даже самое жаркое место боя.

Первые грузы еще сбрасывались на левом берегу в только что отбитых у противника траншеях: стальные щитки, за которыми могли укрыться пехотинцы, провололочные пакеты МЗП (малозаметных препятствий), мотки колючей проволоки, противопехотные и противотанковые мины, заряды взрывчатки, предназначенные для подрыва вражеских укреплений. А девушки уже поднимали, перевязывали раненых и укладывали на удобные носилки, установленные на нартах.

Обратный рейс через простреливаемое насквозь пространство реки — и снова туда, на левый берег!

Первая вражеская траншея, разбитая, исковерканная огнем орудий, была захвачена быстро, с ходу, дальше бой становился все упорнее и тяжелее. Потери росли. Старшина уже не слышал

задиристых шуток — девушки перевязывали раненых торопливо, молча. По разгоряченным лицам бежали, смешиваясь, струйки пота и слез. Столько пережившие ленинградские девушки плакали от острой жалости к искалеченным, терявшим кровь и силы людям, бойцам, которых они подбирали в снегу.

Носилки на нартах были одиночные, и класть на них полагалось по одному раненому. Но пока сделаешь рейс через реку, пока вернешься назад... Лиза Самойлович огляделась вокруг и крикнула напарнице:

— Клади второго!

— Не поднимут на берег, — с сомнением ответила та, взглянув на собак, но уже через минуту тащила еще одного раненого к нартам.

— Поможем, — Лиза скинула полушубок, накрыла им бойца, и сама впряглась в постромки...

Рейсы следовали один за другим. Через Неву были уже проложены первые редкие еще дороги, у спусков и подъемов на них скапливались машины, переворачивались конные повозки... Немцы били по переправам, а собачьи упряжки бежали без дорог, по целине, ничто не преграждало им путь.

Вначале раненые с недоверием относились к собачьим упряжкам, неохотно ложились на нарты. Но вскоре об этих упряжках знали на всем фронте у Невы — их называли упряжками милосердия.

Вера Александрова привезла на пункт медицинской помощи тяжело раненого, не молодого уже командира. Всю дорогу он лежал, закрыв глаза, и не проронил ни слова, только кусал губы. Когда путь был окончен и девушки хотели снять раненого с нарт, он отстранил их рукой:

— Где мой вещмешок?

— Да здесь он, никуда не денется.

Подошел врач:

— Несите раненого на операционный стол.

Командир посмотрел на него и отрицательно мотнул головой:

— Дайте вещмешок... Без него не позволю себя нести.

— Вот оно, ваше барахло, нашли о чем думать! — взорвалась Вера.

— Так, — сказал командир, — развяжите. — Он медленно засунул в мешок руку и вытащил оттуда кружок копченой колбасы, должно

быть полученной в посылке с Большой земли, и маленький трофейный пистолет.

— Вот, возьмите... для ваших собак. — Затем показал глазами на пистолет: — А это вам, девушка, на память... И спасибо... А теперь можете тащить меня на стол, пусть режут.

За то время, когда через Неву еще не ходили машины, девушки успели перевезти на левый берег тонны инженерного имущества. Это было большим подспорьем для стрелковых частей, но вывоз раненых стал все же главной работой девичьей команды. Одна Вера Александрова доставила с поля боя на пункты медицинской помощи 80 человек, Лиза Самойлович вывезла 72 человека, Тося Симачева — 68, Тося Васильева — 54, Нина Бутыркина — 46... Всей своей девичьей командой они эвакуировали из-под огня 1800 раненых!

Подразделение редело, выходили из строя вожатые упряжек, теряли под огнем собак, но вывоз раненых не прекращался. Сперва каждую упряжку водили две девушки, потом одна. И число собак в упряжках сокращали, порой с пяти до трех, а все же везли.

Орлик был первой ездовой собакой, которую команда потеряла на Неве. Он заметил в тонком ледке какой-то блестящий предмет и выдрал лапами мину, она взорвалась. Спасти истекающего кровью Орлика было невозможно, и Петров, видя мучения, приказал бойцу: «Пристрелите».

КРАСНЫЙ БОР

Дверь землянки открылась рывком. Вера Александрова вскочила с нар:

— Товарищ старшина!..

— Собрать все упряжки, — прервал ее доклад Егор Сергеевич, — укладывать имущество! Отбываем через час.

Лицо его было озабоченным и: напряженным, движения резки, и Вера, любившая все выяснять досконально, на сей раз удержалась от вопросов. Она оглядела землянку, освещенную желтым огоньком трофейной плошки. Кто его знает, как называлась у немцев эта круглая коробочка из коричневого картона, наполненная парафином. Размером она была не больше банки от сапожной мази, но фитилек ее горел прилично — все-таки свет. Гитлеровцы, бросая траншею, оставили много таких плошек.

Землянка была тоже немецкая, отрытая основательно, с солидным накатом. Девчата, заняв ее, брезгливо, двумя пальцами, сдергивали с нар лежавшие там вещи — какой-то вязаный набрюшник, полотенце, тряпки, куски брезента, выбросили мешки с соломой, на которых спали немцы, потом долго вымораживали землянку, чтоб избавиться от тяжелого чужого духа. Все вещи, которыми пользовались прежние обитатели, все, что напоминало о них, вызывало гадливость. Но с тех пор прошло много дней, постепенно девушки обжились, дух в землянке был уже свой, может быть, тоже не очень легкий — пахло сырой одеждой, овчиной и еще мылом и одеколоном. В переднем углу на столике из двух коротких досок стоял осколок зеркала, на покатой стене у нар появились фотографии и картинки, над раскаленной печуркой сушилось несколько предметов несомненно женского туалета. А на земляном полу подчас можно было увидеть клочья

черной, серой или рыжей собачьей шерсти. Но сегодня днелила Валя Глазунова, она убала все аккуратно, и пол был чист.

Человек привыкает к месту. Пожили здесь недели две, и вот не хочется уходить. Нет, им тут нелегко приходилось: работали другой раз столько, что потом не верилось — как могли? Мерзли в снегу, теряли друг. Перед Верой возникло бескровное лицо Тоси Васильевой, как-то сразу выцветшие, невидящие глаза. Девушки торопливо перевязывали Тосю и никак не могли остановить кровь. Рука Тоси была совсем раздроблена. Удалось ли врачам спасти Тосину жизнь? Руку-то она наверняка потеряла. Каково девятнадцатилетней девочке без руки!

Но было и хорошее, сделавшее дорогим это место. Все время не покидало чувство полезности и нужности того, что они делали. Сваливались на нары без сил и засыпали, кажется, в то же мгновение, но и усталость была совсем иная, и даже сон, потому что ты ведь вытащила сегодня, вывезла, отняла у смерти пять, или десять, или пятнадцать человек. И вчера было то же, и будет завтра, наверно, если только сама останешься жива. Но за это не так уж страшно отдать и свою жизнь.

Теперь отсюда нужно уходить. Вера быстро запихала свое солдатское имущество в вещевой мешок и торопила друг — надо еще собрать собак, подготовить к погрузке.

Девушки тесно набились в кузова грузовиков. Собаки жались к своим вожатым, согревая их горячими телами.

— Куда едем, товарищ старшина? — все-таки не удержавшись, спросила Вера во время погрузки.

— Прибудем — узнаете! — отрезал Петров.

Ему и самому сказали не много. Приказание было коротким и категоричным: «Немедленно по получении сего...» Но у Петрова хватало фронтового опыта, чтобы сделать свой вывод из самой краткости приказа, из предельной малости срока, данного на переброску, из адреса назначения, который он пока не должен был раскрывать. Впрочем. Егор Сергеевич понимал, что адрес этот — село Рыбацкое — промежуточный. В Рыбацком стоял второй эшелон 55-й армии. Значит, команду переводили из одной армии в другую, и это могло быть сделано лишь по распоряжению штаба фронта. А если в

штабе фронта вспомнили о них, о сравнительно маленькой его команде, значит, скорее всего, без промедления бросят в жаркое место.

Район, где действовали части 55-й армии, был Петрову, в общем, знаком. Там, у Колпина и левее, до самого берега Невы, где в нее впадает речка Тосна, их подразделения стояли не раз. Сейчас бои шли у поселка Красный Бор. В первых числах февраля части 55-й армии нанесли удар по испанской Голубей дивизии, разбили ее и захватили поселок. Фашистское командование, видно, никак не хотело смириться с этой потерей и предпринимало бесчисленные контратаки. Наши части, со своей стороны, старались развить наступление. Бои шли тяжелые, изнурительные.

Старшина не ошибся. Их послали в Красный Бор. Там наступала гвардейская дивизия. Девичья команда с собаками придавалась ей.

В свое время — осенью сорок первого — немцы с ходу ворвались в Красный Бор, и он почти не пострадал от боев. Это был веселый дачный поселок, расположенный на возвышенности за Колпином, между станцией Поповка и Московским шоссе. Ярко окрашенные домики стояли среди могучих старых деревьев. И когда наши части выбили фашистов из Красного Бора, поселок еще оставался почти целым, но за несколько дней, прошедших после того, он до неузнаваемости изменился. Немецкая артиллерия била по нему, не переставая. Рушились дома, падали огромные бронзовые сосны, улицы стали непроходимыми от воронок. На подступах к Красному Бору стоял сплошной стеной заградительный огонь. Машины, везшие девичью команду, прорывались сквозь него. Первая проскочила, вторая тоже, в третью ударил снаряд. В ней мало кто уцелел.

Подавленные происшедшим, измученные тряской в машине, девушки выгружались в дымящемся, содрогающемся, от взрывов поселке. Спешили, не было времени даже оглядеться. Старшина Петров только успел доложить о прибытии начальнику санитарной службы — он стоял, еще держа руку около ушанки, а пожилой врач-майор кинулся к нему, обнял, словно старшина был его сыном, вернувшимся после долгой разлуки.

— Милый ты мой, санитарные упряжки привел!.. Да ты знаешь, как мы ждем вас! Там же раненые, выносить их некому... Замерзают люди...

Времени терять было нельзя, и девушки, побросав вещмешки в снег, стали запрягать собак. Через несколько минут они уже бежали туда, где торопливо стучали пулеметы.

— Вперед, Дейка! — поторапливала свою любимицу Вера Александрова.

Умная собака косила на Веру глазом и сильнее налегала на постромки, давая тем самым команду всей упряжке. Хозяйка требует — надо спешить.

Они возили и возили раненых, останавливались, чтобы отдышаться, и снова гнали вперед. А в отведенном команде уголке Красного Бора уже складывался привычный фронтовой быт — ставили шалаши и долбили первые землянки, в стороне за насыпью развертывал свое хозяйство повар Семёнов, его походная кухня уже дымила.

Так начались для них красноборские дни и недели, запомнившиеся надолго.

Память человеческая капризна и прихотлива, она отбирает, сортирует пережитое по своим законам, и трагическое перемешивается со смешным, и прошлое не тянется в ней ровной лентой. Одно уходит безвозвратно, другое остается глубокой зазубриной — не сотрешь.

Почему вместе с именем Алексея Семенова вспоминается имя Нади Петровой? Разные люди, и не было между ними дружбы, и погибли они в разные дни. Соединил эти имена случай, по поводу которого много шутили в девичьей команде.

Надю Петрову назначили ординарцем командира роты. Это был, наверное, не лучший выбор, сделали его в спешке. Так как бойцов-мужчин для тяжелой саперной работы не хватало, собирали их отовсюду, вот и взяли ординарца комроты. Надо было его заменить, а Надя Петрова оказалась под рукой. О ней знали — хорошая девочка, исполнительная, спокойная. Но ординарец должен быть еще и смекалист, проворен и оборотист. На войне согреть стакан чаю — и то бывает сложно. Впрочем, Надя опростоволосилась, когда чай надо было даже не согреть, а остудить.

Надя пришла к командиру роты, когда он корпел над каким-то донесением «наверх».

— Хорошо бы крепкого чайку, — попросил командир, — только не горячего, люблю холодный.

Девушка побежала к полевой кухне, набрала котелок, принесла, налила в стакан. Он обжигал руки.

— Ты в снег поставь, — посоветовал боец Голубев, оказавшийся рядом и не упустивший случая подшутить над девчонкой, и тут же отправился к шалашам рассказать ребятам, как командирский ординарец льет слезы над лопнувшим стаканом.

А чего тут было смешного? Просто Надя выросла в семье, где все хозяйственные заботы лежали на бабушке и на маме. От нее требовали одного — чтобы хорошо училась, она и делала это, приносила пятерки. Заварить или остудить чай, состряпать нехитрое блюдо она не умела — к этому ее дома не приучили.

Но здесь она старалась. Иной раз хотелось угостить командира с политруком чем-нибудь вкусным — ведь мотаются целыми днями по передовой, назад придут замерзшие, голодные. И вот однажды, когда в командирской землянке завелся кулек с белой мукой, Надя пошла к повару.

Семенов стоял возле кухни в белом фартуке, повязанном поверх полушубка, и хмуро выслушивал очередной нагоняй от ротного старшины.

Кухня располагалась под навесом из еловых веток, который должен был укрыть ее от наблюдения противника, но из трубы время от времени выбивался дымок, и сразу же прибегал старшина:

— Перестанешь ты демаскировать нас своей харчевней?

— Народ-то кормить я должен?! — огрызнулся Семенов. — Кто их, Гитлер покормит, когда придут с передовой? Сами с меня шкуру спустите, если не будет обеда.

— Гитлер их накормит минами, если будешь дымить. Ты умеешь обед сготовить и знака не дать, что мы тут стоим.

Надя молча слушала пререкания повара со старшиной. Потом, когда Семенов остался один, протянула ему кулек:

— Оладий бы нажарили. Командир с политруком сегодня затемно ушли. Опять вернутся еле живые.

— Масло есть? — хмуро осведомился повар.

— Масла нет, где я его возьму?...

Семенов помолчал, и вдруг в его глазах мелькнул хитрый огонек.

— Тогда выход один — надо спиртику достать, на спирте я умею печь замечательные оладьи, начальство пальчики оближет.

— Спирт, кажется, есть во фляжке.

— Тащи сюда, — развеселился повар, — сделаем в лучшем виде.

В тот день Надя действительно накормила командира и политрука пышными, поджаристыми оладьями. Они съели все дочиста.

— А ты молодец, Надя, — сказал, отваливаясь от тарелки, комроты. — Как только сумела?

— Знаете, что это за оладьи? — радостно сообщила Надя. — Они же на спирте испечены. Потому и вкусные такие!

— На спирте? — Командир взял фляжку, лежавшую на столе, потряс ее. В ней даже не булькнуло. А Надя весело рассказывала, как хорошо распорядился этим спиртом Семенов.

Командир слушал и с мрачноватым недоумением поглядывал на нее.

Политрук Прошкин-Акимов молча встал и вышел из землянки. Он направился прямо на кухню. Семенов весело мурлыкал какую-то песенку. Глаза его блестели.

— Веселишься? — сказал политрук. — Обдурил, значит, девчонку?

Говорили они недолго, но, когда политрук ушел, Семенов уже не мурлыкал, он только кряхтел, возясь около котла, и на все попытки бойцов завязать разговор отвечал односложно.

Историю про оладьи Надя рассказала девочкам сама, придя спать в шалаш. Ну и попала на зубок подругам...

— Семенов-то, ай да хват! — смеялась Лиза Самойлович, и весь шалаш вторил ей. — Надо ж придумать такое, скажи на милость!..

К повару Семенову они относились хорошо, он не принадлежал к числу бойцов, которых в команде с довольно неприязненной интонацией называли поклонниками и которые порой весьма назойливо доказывали девушкам свое расположение. Алексей Семенов был уже человеком солидным, в годах, имел большую семью и любил рассказывать о жене и о детях. Он очень скучал по ним. Все видели, как он мрачнел, если почтальон долго не приносил писем. Это сказывалось даже на качестве пищи, хотя вообще Семенов готовить умел. Вот только поварскими своими обязанностями он тяготился, но об этом знали немногие.

Вскоре после истории с оладьями Прошкин-Акимов пришел на ротную кухню вместе с врачом части Дробинским.

— Ну, как воюем, повар? — оживленно заговорил врач. — Бьем Гитлера поварешкой?

Врач осматривал кухню, спрашивал, откуда носят воду, перебирал поварской инвентарь. Дробинский попал в Красный Бор впервые, немало натерпелся по дороге, лежал в снегу во время шквального обстрела и уже не надеялся дойти. Теперь он был беспокойно весел, возбужден от пережитого и еще от сознания, что все это может вот сейчас повториться. Возбуждение делало его говорливым.

— Так, значит, воюешь, повар, так... А котелки у бойцов чистые? Назад пойдем, посмотрю.

— наших бойцов знаете сами — девушки, из грязного есть не станут, — хмуро отозвался повар и вдруг вскинул на врача злые глаза: — А что Гитлера бью поварешкой, над этим можно смеяться, товарищ капитан медицинской службы, сколько угодно. Похлопотали бы лучше за меня перед политруком...

Семенов повесил огромную поварешку на котел и стал развязывать белый передник.

— Девчонки на передовой под пулеметными очередями ползают, а я, мужик, сижу здесь, как тыловая крыса. Смешно, конечно. Так ведь каждый день туда прошусь!

Дробинский посмотрел на Прошкипа-Акимова. Лицо у того стало скучным и строгим.

— Каждый день проситесь, и я вам каждый день отвечаю, что у всякого своя боевая задача. Людей надо хорошо кормить, чтобы они хорошо воевали. А ваши патриотические чувства мы понимаем и уважаем, товарищ Семенов.

Напоминать историю со спиртом Прошкин-Акимов не считал нужным. Они с врачом ушли и скоро забыли о разговоре возле полевой кухни.

Целый день врач и политрук ходили по подразделениям. Вернулись затемно и залезли в шалаш.

— Эх! — вспомнил врач. — Еще к кухне подойти надо, я ведь котелки собрался проверить.

— Нечего идти туда, — медленно проговорил командир роты. — Нет кухни — немец снаряд вложил сразу же, как вы ушли. Прямое попадание. Сидим сегодня на сухом пайке.

Утром Прошкин-Акимов писал письмо жене повара. Прошкин-Акимов был на войне уже больше полутора лет и написал много таких писем. Говорят, люди ко всему привыкают, а смерть на войне такое обыденное дело, но писать о ней близким человека, который еще вчера был тут, рядом, приходилось с мучительной болью в душе.

Он думал о жене, о детях Алексея Семенова, которые там, далеко от Ленинграда, получают письмо: «Погиб смертью храбрых в боях за Советскую Родину». Повар Семенов, варивший кашу для девушек и стыдившийся своей «тыловой» должности, заслужил, чтобы о нем были написаны эти горестные и торжественные по самой своей сути слова.

Хотелось написать семье Семенова еще многое, найти слова особенные, может, еще не произнесенные ни разу. Прошкин-Акимов знал — все, что там, вдалеке, прочтут в скорбный день о муже и отце, все это запомнится на всю жизнь.

А если его самого убьют? Куда о нем напишут?

Прошкин-Акимов был человеком трудной военной судьбы. Бои начались для него еще далеко от Ленинграда, в самые первые дни войны, и он испытал все, что несли эти бои, полной мерой. Он знал, каково встречать гранатами и бутылками с горючей смесью танки, развернувшиеся железной лавиной по полю, отступать по дорогам, над которыми, как вороны, висят «мессершмитты» и «юнкерсы», пробиваться из окружения, чтобы снова вступать в бои...

Семья его оставалась в Ленинграде, связь с ней Прошкин-Акимов потерял почти сразу. Получала ли жена его письма? Этого он не знал, ее ответы до него не доходили. Фронт подкатывался все ближе к Ленинграду. Прошкин-Акимов дрался уже в давно знакомых пригородных местах, но, попав в самый город, даже не сразу узнал об этом. Его привезли туда, раненого, в битком набитой санитарной машине. Едва начав ходить, он правдами и неправдами вырвался из госпиталя на несколько часов. Больше неправдами — в город раненых не отпускали, но кто-то из выписывавшихся одолжил ему ненадолго обмундирование. Дома он никого не нашел. Соседи сказали, что жена и дочь эвакуированы, только неизвестно куда — уезжавшие и сами этого не знали.

Пробовал разыскать семью — писал в разные инстанции, писал знакомым, оставляя везде свои часто меняющиеся военные адреса. Он

вернулся на фронт, и вскоре его ранило вторично, потом в третий раз. Надежды найти семью оставалось все меньше. И существовала ли еще его семья, мало ли что могло стрястись в ту страшную пору?

Горе не отпускало его сердце, но рассказывать о нем Прошкин-Акимов не любил. По натуре он был тихим и застенчивым человеком. Должность заместителя командира по политчасти — политруком его называли по старой памяти — заставляла часто беседовать с людьми обо всем, что их интересовало, но личные невзгоды Прошкина-Акимова лежали за пределами этих тем, он их не затрагивал.

Политрук говорил медленно и негромко, никогда не читал нудных нравоучений. Он не искал расположения людей, но все невольно тянулись к нему. Девушки относились к Прошкину-Акимову с особенным расположением, особенным оттого, что они все же узнали о его горе.

Вера Александрова еще в то время, когда была связной и совершала рейсы по фронту на своем велосипеде, получив очередную пачку писем, прежде всего смотрела, нет ли чего для политрука.

— Так же нельзя, девчонки! — говорила она. — Ведь мучается человек. Надо что-то придумать. Он не может найти семью, а вот бы мы ему помогли...

Она начинала фантазировать.

— Конечно, раньше времени я ему ничего рассказывать не стану, но вот узнаю адрес жены и напишу, какой он человек, как мы все его уважаем и ценим...

Вера не могла знать тогда, что через год она встретится с женой политрука и должна будет сообщить ей тяжкую весть.

Капитан Прошкин-Акимов погиб, когда бои под Красным Бором уже стихли.

Метели, на которые зима тем щедрее, чем ближе ее конец, замели глубоким снегом остатки большого, веселого дачного поселка, и немцы словно махнули на него рукой. Они уже не предпринимали контратак, не пытались вернуть Красный Бор.

Работы у девичьей команды поубавилось. После трудных недель, когда тут было самое жаркое место на всем фронте под Ленинградом, наступила относительная тишина. Потому командир и политрук, отправившись в тылы роты, на южную окраину Красного Бора, не стали соблюдать обычных предосторожностей. С ними вместе шла

группа бойцов, довольно близко один от другого. Наверное, немецкий наблюдатель заметил эту группу, а может быть, то был очередной огневой налет, совершенный по расписанию, но шестиствольный миномет накрыл идущих. Одна мина разорвалась совсем рядом. Ординарец командира роты Надя Петрова и боец Маша Артемьева были убиты на месте. Прошкина-Акимова доставили на передовой пункт медицинской помощи. Он и умер там, не приходя в сознание.

А летом 1943 года девичья команда стояла в Сосновке. Ее вывели на короткий отдых во второй эшелон. Девушки оказались в тихих и хорошо знакомых местах.

Дежурная сержант Вера Александрова сидела за столом, просматривая какие-то бумажки, когда позвонили с контрольно-пропускного пункта.

— Товарищ сержант, тут пришла какая-то гражданка, просится к комиссару.

Замполита части во втором эшелоне не было, и Вера пошла на КПП.

— Какое у вас дело? — осведомилась она у худенькой женщины с измученным, усталым лицом.

— Мне сказали, что мой муж служит здесь, — торопливо заговорила женщина. — Я была в эвакуации, только недавно пробились в Ленинград. Так трудно было пробиться... О муже я не имела сведений с начала войны... думала — погиб, и все равно надеялась. А тут пошла в штаб, просила, просила... Мне все-таки сказали, где он. И адрес части сообщили, вот я и приехала сюда.

— Как фамилия вашего мужа? — спросила Вера, и голос ее дрогнул.

— Прошкин-Акимов.

Вера бросилась к женщине, обняла ее:

— Садитесь, ради бога...

Она не знала, что сказать, что нужно сейчас сделать, голос не слушался, из глаз бежали слезы, и она не могла их удержать.

МИНЫ

К рассказам и даже к официальным донесениям о собаках, разыскивающих мины, на фронте довольно долго относились скептически. Потом уж все стало иным, и каждый раз, когда минная опасность была особенно большой, срочно требовали именно минеров с собаками. Их требовали и когда нужно было проверить здания, землянки, отбитые у врага и предназначавшиеся для наиболее важных целей, скажем для размещения штабов. А то возникала необходимость проверить выполненную другими саперами работу по разминированию. Кто еще мог это сделать так надежно? Без Риты Меньшнагиной, Веры Александровой, Ольги Дмитриевны Кошкиной, без их батальона, без собак обычно не обходилось. Поднимали по тревоге и бросали, случалось, на другой конец фронта.

Но все это потом. А поначалу рассказы о собаках миннорозыскной службы казались фантазией. Очень уж они звучали неправдоподобно.

Между тем работы у саперов на фронте становилось все больше. На войне они никогда не сидят без дела. Два года ставили и ставили мины, укрепляли свою оборону так, чтобы противник не мог к ней подойти. И противник, прекратив штурм Ленинграда, тоже начинал минами землю. Их устанавливали летом в траве, а зимой — в снегу. И было их миллионы — миллионы смертей, затаившихся в изрытой и обожженной, насквозь простреливаемой фронтовой полосе. Мины противотанковые и противопехотные самых разных образцов и моделей — советские и немецкие, финские и французские, испанские и бельгийские, — мины натяжного и нажимного действия, срабатывавшие мгновенно и с замедлением, снабженные элементами неизвлекаемости или ставшие неизвлекаемыми оттого, что их

механизмы, разъеденные сыростью и ржавчиной, уже потеряли всякую прочность и взрыв мог произойти при малейшем прикосновении.

И вот наступило время, когда эти мины нужно было снимать, открывать дорогу для наступления наших войск, для широкого наступления, призванного покончить с блокадой, длившейся уже два с половиной года. Советские минеры не были новичками в этом деле. Верховное немецкое командование в своих: инструкциях не зря предупреждало фашистские войска: «Русские — большие мастера разминирования». Но и мастера хватались иногда за голову, подсчитывая объем предстоящих работ и силы, потребные для них. Труд предстоял огромный, тяжелый, смертельно опасный. Войсковым инженерам хватало забот, и разговоры о том, что разминирование могут выполнить хоть в какой-то степени собаки, да еще с минерами-девушками, казались несерьезными и потому раздражали.

Войсковые инженеры впервые увидели собак-миноискателей на фронтовом учебном сборе.

На болотистый пустырь у Митрофаньевского кладбища приехали офицеры из-под Пулкова, Колпина, Синявина, с Карельского перешейка. Были здесь солидные полковники, были и лейтенанты, только привыкшие к звездочкам на погонах, но, когда сообщили, что предстоит демонстрация работы миннорозыскных собак, и те и другие восприняли это не без иронии.

— Значит, четвероногая техника в ход пошла?

Девушки с собаками стояли в стороне.

— Мы сейчас отсюда уйдем, — сказал комбат, — а вы минировать пустырь. По какой вам нравится схеме или без схемы вообще. И мины ставьте какие захотите, тут выбор большой — есть малые и есть крупные, в металлической, деревянной, картонной, толевой оболочке... Потом посмотрите, как наши минеры с собаками будут их разыскивать, много ли пропустят, сколько потратят времени.

Комбат увел минеров, а офицеры взялись за дело. Минировали хитро — тут были мастера.

— Ну, бобики высунут языки!

Шутки стихли, едва «бобики» вышли на пустырь. Девушки пустили их вперед, и собаки стали прочерчивать свои полосы: три метра — в одну сторону, три метра — в другую. Если бы нанести их маршрут на бумагу, то получилась бы кривая, похожая на путь,

который проделывает челнок на ткацком станке. Они сновали вправо и влево, каждый раз забирая немного вперед. Шли весело, лишь время от времени оглядываясь на хозяек и чуткими носами ловя запахи, доносившиеся из желтеющей, перестоялой травы. Запахи земли и травы, оставляли их спокойными, но едва возникал другой, едва заметный, лишь острому их обонянию и доступный, — запах взрывчатки, — собака менялась. Усиленно работая хвостом, она обнюхивала подозрительное место и, обнаружив источник, садилась рядом с ним на землю. Запах был не очень приятным, но, почуяв его, собака радостно облизывалась и глотала обильно набегавшую слюну. Она знала, что сейчас получит какое-нибудь лакомство, приготовленное хозяйкой.

До пушки извлекали мины, давали собакам кусочек вяленого мяса или сухарь и снова посылали их вперед. И по мере того как пустырь у кладбища очищался от хитро замаскированных зарядов, лица офицеров становились все более заинтересованными и серьезными.

Чем располагал в ту пору минер, шедший на разминирование? Был у него щуп — длинный металлический прут, которым следовало прокалывать землю осторожно, без нажима, следя, не наткнется ли он на твердый предмет. А если наткнется? Тогда прокалывай рядом, еще и еще, пока не определишь контуры находки и не догадаешься, что это: камень, бутылка — мало ли может быть твердых предметов под верхним слоем земли — или мина. Тяжела и медленна работа со щупом. Электрический миноискатель — уже другое дело. Води рамкой над землей и слушай гул в наушниках. Звук изменится или совсем исчезнет, — значит, под рамкой металлический предмет, вполне возможно — мина. Но если мина не в металлической оболочке? Тогда прибор ничего не скажет. А вот собаки учуют взрывчатку, и какова оболочка, для них не столь уж важно — металл, дерево, картон или стекло.

Наблюдая, как уверенно работают минеры с собаками, даже легкие на острое слово молодые лейтенанты стали серьезными. Заговорили теперь иначе: неплохо быг получить таких собачек. Спрашивали, можно ли рассчитывать, что их придадут армейским инженерным частям.

— Все это прекрасно, — сказал генерал Н. Ф. Кирчевский, начальник инженерных войск 42-й армии, когда все мины, закопанные

на пустыре, извлекли наружу. — В поле работа идет, это мы видим. А если мины стоят в домах?

Генерал думал о предстоящем наступлении, о разминировании городов, которые будут освобождены.

— Давайте устроим еще одну проверку — не в поле, а в здании. Смогут ли там работать ваши собаки?

— Полагаю, смогут, — ответил командир батальона. — Хотя в помещениях мы их пока не тренировали.

— Ну вот и посмотрим.

Генерал уже отдавал распоряжения заминировать здание. Мины было приказано ставить без взрывателей, но все остальное чтобы было по-настоящему.

— Минируйте, как для немца!

Инженерный батальон стоял на территории химического завода. Завод не действовал, но его здания за многие годы пропитались запахами химикатов. Это, конечно, затрудняло работу собак. А минеры делали все, что могли, они уж постарались задать собачкам задачу потруднее. Прятали мины туда, где меньше всего можно было ожидать. Одну поставили даже в патрубок печи в комнате шоферов. Патрубок проходил высоко, под самым потолком, а на стенах висели шоферские комбинезоны — промасленные, пропахшие бензином. Как тут унюхать взрывчатку? Но собака унюхала. Она села под патрубком и жадно вытягивала воздух влажными подрагивающими ноздрями, словно бы говорила хозяйке: «Загляни туда, есть там что-то!»

Мины извлекли, здания были разминированы быстро.

— А вы говорили, что в помещении не пробовали работать, — с упреком сказал генерал. — Вон как они уверенно действуют.

— Так ведь принцип тот же — собака реагирует на запах взрывчатки. — Распространяться о том, каково приучить собаку реагировать на этот запах, комбат не стал: слишком долгое дело, да, может быть, и не очень понятно людям, мало знакомым с дрессировкой животных.

Даже к охоте на птицу и зверя собаку готовят немалое время. Но ведь собака — охотник по природе, на то у нее и чутье, развившееся с незапамятных времен. На охоте ею движет инстинкт, она идет за добычей. Но как сделать, чтобы она искала взрывчатку? Надо связать малоприятный запах взрывчатого вещества с пищевым раздражителем,

создать у животного условный рефлекс. Такова идея, но сколько терпения и труда требуется, чтобы ее осуществить! Даже природная понятливость и наблюдательность собаки таят в себе неожиданные опасности. Стоит людям немного ошибиться в расчетах — и вместо нужной, положительной связи у животного появится вредная, отрицательная связь. Специалисты-кинологи отлично понимали это. Вспоминали случаи из давнего опыта пограничной и розыскной службы.

Подполковник рассказывал инструкторам в батальоне, как однажды на границе собака нагнала нарушителя и вцепилась зубами в его ватную куртку, а нарушитель быстро скинул куртку и побежал дальше. Собака осталась на месте — она держала куртку как добычу. В этом были виноваты дрессировщики. Они тренировали животное в преследовании людей, носивших толстую ватную одежду, чтобы острые зубы собаки не причинили вреда тому, кто изображал нарушителя. Но в результате возникла нежелательная связь: собака старалась схватить не убегающего, а только его ватник.

Вспомнили и случай, когда работник уголовного розыска, преследуя на городской улице опасного преступника, выхватил револьвер, чтобы открыть огонь, а розыскная собака, участвовавшая в погоне, бросилась не на преступника — она схватила за руку оперативника, так как ее учили разоружать тех, кто действует огнестрельным оружием.

Все это было давно. Опыт помогал потом избегать ошибок. Но в начале войны у тех, кто готовил собак к миннорозыскной службе, опыта в этой области не имелось. А война не давала времени для долгих поисков и экспериментов. Случалось, что на учебном поле саперы втыкали возле зарытых в землю зарядов совсем маленькие палочки или колышки только для того, чтобы можно было по ним проверить, не делает ли пропусков собака. Но хитрые животные быстро примечали это — они искали уже не мины, а колышки, им ведь так тоже было легче.

Случалось, на занятиях ставили мины только в металлических корпусах, а потом собака, приученная к металлу, садилась возле любой железки. Опять возникала нежелательная связь...

Исправлять ошибки надо было быстро, но терпеливо, спокойно. Грубый окрик, тем более битье могли погубить дело. Собака работает

охотно и радостно с хозяином, которого любит.

Хорошо, что в батальоне были опытные, знающие животных инструкторы, такие, как Ольга Кошкина, Рита Меньшагина. Они понимали: если собака действует неправильно, виноват дрессировщик. Твоя ошибка, тебе ее и исправлять. А средства для этого все те же: поощрай удачу животного ласковым словом, лакомым кусочком, будь строг при ошибке, но никогда не будь жесток.

Опять, как и в прошлое лето, дни были заполнены занятиями с подъема до отбоя. Надо было учить собак и самим учиться. С основами минного дела Егор Сергеевич знакомил свою команду, еще когда проходили «курс молодого бойца». Теперь нужны были не только основы, нужно было глубокое и точное знание: предстоял выход на минные поля. Собака — разведчик минера, она помогает найти запрятанный врагом смертоносный сюрприз, но извлечь его, обезвредить может только минер.

Девушки были уже не такими, как год назад, наивное бесстрашие неведения сменилось опытом войны. Они знали, что такое передовая и каково в бою. Все же Егор Сергеевич, их начальник, жил в постоянном беспокойстве ожидания: за учебой вот-вот должна была последовать боевая работа.

В конце дня, когда возвращались с минных полей опытные саперы, девушки обступали их, засыпали вопросами. Усталые саперы отвечали коротко и как-то неохотно.

А Егор Сергеевич слушал девичий щебет и думал о том, как будет возвращаться с минных полей его команда. Ему-то было хорошо знакомо то неослабное постоянное напряжение, с которым работает минер. Это ведь правда, что ему ошибиться нельзя, а значит, нельзя и на минуту отвлечься, что-то пропустить, что-то сделать на авось. Ты должен заметить все — каждый бугорок, каждую ямку, особенно ту, что вырыта человеческими руками, должен отметить, где сочнее трава — известно ведь, что возле старых мин трава лучше растет. Любая ниточка, натянутая от земли к колышку или кусту, любая проволочка может вести к mine. Стружка, неведомо откуда взявшаяся в лесу, пожелтевший обрывок упаковочной бумаги, потерянный кем-то инструмент, засечка, сделанная на дереве или пне, заломы веток, колышек, забитый в грунт, — все должно привлечь твое внимание.

Говорено об этом не раз, но ведь и знать еще мало, надо, чтобы это вошло в кровь и мозг.

Наверное, не один Егор Сергеевич с тревогой думал о работе, на которую завтра надо будет посылать девчат. Командиры, занимавшиеся с ними, искали все новые способы обучения. Старались, чтобы навыки стали автоматическими, чтобы руки девушек сами знали, что делать.

Заставляли определять типы мин на ощупь, разряжать с завязанными глазами. Ставили мину за щит с отверстием, в которое можно было просунуть только руки. Вот так и обезвреживай ее, вытаскивай взрыватель не видя.

Тонкие пальцы девушек хорошо чувствовали мину, ловко справлялись с работой. Учеба начинала даже походить на игру, но это тоже было опасно, потому что могло породить легкомыслие, столь же губительное для минера, сколь бывает губительным и страх.

Егор Сергеевич усложнял тренировки. Он вставлял в учебную мину капсуль-воспламенитель, и тот срабатывал при ошибке — гулко выстреливал, выбрасывая пламя. Девушки вскрикивали от испуга, потом возбужденно хохотали, но теперь они уже ясно видели, что сулит минеру ошибка.

Петров часто слышал в батальоне разговоры о том, что не женская это профессия — минер. Не только потому, что она опасна — на переднем крае нет неопасных дел. И не только потому, что работа минера тяжела — вытаскивать раненых с поля боя тоже нелегко. Но крайнее напряжение нервов, которого требует эта работа непрерывно, всегда, — оно не для женщин. Комбат и старшина не могли начисто отвергнуть эти доводы.

И потом, когда прошло время, на счету ленинградской девичьей команды были сотни тысяч обезвреженных мин и такие команды появились в других саперных частях, даже потом весть о каждой ошибке девушки-минера быстро разносилась по фронту, как всегда обрастая до неузнаваемости при передаче из уст в уста. Каждая такая ошибка была и в самом деле трагичной — она оплачивалась кровью. Но тогда можно было уже сравнивать, можно было говорить языком цифр. А цифры свидетельствовали, что девушки-минеры ошибались в среднем в два-три раза реже, чем мужчины. Должно быть, сказывались тут какие-то особые женские черты — аккуратность, неприязнь к бесшабашному риску. И нервы у девушек-минеров были вовсе не

«дамские». Но то, что их учили с особенной тщательностью и заботой, тоже, конечно, давало свои плоды.

В первый раз девушки вышли на минное поле без собак.

Опять знакомые места между Колпином и Красным Бором. Наши и немецкие мины перемешались на полях, самые разные мины.

Егор Сергеевич построил команду, прошелся перед шеренгой.

— Сейчас нарежем полосы...

Голос его сел, слова звучали глухо, и, почувствовав это, старшина рассердился на себя. Не хватало еще, чтобы девчонки заметили, как он за них волнуется.

— Повторяю основные правила безопасности... Помните, крупные мины разряжаем на месте, мелкие — в картонных и жестяных баночках — разряжать запрещено, их собирать и складывать в штабель. Потом будем уничтожать.

И девушки направились каждая на свою полосу. Они работали молча, не переключаясь, кололи землю острым длинным щупом, осторожно, тихонечко разгребали ее вокруг найденной мины. Находок было много, поле попалося плотно заминированное. Егор Сергеевич ходил от девушки к девушке и, прежде чем сделать каждый шаг, прокалывал щупом то место, куда надо было поставить мину. Он ведь много раз внушал им: «Закон минера — без щупа ни шагу».

— Что не ясно, не мудри, зови меня, — повторял он. И старался поспеть к каждой, когда у нее возникало затруднение.

Весь день по краю поля ходили офицеры. Держали себя так, словно попали сюда случайно. Подъехал «виллис», старшина увидел грузную фигуру комбата. Тот встал в сторонке и, едва старшина направился к нему, нетерпеливо махнул рукой: занимайся, мол, делом. Не одного Егора Сергеевича одолевала тревога.

А время шло, и росли штабеля обезвреженных мин. В перерыв девушки выходили с поля и окружали старшину. Одни без удержу болтали, другие молча сидели на траве — у каждой волнение проявлялось по-своему.

Трудным был этот первый день, но и те, что последовали за ним, были не легче.

В один из таких дней Егор Сергеевич, шагая по проходу, заметил, что Маша Меньшова стоит в нерешительности над какой-то миной. Он поспешил к ней. Маша была девушкой рассудительной,

хладнокровной, и если растерялась, значит, что-то действительно неладно.

У ног Маши лежала мина в сгнившем деревянном ящичке.

— Выходи в проход шагов на пятьдесят. Быстро! — скомандовал Петров и проводил Машу глазами.

Потом поднял мину. Один бок ящичка отвалился, сгнившая фанерка распалась по слоям.

Открылась тротиловая шашка с детонатором и взрывателем. Разрядить будто легко, но Петров наметанным взглядом сразу определил, что чека, удерживающая ударник, совсем проржавела, это был уже не металл, а сгусток коричнево-рыжей грязи. Едва он взялся за конец ударника пальцами, как шероховатый, тоже изъеденный ржавчиной стерженок ожил. Чека не держала его совсем, только ослабь пальцы... Вставить новую чеку Петров не мог — отверстие было забито твердой землей. А держать ударник в пальцах до бесконечности тоже невозможно. Решение могло быть одно. Егор Сергеевич резко взмахнул правой рукой, швырнул мину вперед и быстро упал на левый бок.

Мина взорвалась в воздухе, но все-таки отлетела на достаточное расстояние, чтобы взрыв не был губительным для минера. Лишь мелкие кусочки дерева попали в Петрова, поцарапали его и порвали одежду.

Он встал, оглушенный, осмотрел себя и вышел в проход. А впереди бежала Маша Меньшова. Она слышала взрыв, видела упавшего Петрова.

— Девочки, старшина подорвался! — кричала она.

Петров догнал ее и взял за плечо:

— Ничего я не подорвался, все нормально, вот только занозы...

Он глянул на свою гимнастерку, порванную в нескольких местах, и рассмеялся:

— Вот гимнастерка пострадала. Придется тебе ее вечером заштопать. В наказание, чтобы паники в другой раз не поднимала.

ВАНЯ НОГАЕВ

Среди множества разных мин была одна особенно ненавистная саперам — немецкая шрапнельная хмина типа «5», в просторечии «эска». Еще ее называли прыгающей миной. Когда срабатывал воспламенитель, она подскакивала на метр-полтора и тут следовал взрыв. Мина имела два стакана. Один помещался в другом. Внешний стакан оставался на месте. А внутренний, скрывавший в себе три сотни круглых шрапнельных пуль, разрывался в воздухе, и пули вместе с осколками разлетались в разные стороны. Такая мина могла убить много людей.

Фашисты редко применяли сложную «эску» для сплошного минирования, чаще ставили несколько таких штук среди других, более простых мин. Минеры наталкивались на них обычно неожиданно, и это увеличивало опасность.

Была, однако, у «эски» особенность, очень важная для тех, кто встречался с этим «сюрпризом». Ее пистон-взрыватель срабатывал с отчетливо слышимым щелчком. Взрыв следовал через какую-то долю секунды, и в этой доле секунды был шанс на спасение. Так девушкам объяснял старшина Петров. Они недоверчиво пожимали плечами — что можно сделать за неуловимое мгновение? Но как раз незадолго до их первого выхода на минное поле ефрейтор Тулежбаев натолкнулся на «эску». Она сработала под его ногой, и все же ефрейтор сумел спастись. Значит, и правда за долю секунды можно многое сделать.

Егор Сергеевич привел Тулежбаева в свою команду на следующий день. Ефрейтор выглядел как обычно — подтянуто, даже щеголевато. Гимнастерка была на нем новая, и только хорошо знавшие его товарищи могли определить, что он вроде потолстел со вчерашнего утра. Под гимнастеркой у Тулежбаева были бинты. Фельдшер Аня

Лучинкина аккуратно перевязала рану на его спине сразу же в поле, затем сделала укол. «Вот и все, — сказала она, — рана пустяковая, заживет. И свадьбы ждать не надо». — «А я женатый, девушка», — конфузливо улыбнулся Тулежбаев. Он остался в строю.

Теперь Тулежбаев должен был рассказать, как все произошло, девичьей команде.

Молодой учитель из далекого казахского селения был опытным сапером. Он служил в батальоне больше года.

— Что мина сработала, я, получается, сам виноват, — сказал он девушкам, — не заметил ее. Трава густая, усики у «эски» маленькие, трудно увидеть. Вот и получилась ошибка. Только на этот случай инструкция есть, сказано, что делать. В инструкции сказано, а ты должен крепко помнить. Станешь в затылке чесать, долго думать, тут мина уже взорвалась — и нет тебя больше. А помнишь крепко — сразу сделаешь как надо.

Тулежбаев внимательно поглядел на девушек, стоявших вокруг.

— Это понятно, рассказывайте дальше, что было!

— Что было? Наступил на мину в траве. Чувствую под ногой что-то твердое — и сразу щелчок. Все, думаю, конец мне. Но инструкция крепко сидит в голове. Падаю на землю плашмя, как учили. Слышу взрыв, совсем над моей головой. Во все стороны засвистело, пули летят, осколки летят. Меня в спину ударило, решил — смерть это. Но нет, чувствую, еще не умер. А тут уж ко мне подбежали, девушка-фельдшер пришла, перевязку сделала, и вот я остался живой. Почему живой? Потому что все сделал по правилам: упал рядом с миной, значит, в мертвое пространство попал, пули мимо пошли, один только маленький осколок мне достался.

Выходило, что можно спастись и от «эски». И все-таки это была скверная мина. Ване Ногаеву встреча с ней стоила жизни, а он инструкцию тоже хорошо знал...

За несколько недель перед тем роковым днем Ваня Ногаев прибыл в часть со звездочкой на погонах. Теперь его надо было называть «товарищ младший лейтенант», но в части этого черноглазого парня помнили сержантом. Он попал на фронт из Мордовии в самом начале войны, был ранен, но вернулся в строй. Веселый, жизнерадостный, верный товарищ, собранный и ловкий, он был одним из лучших сержантов в части. Потому его и послали на курсы младших

лейтенантов. До курсов Ногаев командовал отделением, а вернувшись оттуда, принял взвод. И в этот взвод направили девушек из команды старшины Петрова. Девушки были довольны.

— Хороший, симпатичный парень, Ваня Ногаев, — говорили они между собой.

Младшего лейтенанта Ногаева девичье пополнение смущало. Он был человеком стеснительным.

В то утро девушки снимали мины на полосе, шедшей вдоль дороги из Колпина к станции Поповка, отбитой зимой у немцев. Работа шла слаженно и довольно спокойно, пока Аня Родионова не натолкнулась в густой траве на пустой металлический стакан. Осторожно, сдерживая дрожь в пальцах, ощупала его и подала сигнал командиру отделения.

— Товарищ сержант, — доложила она, — похоже, тут была «эска».

Ногаев подошел к Ане вслед за сержантом.

— Точно, — сказал он, — «эска». Стакан ее.

Он повернулся к замершим рядом сержанту и Ане:

— Выходите на дорогу. Я поищу дальше. Должны быть и другие «эски», может, целый ряд.

И он стал методично, через каждые десять — пятнадцать сантиметров, прокалывать землю вокруг стакана коротким «офицерским» щупом. Аня и сержант молча стояли в стороне. Времени прошло много, или оно очень уж медленно тянулось. Но вот Ногаев склонился над чем-то, осторожно пальцами перебирая траву.

— Она, «эска», на боевом взводе! — крикнул младший лейтенант, обнаружив проволоочки-усики и убедившись, что оттяжек от мины нет.

Он подошел к дороге.

— Сейчас мы ее вытащим и распатроним как миленькую. Соберите девушек, пусть все видят.

Постояв на дороге, Ногаев двинулся обратно и тут заметил свою ошибку: надо было поставить возле мины красный флажок. Он этого не сделал, заторопился.

— Ладно, — подумал, — никуда не уйдет.

Он хорошо помнил, где стояла «эска», да и место было приметное — на склоне холма. Но, подойдя туда, он мины не увидел. Трава распрямилась и прикрыла ее. Ногаев начал щупом колоть землю.

— Сейчас, сейчас, — твердил он.

Позади собирались девушки. И все они ясно услышали щелчок. Должно быть, щуп попал прямо во взрыватель.

Никто даже не успел вымолвить слова. Одни бросились на землю, другие остались оцепенело стоять. Шрапнель «эски» разлетается на 80-100 метров, девушки были много ближе, и уже ничто не могло бы их спасти.

Они увидели только, как упал Ногаев, и тут же последовал взрыв. Он прозвучал приглушенно. Ногаев словно бы подскочил и снова упал. Из-под его тела выползал чуть приметный дымок, или это просто колебался нагретый воздух?

Кто-то из девушек громко, пронзительно вскрикнул. Нет, никто из них не пострадал. Стакан мины со всеми тремя сотнями пуль не взлетел вверх, он взорвался, под Ногаевым. Младший лейтенант получил весь заряд в грудь.

На другой день его хоронили. На Чесменском кладбище за Московской заставой выстроился взвод, потерявший командира, стояли офицеры штаба и всех рот. Невдалеке от кладбища методично падали и рвались немецкие снаряды.

Гроб с телом младшего лейтенанта поставили на краю только что вырытой саперами могилы. Боевые друзья смотрели в бескровное, строгое, совсем юное лицо погибшего.

Прощание было коротким и суровым.

— Не могу понять, ума не приложу, — сказала Маша Меньшова, когда отгремел прощальный салют, — он же такой ловкий был, как его угораздило упасть прямо на эту проклятую «эску»?

Аня подняла на нее заплаканные глаза:

— Не понимаешь... до сих пор... — Голос ее прерывался. — Ты что, не видела? Он же нарочно... Он нас закрыл... Иначе всех бы перебило...

НОВЫЙ, СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

На войне опыт достается дорогой ценой, но он приходит быстро. Старшина Петров перечеркнул не много чисел на маленьком табеле-календаре, который он носил в своей записной книжке, а казалось, день тот, трудный и жутковатый, когда девичья команда впервые вышла на минное поле, уже где-то в далеком прошлом.

Они ходили по начиненной взрывчаткой земле, вели своих собак на длинных поводках-шнурах, следя, как те челноками снуют поперек полосы, прощупывали землю острыми и гибкими металлическими стержнями, укрепленными на длинных палках, выслушивали ее миноискателями, ловя каждую перемену звука в наушниках. И когда находили мину, бледность уже не проступала на лицах и не вздрагивали пальцы. Работали сноровисто и спокойно — теперь это было будничным делом.

И счет снятых мин рос быстро. Так быстро, что даже вызвал сомнение у армейских инженеров. Речь шла уже не о сотнях, а о десятках тысяч.

Майор Ковальчук из отдела заграждений армии, на участке которой работала команда Петрова, получив отчет за три недели, не сразу решился докладывать генералу. Запросил дивизионных инженеров, которые принимали у саперов обезвреженные мины. Те подтвердили: все так, мины сданы по актам. Тогда уж Ковальчук поспешил к своему начальнику.

— Смотрите, что делают эти девчонки, товарищ генерал!

Генерал прочитал донесение.

— Ну молодцы! Семьдесят тысяч мин за такой срок, да еще противопехотных! Объявить всему личному составу благодарность! — приказал он.

Сырая ленинградская осень медленно и неохотно переходила в зиму. Приморозит, присыплет снегом землю — и снова отпустит, опять моросит почти невидимый дождь, опять оттаивает покрытая желтой травой земля. И комья глины растут на сапогах, и влага пропитывает одежду до самой нательной рубахи. А у саперов работы все больше. Сроков наступления еще никто не знает, но они близятся, это чувствуют все.

От нашего переднего края до немецких траншей где 100 метров, где 500 — это зависит от местности и от того, как шли бои. Но узкая нейтральная полоса доставляет особенные заботы. Она нафарширована минами, перегорожена завалами, рвами, спиралями и заборами из колючей проволоки во много рядов. Как преодолееет их пехота, двинувшись в наступление? Сидят над расчетами инженеры, артиллеристы, танкисты... Наблюдатели не отходят от перископов и стереотруб, разведчики ползают и ползают по нейтралке — все разглядывают, ощупывают руками...

Много забот и у саперов, вечных тружеников войны. Каждую ночь гремят взрывы на ничейной земле. Это их работа. Тихо, неслышно ползут саперы и тащат за собой или толкают впереди свои смертоносные грузы — заряды. Может быть, заряды накладные, их поставят в середине вражьего минного поля, подожгут запальный шнур — и давай назад?! Заряд сработает, и от детонации взорвутся десятки мин на поле. Отлично! Только ведь надо доставить заряд на место, поджечь шнур и успеть уйти. А враг не спит, он беспокоится, освещает местность ракетами, поливает огнем пулеметов, таится в засадах.

Или саперы ползут, проталкивая вперед удлиненный заряд — доску, похожую на лыжу, только раза в три длиннее. Стоят на такой «лыже» толковые шашки одна за другой, как вагоны в товарном составе, много их. И вот толкают саперы взрывную «лыжу», загоняют во вражеские заграждения — под проволочные заборы, спирали из колючки. Такой заряд может сразу проделать проход. От него и проволока разлетится, и сработают мины, навешенные на ней. А есть еще подвесные заряды. Их ставили над заграждениями — полагалось на треногах, а бывало, и на проволоку навешивали. Задача одна — уничтожить преграды, устроенные врагом перед своими позициями.

Где-то рождается «рационализаторское предложение». А что, если утащить у фашистов проволочный забор?

— Как утащить? Представляете, сила какая нужна? Руками не утащишь...

— Зачем руками? У нас за спиной ленинградские заводы, разве они лебедек не дадут?

И утром фашисты не досчитываются то там, то здесь своих заграждений.

От Малой (Ораниенбаумской) земли и до Ладоги идет эта работа. Каждая ночь — боевая страда.

А сроки наступления приближаются. Надо подготавливать исходные рубежи, прокладывать дороги, рубить впрок мостовые фермы, чтобы наводить их без задержки потом на освобожденной земле. Все понимают — враг, отступая, будет минировать, взрывать дороги и мосты. Это надо учесть, а еще лучше предотвратить, где только можно. Каждый спасенный мост означал бы маленькую или большую, но явную победу над противником, и, чтобы достичь ее, стоит идти на любую хитрость, на риск.

Под самый Новый год саперов-разведчиков старшину Устича и сержанта Баллана вызвали в землянку командира. Они только перед этим обсуждали, как встретить наступающий 1944-й. На переднем крае пиршества не устроишь, что и говорить, но во фляжках все-таки булькало — приберегли свои сто граммов. Так что в положенный час можно бы чокнуться за победу. Но теперь, приходилось отставить все приятные разговоры и приготовления.

Старшина Устич открыл дверь землянки:

— Товарищ командир, по вашему приказанию прибыли...

Командир сидел над картой, испещренной красными и синими гребенками. Красные — наш передний край, синие — траншеи противника, но карандаш командира нацелен дальше разноцветных гребенок — на мост у деревни Порожки. Это большой старый мост, каменный и очень прочный, построенный еще в екатерининские времена. Когда-то по нему пролетали шестерки коней, несли кареты вельмож. Теперь мосту предстояло пропустить куда более тяжелые экипажи — танки. Он лежал на пути, по которому наши войска, начав наступление с приморского плацдарма, должны были устремиться к Ропше — навстречу армии, прорывающей вражеский фронт со

стороны Пулковских высот. От того, сохранится ли мост, зависел темп наступления.

Рассказать все разведчикам-саперам командир, конечно, не мог, да всего он и сам еще не знал, но с мостом была связана одна из боевых задач, возложенных на него. Для старшины и сержанта это была главная и единственная задача: надо пробраться к мосту через вражеский передний край. Конечно, незаметно, ночью, не выдавая себя.

Линия фронта была здесь неподвижной больше двух лет. Противник времени зря не терял, все использовал, чтобы сделать ее непроходимой. И мины тут были, и заграждения, и сигнализация — от консервных банок, повешенных на проволоку, до электрических звонков. В таких случаях говорят: «Мышь не проберется». А следовало пробраться людям — двоим, и так, чтобы никто не узнал на той стороне.

Разведчики долго сидели с командиром над картой. Потом пошли в боевое охранение.

Новый год они встретили на «ничейной» земле. Они готовились несколько дней. В светлые часы Устич и Баллая с наблюдательных пунктов, через бруствер окопов боевого охранения, разглядывали места, по которым предстояло пробираться. В темное время выползали вперед, на ничейную зону. Когда все было готово, доложили командиру свой план. «Этим вечером пойдем». Но им ответили, что теперь надо отдохнуть и выспаться, а когда идти — будет приказ.

Их отправили вечером 13 января.

— Значит, у моста быть к середине ночи, — сказал на прощание командир. — Мост наверняка минирован, а ваша задача — не допустить взрыва. Будьте готовы к огневому налету нашей артиллерии по этому району. Укройтесь и не упускайте мост из внимания ни на минуту. Сбереечь его надо во что бы то ни стало.

Разведчики перевалили через бруствер и пошли вперед, две белые тени, почти невидимые на ночном снегу, — маскировочная одежда закрывала их от глаз до пят.

До немецкой проволоки с разведчиками шло еще несколько солдат, прикрывая их. Дальше Устичу и Баллану надо было двигаться одним. Заранее проделать проходы во вражеских заграждениях нельзя было, немцы заметили бы эти проходы и могли устроить засаду. Но за

время долгих ночных странствий по ничейной земле Устич и Баллан нащупали узенькие коридоры, оставленные фашистами для своей собственной разведки. Ими они и решили воспользоваться. Коридоры были закрыты проволочными ежами, съёмными рогатками, но с этим все-таки легче совладать.

Они, не чувствуя холода зимней ночи, то шли, то ползли, то отлеживались в снегу, когда лопались в небе ракеты, заливая все вокруг бледным, мертвенным светом. Прислушивались к посвисту пуль. Нет, их не заметили. Гитлеровцы постреливали «для порядка», временами начинали частить, видно, беспокоились, но огонь оставался неприцельным.

Где-то высоко шли и шли наши самолеты. Тяжело ухала и содрогалась земля. Взрывы доносились из глубины вражеского расположения. Самолеты бомбили артиллерийские позиции противника.

Разведчики проползли между немецкими траншеями и добрались до моста глубокой ночью. Залегли в густых кустах. Никого не было видно, но вдруг совсем близко послышался глухой простуженный кашель. Он доносился словно бы из-под бугорка у реки. «Землянка, — догадались саперы, — подрывная станция, не иначе!»

Подползли к кустам еще ближе. Притаились. Уже перед рассветом из землянки выбрался солдат, посмотрел по сторонам, покашлял и ушел обратно. А вскоре ударила наша артиллерия.

— Давай! — Баллан потянул товарища за рукав. Теперь можно было говорить не таясь, грохот разрывов заглушал человеческий голос.

Они ворвались в землянку и подмяли гитлеровца. Он и крикнуть не успел. Ну да, они не ошиблись. Взрывная машинка стояла наготове. Баллан осторожно отсоединил ее от проводов и забросил в снег подальше. Ключ для верности положил в карман.

Устич выглянул из землянки. Уже светало. Разрывы бушевали вокруг. Гитлеровцы попрятались в укрытия, пережидая яростный артиллерийский обстрел.

Разведчики бросились к мосту. Осколки свистели, совсем близко вставали красно-черные снопы разрывов. Но то были наши снаряды, и потому на душе у разведчиков становилось веселее. Добрались до зарядов, заложенных под мостом, вырвали бикфордов шнур, перерезали провода. Решили переждать до ночи и тогда возвращаться к

своим. Но ждать не пришлось. Огонь артиллерии все не утихал. Потом в него ворвался неистовый залп «катюш», и после него снаряды стали рваться уже где-то дальше.

Разведчики лежали в кустах. Они еще не успели прийти в себя, как до них донеслось прерывистое хриплое «ура». Оно приближалось, а саперы не смели поверить своей догадке. Нет, возвращаться назад им было незачем — наши атакующие цепи подтянулись к мосту, а затем двинулись дальше. Устичу и Баллану оставалось разыскать свою часть.

Они выполнили задачу, отлично выполнили. Так сказал потом командир, вручая им обоим ордена Славы.

Девичья команда стояла в это время у Средней Рогатки. Как и для всех, кто был на правом фланге ленинградского обвода между Пулковскими высотами и заливом, наступление началось для нее на следующий день. Земля вокруг стала разом извергать огонь и гром, содрогаясь и дымя. Две с половиной тысячи орудий работали сто минут, чтобы выбросить на противника четверть миллиона снарядов. Такой музыки боя еще никто не слышал. Сосчитать выстрелы в этом сплошном реве орудий было, разумеется, невозможно, но сокрушающую мощь удара все сознавали. И с нетерпением, с азартом ждали своей минуты, уже вовсе не думая о том, что может принести она каждому в отдельности, как повернет его собственную, личную судьбу. Судьба теперь была только одна, общая на всех, и этот бой ее решал.

Девушки двинулись вслед за пехотой и танками по черному от пороховой гари снегу, по разнесенным, обрушенным траншеям. Наступавшие врубались, вклинивались в расположение врага, и сразу надо было открывать дороги, чтобы доставить все, питающее людей и бой. А это значило, прежде всего, убирать, обезвреживать мины.

Отделение Риты Меньшагиной работало под Урицком, разминировало шоссе, ведущее к Стрельне и Петергофу. Рита шла вдоль дороги с Жуком. Крупный пес, похожий на кавказскую овчарку, тыкался в снег угольно-черной мордой и часто оборачивался к хозяйке, поглядывая на нее умными и преданными глазами. Только морда, глаза да кончики ушей у него были черными. Спину, живот, лапы, хвост покрывала густая, завивавшаяся крупными кольцами белая шерсть с

чуть заметным желтоватым отливом. Если б не этот отлив, Жук был бы совсем неразличим на фоне заснеженной дороги.

— Хитрый пес, — говорили проходившие мимо солдаты, — вишь, какой маскировкой обзавелся.

— Умный, — поправляла Рита, — отличный разминер. А масть — это не самое важное.

Она гордилась собакой — ведь сама выходила и выучила Жука, сделала его охотником за минами.

Жук был «старым фронтовиком», попал на передовую еще осенью сорок первого в команде истребителей танков. Через несколько месяцев его ранило под Пулковом.

— Надо пристрелить, — сказал командир взвода, глянув на истекавшую кровью собаку.

Красноармеец-вожатый встал перед Жуком, словно заслоняя его:

— Не надо стрелять, ему же цены нет! Разрешите, отнесу к ветврачу.

Он уже разорвал свой индивидуальный пакет и перевязывал Жука.

— Все равно не донесешь.

— Донесу, только разрешите.

Боец долго тащил тяжелого, обвисшего на его руках пса. Останавливался, поправлял повязку и нес снова.

— Сколько ты прошел с ним? — спросил ветврач Львов, осматривая Жука. — Он же что добрый теленок.

— Километра четыре, а может, и пять... Не мог я его бросить.

— Попробуем заштопать, коли такое дело.

Львов сдержал слово — вылечил пса. К Рите Жук попал уже после ветеринарной части. Его прежний вожатый к этому времени тоже был ранен и выбыл из батальона. Рита знала историю пса и стала тренировать для миннорозыскной службы, хотя ей и говорили, что собака, перенесшая тяжелое ранение, не сможет больше работать на передовой, будет бояться разрывов.

Риту поразили острота обоняния и сообразительность Жука. Он чуял взрывчатку, как бы хитро ни запрятали ее. Он умел распознать даже схему установки мин — найдет, разнюхает одну и сидит возле нее, пока не подойдет хозяйка. Сдав ей находку, быстро идет дальше по ряду и садится уже у следующей мины.

А разрывы... Жук поднимал уши и вздрагивал, когда они раздавались вблизи. Вопросительно посматривал на хозяйку. Но хозяйка была спокойна, и Жук тоже сохранял спокойствие. Он быстро привязался к девушке, с ней ему не было страшно.

А в тот день под Урицком Жук очень помог. Дорога была заминирована беспорядочно, это затрудняло поиск. Вдоль пути, пройденного отделением, лежало уже много снятых мин. Жук обнаружил новый участок. Мелкие противопехотные мины стояли невероятно густо.

Рита отвела Жука в сторону, привязала его и вернулась на дорогу — снимать мины лучше было одной. Методично прокалывала землю длинным острым щупом и, обнаружив очередную коробочку со взрывчаткой, осторожно извлекала, предварительно разгребая снег вокруг.

Работа ладилась. Рита подумала, что уже скоро разделается с этим неприятным участком, и тут ее ослепила вспышка, гулкий хлопок ударил по ушам...

Командир батальона был в это время впереди, ближе к Стрельне, осматривал местность, которую тоже предстояло разминировать. Там его нагнал полковник, приехавший из штаба фронта или, вернее, пришедший, потому что дальше того места, где работали девушки, проехать на машине еще было нельзя — двигались пешком по узким тропам, проторенным бойцами в снегу.

— Что же вы девочек поставили на такое дело? — недовольно сказал полковник. — Нам дороги надо открыть как можно скорее.

— Дорогу скоро откроем. Девушки — опытные разминеры, работают быстро, — ответил командир.

— Опытные, опытные, а сейчас одна подорвалась на наших глазах, И не рядовая, а сержант. Вон там, у развилки.

— Там? Рита?!. — вырвалось у комбата. Не договорив, он оставил недовольного начальника и побежал к развилке дорог.

Отделение Меньшагиной работало спокойно в своей полосе. Рита не слышала шагов командира, обернулась, только когда он прокричал ей в ухо:

— Кто тут у вас подорвался, что случилось?

— Никто не подорвался, товарищ подполковник.

— Да мне же сообщили. Полковник из штаба видел.

— У меня ПМД-6 сработала под щупом. Вот и все, что было.

Рита показала место, где взорвалась противопехотная мина.

— Ну а ты как?

— Я ничего. Щуп же длинный, меня не задело, оглушило немножко.

— Почему не прекратила работу? Почему сразу не доложила?

— Так ведь дел сколько, сами видите, товарищ подполковник.

— А мне начальник из штаба фронта сказал...

— Наверно, он вспышку видел, вот и решил, что подорвалась.

Рита провела рукой по влажному лицу, словно стирая улыбку:

— Разрешите продолжать? После взрыва уже больше часа прошло.

— Продолжайте, — сказал комбат, удивляясь, почему его голос звучит так сипло. — Продолжайте, и чтобы все было по инструкции, точно.

Он тяжело зашагал по снегу назад, в сторону Стрельны.

Рита повернулась к Жуку. Он сразу рванулся к ней. Он все время не спускал с нее глаз. Кроме хозяйки, он никого не признавал, а Рита могла с ним делать все, что хотела.

Как-то Рита уехала в командировку на несколько дней. Жук беспокойно метался по вольеру, яростно рычал на каждого, кто пробовал войти, и обнажал зубы. Пищу ему подавали на длинной палке.

— Зря держат в части такого черта, — говорили в питомнике.

Но строптивость Жука с лихвой искупали чутье и ум, которые он неизменно показывал на работе. Да с Ритой он и не был строптивым — напротив, воплощенные послушание и кротость.

Через несколько дней после случая на дороге Жук заставил говорить о себе в штабе армии.

Наступление развивалось, войска рвались вперед, и вслед за ними стали перемещаться штабы — сперва полковые, дивизионные, корпусные, затем пришло время двигаться вперед штабу армии, который два года стоял в городе за Московской заставой. Для армейского штаба выбрали место на склоне Дудергофских высот. Там были отличные землянки, целый подземный поселок. Немцы не успели его разрушить — они бежали, боясь окружения. Армейские саперы обследовали подземный городок, все было как будто в порядке,

и штаб начал размещаться на новом месте. Все-таки начальник инженерных войск генерал Кирчевский тревожился и, должно быть, потому вспомнил о минерах с собаками.

Взвод выехал к Дудергофу сразу же. В землянках над картами уже сидели офицеры, шла оперативная работа. Никто не хотел прерывать ее ради того, чтобы собаки обнюхивали углы.

Командиру взвода лейтенанту Хижняку было неудобно спорить со старшими, но он имел приказ, который следовало выполнить.

Офицеры выходили из землянок неохотно, язвительно подшучивали над минерами. А те проводили в землянках немного времени. Собаки ничего не находили. Задержались лишь в большом бункере, отведенном командующему армией. Жук уселся в бункере, поднял голову и вытянул шею. Он упорно глядел на перекрытие, нервно двигая ноздрями и тянул в себя воздух.

— Чего он там унюхал, на потолке?

Потолок из крепко сбитых досок был низким, нетрудно разглядеть все прожилки и сучки. Над перекрытием имелась небольшая ниша под накатом, своего рода чердачок. Штабники еще не пользовались им. Осторожно прощупав нишу, минеры обнаружили трехкилограммовый заряд со взрывателем, от которого в разные стороны шли тугие струны. Стоило только бросить на чердачок какую-нибудь вещь, поставить чемодан — и взрыв разнес бы бункер командующего.

— Очень смешно, правда? — сказал Хижняк молодому адъютанту, успевшему отпустить до того немало острот по адресу четвероногих разминеров. — Благодарите Жука, что раньше вас обратил внимание на этот чердак.

О случае в бункере доложили командарму.

— Да, — задумчиво сказал генерал. — Вот тебе и собачка. — Он посмотрел на адъютанта. — Орденов четвероногим не полагается, но сахару и конфет выдай ей побольше, не скупись. Мы этой собаке многим обязаны.

НА ПЕРЕЕЗДЕ

Подскакивая на скользких буграх обледенелого, нечищенного шоссе, машина подкатила к железной дороге и встала у переезда. Это был военный юркий «козлик» с зеленым брезентовым верхом. Грузовик с девушками-минерами шел за ним следом. Он остановился немного поодаль. Петров рывком отворил дверцу «козлика» и выскочил на дорогу. За ним вылезли командир батальона и лейтенант Щипунов. Вместе они и пошли туда, к переезду, где шоссе пересекали железнодорожные пути.

Вблизи переезда, на обочине, стояли два скрещенных красных флажка. Тут лейтенант Щипунов обнаружил утром крупный, по-видимому, фугас. Все трое долго и тщательно осматривали опасное место.

— Да, это не минные поля снимать...

Егор Сергеевич сумрачно надвинул ушанку на лоб.

Командир батальона быстро взглянул на него и пожевал губами — хотел что-то сказать, но промолчал. Было бы странно упрекать Петрова в том, что он считает разминирование легкой работой. Он много дней провел со своей командой на минных полях и хорошо знал, что сделанное там всегда измеряется не только числом мин, но и пролитой кровью. Наверное, можно математически установить закономерность — на столько-то тысяч снятых мин один подорвавшийся минер, потому что и самое точное соблюдение правил все-таки не гарантирует с абсолютной надежностью от несчастий.

Но как-никак работа на минных полях шла заведенным порядком, у нее свой ритм и темп. Теперь, в дни большого наступления, минеры сталкивались чуть ли не ежечасно со всякими «сюрпризами».

Фашисты изощряются, устраивая ловушки, а ты должен каждую найти, разгадать, обезвредить, иначе кто-то попадетсЯ в нее и заплатит жизнью, может быть, не один, а многие наши люди.

Вид у Петрова был утомленный. На лице с синеватыми мешками, набухшими у глаз, можно было ясно прочесть, какими напряженными были дни и ночи, когда команда шла по отбитой у врага земле. Приказ ехать на станцию Володарская они получили в Стрельне у Константиновского дворца. Им нелегко там пришлось. Только вынесли из подвалов тонны взрывчатки и рассчитывали немножко передохнуть...

Дворец был разбит. Толстые, вычерненные огнем кирпичные стены просматривались насквозь через пустые проемы окон. За стенами, как и снаружи, сугробами лежал снег. Но глубокие подвалы с крепко заделанными окнами сохранились. Понадобилось много часов, чтобы обойти, осмотреть эти каменные коридоры и залы, освещая себе путь фонарями.

Почему мусор, наваленный возле котлов парового отопления, заставил Леонида Мелешева насторожиться? Везде словно бы одно и то же — осыпавшаяся штукатурка, трещины в стенах, заиндевелый кирпич и покореженные ржавые трубы. Но куча в углу большого подвала, возле котлов, как-то нарушала общую картину. Сержант Мелешев остановился. Он еще толком не понимал, в чем дело.

— Постой! — окликнул он товарища, шедшего рядом. — Тут надо как следует посмотреть.

Мелешев выбрался из подвала. Стоял морозный зимний день, искрился снег на широком дворе, и после темени подземелья этот свет казался нестерпимо ярким.

«Там бы так», — подумалось Мелешеву. Он нашел окно подвала, где стояли котлы, и отбил доски. Потом вернулся прежней дорогой.

— Ну что?

Второй минер тоже глядел на кучу мусора в углу. Теперь при свете дня было уже видно, что она набросана недавно.

— Будем работать по очереди, — распорядился сержант и первым стал разбирать мусор, осторожно откидывая каждый обломок кирпича, каждый ком известки. Лишь когда убрали всю огромную кучу, открылась бетонная яма. Что-то сверкнуло в вей медью.

— Гляди-ка, — медленно проговорил Мелешев, очищая тяжелый артиллерийский снаряд, — да тут их уйма!

Яма была наполнена снарядами и баками с артиллерийским порохом. Между ними Мелешев обнаружил толовый заряд с взрывателями и детонаторами. Затем еще один... От обоих зарядов, — теперь это было отчетливо видно, — тянулись проволоочки-оттяжки к потолку, к котлам и в следующий отсек подвала. Хорошо, что минеры не пошли туда сразу...

Мелешев стал кусачками перерезать одну за другой оттяжки.

— Быстро доложи командиру, — послал он своего напарника.

Петров пришел в подвал, когда Мелешев извлекал взрыватели.

— Да тут же настоящий артиллерийский склад!

Это и был склад. Тяжелая батарея немцев, обстреливавшая Ленинград из Стрельпы, хранила здесь боезапас. Землянки фашистских артиллеристов обнаружили совсем близко от дворца на берегу реки. Они были основательные, с крышей в три наката, с дорогой мебелью, украденной, должно быть, из дворца. Уходя, фашисты все бросили. Чувствовали, что их окружают. На столах еще стояли открытые банки французских сардин, картонные коробки с бурым искусственным медом и буханки хлеба в промасленной бумаге, на которой была аккуратно отпечатана дата выпуска. Выходило, что хлеб, недоеденный гитлеровскими артиллеристами, выпекли два года назад.

В землянке на столе лежал большой планшет, где были аккуратно размечены улицы, площади и дома Ленинграда. Красные кружки обозначали цели. Цель номер 73 — угол Невского и Садовой, цель номер 63 — Институт охраны материнства и младенчества... Рядом брошен журнал с данными для стрельбы. Гитлеровские артиллеристы и его не успели прихватить, а может, понимали, что он им уже никогда не пригодится, не достать теперь им целей, по которым били три года.

Вывести свой артиллерийский склад из подвала Константиновского дворца фашисты и давно не успели, но они заранее превратили его в гигантский фугас. Саперы извлекли из подвала 59 снарядов крупного калибра — по 150 миллиметров, несколько тонн артиллерийского пороха в железных ящиках, десятки противотанковых мин...

«Сколько народа могло тут побить! Даже представить страшно. На всех, кто расквартирован поблизости, хватило бы», — думал Егор Сергеевич, подсчитывая запас взрывчатки, извлеченный из дворцового подвала. В это время его и вызвали к командиру батальона.

Через несколько минут Петров со своей командой уже ехал к станции Володарская, туда, где лейтенант Щипунов обнаружил фугас. Он был очень основательно замаскирован, и много людей прошло мимо, а вот острый поморский глаз лейтенанта Щипунова что-то заметил. Впрочем, может быть, и Щипунов прошел бы, но накануне случился взрыв фугаса недалеко от этого места — в поселке Ленина.

Взрыв насторожил минеров. Они тщательно осматривали все в округе, особенно места, наиболее выгодные для минирования. Переезд у станции Володарская был именно таким местом. Щипунов медленно обходил его с бойцами, осторожно ворошил снег... Сперва вытащил какую-то дощечку с остатками надписи на немецком языке.

— Похоже, что эта дощечка от ящика с взрывчаткой, — заметил Щипунов и стал еще настойчивее искать. У дороги под снегом ему бросились в глаза бугорки замерзшей земли, словно выброшенные из какой-то ямы. — А ну-ка, сметите с дороги снег, — приказал Щипунов, — чистенько, под метелку, но осторожно.

Снег смели, и под ним проступили очертания прямоугольной ямы, засыпанной землей. Теперь Петров стоял с командиром батальона над этим прямоугольником, хмуро надвинув ушанку на лоб. В таком же колодце находился фугас, взорвавшийся в поселке Ленина.

Расчет немецких минеров-подрывников был ясен: фугас на переезде, сработав, сразу поднимет на воздух полотно железной дороги, пересекающее его шоссе, уцелевшую линию связи, наделает, в общем, дел. Но какова взрывная система, есть ли механизм замедленного действия? Вот в чем вопрос. И как к этому механизму подобраться? Впрочем, едва ли немцы могли установить механизм в промерзшей земле. Но кто знает, какие еще неожиданности может таить в себе эта ловушка?

Девушки шарили в снегу, осмотрели будку путевого обходчика, залезли в подвал. Они искали провода, которые должны вести к фугасу, но не могли их найти.

Офицеры обсуждали, как подобраться к взрывчатке. Долбить промерзшую землю нельзя. Земля на дороге крепка как камень, а чем

ее размягчишь? Не ждать же весны, когда оттаяет. Костер над фугасом не разведешь и даже электрическим током землю не прогреешь... Все грозит взрывом.

— Надо попробовать другой способ, — сказал командир. — Пришлю я вам сюда кухню полевую.

Егор Сергеевич стоял молча. Потом поправил шапку, лицо его стало вдруг лукаво-веселым.

— Кухню? Это здорово! — Он переглянулся с Щипуновым и, широко улыбаясь, заверил: — Сделаем, товарищ подполковник!

Комбат пошел к машине, а девушки сразу окружили Егора Сергеевича.

— Кухня-то зачем нам, товарищ младший лейтенант? — смешливо спрашивала Валя Родионова, напирая на офицерское звание, которое Петрову присвоили совсем недавно. — Кашеварить будем или чай гонять?

Аня встревоженно смотрела на Петрова. Она и не пробовала уговорить свою сестру — знала, как это трудно, если Валя разошлась. Очень разные были они, сестры Родионовы, — крепкая, бойкая Валя и молчаливая, хрупкая Аня. Пришли в часть вместе, но. Валя была старше, успела поработать на фабрике, наверное, и там своим задиристым характером выделялась. Аня попала в армию после школы. «Просто поверить трудно, что обеих одна мать родила», — думал Петров.

— Довольно время терять, — сказал он, глядя на сестер. — Родионовы, дрова запастись! Обе, Валя и Аня. Рубите на поленья шпалы, вон лежат на путях.

Валя сделала недовольную гримасу. Аня смущенно посмотрела на Егора Сергеевича и пошла за сестрой. А он продолжал отдавать распоряжения:

— Симачева и Белкина! Быстро отправляйтесь к домику, вон там, возле станции, видите, дым из трубы идет?

Узнайте, где у них колодец и как подъехать. Попросите ненадолго ведра, наверное, найдутся. Когда придет кухня, носите к ней воду.

Затем обернулся к остальным:

— Сержант Александрова! Ведите всех на разминирование шоссе. От железной дороги и дальше на Горелово. Противотанковые мины стаскивать в кювет, о ловушках и противопехотных минах сразу

докладывать мне. Одну девушку оставьте здесь связной. Понятно? Выполняйте.

Егор Сергеевич медленно обошел вокруг красных флажков, обозначавших фугас, потыкал в землю коротким офицерским щупом, но щуп не шел — промёрзшая земля была везде как камень.

Кухню доставил пожилой ворчливый солдат Зиновьев на Фрице — крупном рыжем коне со спиной, широкой, как постель. Конь был любимцем девушек, они сами поймали его, брошенного бежавшими немцами на левом берегу Невы, и баловали как могли, даже сахаром угощали, хотя от совсем не густого пайка прежде всего отрывали частицу для своих собак.

— Фриц — симпатяга, — объясняла Тося Симачева. — Даже фашисты не сумели его обозлить. А может, он нарочно от них убежал, не захотел служить Гитлеру? Верно, девчонки?

Егор Сергеевич услышал неторопливую рысцу Фрица и почти сразу же недовольный голос повозочного:

— Тешь тут ващи хвантазии. Ишь чего придумали! Без кухни они не могут мины сымать. Может, еще и ресторан сюды привезть? Известно, глупость. Какие из девок минеры?

Увидев Петрова, Зиновьев объявил:

— Что нужно, говорите скорее. Повар и начпрод приказали быстро возвращаться.

— Ты и давай быстро! Налей полную кухню воды и живо сюда.

Девушки натащали из колодца воды, просмоленные полешки горели хорошо, и кухня скоро загудела. Петров поставил ее за железнодорожным полотном, прикрывавшим от фугаса, но веселое потрескивание и гул доносились до него.

— Передай Александровой, чтобы выставила оцепление, никого не пропускать сюда от Володарки и Стрельны! — приказал он связной.

— Ну, девушки, — обратился Петров к остальным, — будете таскать кипяток ведрами. Попробуем отогреть землю. От кипятка она должна оттаять.

Он остался у фугаса с Щипуновым.

Земля стала отходить не скоро. Несколько раз пробовали снять верхний слой ножом, но грунт был все еще заледеневшим и не поддавался. Девушки, поднося воду, тихо останавливались за спиной Щипунова, глядели на бурое облачко, поднимавшееся от земли. Даже

Валя Родионова присмирела, не подавала реплик и никого не задирала. Только один раз не выдержала:

— Что вы все один делаете? Разрешите и нам снимать землю, слава богу, умеем.

Наконец земля помягчала и стала поддаваться ножу. Щипунов снимал пласт за пластом и отбрасывал в канаву. Обнаружил электрический провод, шедший к фугасу, и перерезал его кусачками. Потом нашелся и второй. Щипунов и Петров изрядно устали. Помощь бы не помешала, но Егор Сергеевич понимал, что самое опасное все же впереди, когда доберутся до взрывчатки. Какие неожиданности ждут там, никто еще сказать не мог. Конечно, опасность была везде. Отделение Александровой совсем недалеко отсюда снимало мины с дороги. А все-таки душа не позволяла Петрову переложить на девичьи плечи и часть риска, с которым была связана работа у этого проклятого фугаса.

— Носите воду, не задерживайтесь. А мы обойдемся сами, — сказал он Вале.

Потом уже и вода не нужна стала. Прошли замерзший слой грунта, а под ним был рыхлый песок.

— Ага, вот и дублер, — довольно заметил Петров, обнаружив гуттаперчевую трубку с бикфордовым шнуром внутри. Трубка проходила на метровой глубине.

Когда ножи скользнули по чему-то твердому и показались ящики с взрывчаткой, устроили перекур. Предстояло самое трудное.

Петров вылез из ямы, огляделся. Отделение Александровой было все еще близко. Девчата смотрели в их сторону и, видно, думали о фугасе больше, чем о минах, которые им надлежало снимать.

Петров подошел к ним:

— Сержант Александрова, почему не выполняете задание? Всем за работу!

Вера вспыхнула:

— Слушаюсь!

А Валя Родионова снова не выдержала:

— Элементы неизвлекаемости есть там?

Это было не любопытство, это была острая тревога. Девушки беспокоились за них, за Щипунова и Петрова. И Егор Сергеевич понимал это.

— Делайте свое дело. Элементов неизвлекаемости пока нет. Закончим — все вам покажем.

Повозочный Зиновьев, ссутулившись, стоял тут же. Он больше не ворчал, с интересом прислушивался к разговору. Петров повернулся к нему:

— А ты со своим конягой задачу выполнил. Можешь ехать. Начпрод с поваром ждут ведь.

Докурил, затоптал окурок и снова полез в яму.

Ящики со взрывчаткой стояли рядами один на другом, но трогать их было нельзя. Кто поручится, что от ящика к взрывателю не тянется проволочка — элемент неизвлекаемости, о котором спрашивала Валя? Тронешь — и произойдет взрыв. Осторожно сняли с верхних ящиков крышки. Внутри лежали тротилловые шашки по 200 и 400 граммов, желтоватые, похожие на куски мыла. «Прекрасно сохранились, — подумал Петров. — Еще пойдут в дело». Но и шашки нельзя было сразу вынимать. Каждую нужно осмотреть со всех сторон, тихонько подсунуть под нее ножик — нет ли проволочки там? Каждую! А пока дошли до нижнего слоя, вынули уже 500 штук. Нервы были напряжены, все внимание сосредоточено на шашках, таких аккуратных и привлекательных с виду.

Сменившись, Петров встал поодаль от ямы, где теперь работал Шипунов. Из-за поворота дороги появился человек. «Где же оцепление, почему пропускают посторонних?» — обеспокоенно подумал Егор Сергеевич. Но это был не посторонний, а командир роты. Не одни девушки беспокоились, хотели знать, как идет дело с трудным фугасом.

— Что там у вас?

Петров рассказал, и комроты пошел к котловану тихонько, однотонно посвистывая сквозь зубы. (Была у него такая привычка, за нее, случалось, товарищи ругали: «Хоть бы мелодию какую высвистывал, а то шипишь, точно пар выпускаешь из крана».)

Комроты шел к котловану, а оттуда вдруг выскочил Щипунов. Лицо его было бледным. Он с секунду к чему-то прислушивался.

— Это вы, товарищ старший лейтенант? Вы свистите? — с облегчением вздохнул он.

— А ты что, против?

— Мне показалось, в яме шипит, думал — бикфордов шнур загорелся...

С бикфордовым шнуром все обошлось благополучно. Конец зажигательной трубки нашли в шашке самого нижнего слоя. Там же стояли электрические детонаторы и взрыватель. Их вынули. Теперь можно было свободно вздохнуть.

— Куда все же вели электрические провода, где их выход? — сказал с недоумением Щипунов.

— Не знаю, — пожал плечами Петров. — Искать времени нет. Да пускай они хоть в самый Берлин тянутся, к Гитлеру лично. Зря он будет там крутить машинку. Фугас-то мы разобрали! Тю-тю, как говорят, ауфвидерзейн.

Щипунов удивленно посмотрел на Петрова. Такого легкомысленного тона от него он никогда не слышал. Но кажется, так, как сегодня, они еще никогда не уставали.

— Снять оцепление! — приказал Егор Сергеевич. К котловану спешили девушки, они весело болтали, сыпали вопросами — уже откуда-то узнали, что работа окончена. Теперь надо было все им рассказать и показать.

ТИХАЯ ВАЛЯ

Валя Корнеева была мало приметна в команде. Высокая, неторопливая, с бледным лицом, которое лишь изредка красила улыбка, она говорила негромким голосом, рассудительно, спокойно и только тогда, когда действительно надо было что-то сообщить. На других, случалось, нападала болтливость — от радости, от перенесенного испуга, от хорошего настроения, появившегося неизвестно почему, а Валя всегда была немногословна. И смеялась она тоже редко и негромко.

Тихую Валью любили в команде, девушки охотно делились с ней своими переживаниями, доверяли сердечные секреты. Она слушала внимательно и сочувственно, не прерывая излияния подруг. Были ли у нее тоже сердечные тайны? Об этом ничего не знали.

Стоило девичьей команде появиться на новом участке фронта, и весть об этом немедленно разносилась по частям, расположенным вокруг. Егору Сергеевичу хватало забот. Нужно было держать на расстоянии тех, кто очень уж лез на глаза, стараясь любым способом познакомиться с девушками. Молодость везде остается молодостью, и на войне, бывало, в огне и крови, ее голос зазвучит вдруг особенно громко. Не во власти старшины было запретить любовь. Она возникала и там, на передовой, и не одна девушка потом пронесла эту любовь через всю свою жизнь. Егор Сергеевич не был ханжой, но он всегда помнил, что служба есть служба и дисциплина остается дисциплиной. О них командир не может забывать.

Впрочем, и в этом отношении Валя Корнеева не причиняла ему беспокойства. Солдат и молодых офицеров, не упускавших случая повертеться около девушек, — всегда хватало. Но Валью они не вызывали на свидания, ей не писали любовных писем. Она была

недурна собой, только ее привлекательность не бросалась в глаза, а держалась Валя так, что ей легко дарили дружбу, но завязать фронтовой роман не пытались. А все, чего требовала служба, Валя выполняла точно и умело.

Она не числилась в первых, как, скажем, Рита Меньшагина, которая действительно лучше всех умела учить собак и обращаться с ними, или Вера Александрова — отличный сержант и минер, душа и заводила команды. Но когда начинали подсчитывать сделанное, неизменно оказывалось, что тихая Валя выполнила свои задания лучше, чем многие. Так было и на Неве, когда они вывозили раненых на собачьих упряжках. Говорили о Валиной работе мало, у нее не было особенных происшествий, но по числу раненых, доставленных с поля боя на медицинский пункт, она превзошла большинство девушек. Валу наградили тогда боевой медалью, и это не вызывало разговоров и пересудов. Все понимали — она заслужила. И также все сочли естественным и справедливым, когда Валу наградили орденом Красной Звезды за работу на минных полях. Валя показала себя очень хорошим минером.

Собака у нее была тихая, под стать хозяйке. Чем-то Шарик напоминал русскую гончую. С его вытянутой небольшой головы свисали лохматые длинные уши, темно-карие глаза смотрели живо и умно. Масть его была пестрой — черные, желтые, белые пятна на короткой плотной шерсти.

Это был ласковый пес. Он не рычал на незнакомых людей, когда с ним заговаривали, глядел внимательным взглядом и вертел хвостом. Он мог постоять за себя, но первым драку обычно не начинал.

К хозяйке Шарик был очень привязан и понимал ее с полуслова. Во время работы Валя вела с ним неторопливую, тихую беседу. Пес отвечал Вале взглядом, движениями, иногда даже хитровато подмигивал, давая понять, что слышит хозяйку и сделает то, что приказано. Почуввав взрывчатку, Шарик спешил уведомить Валу: оборачивался и ритмично помахивал хвостом. Валя сразу замечала его сигналы:

— Нашел, что ли? Тогда садись.

И Шарик садился возле обнаруженной мины, терпеливо ожидая награды. Хотя садиться было не всегда приятно. Как-то они работали на болоте. Стояла уже глубокая осень, и между кочек выступала

ледяная вода. Нужно было обладать поистине необыкновенным чутьем, чтобы в этой сырости учуять мину, но Шарик учуял. И остановился возле нее в нерешительности, крутил хвостом, вопросительно глядел на хозяйку.

— Холодной воды боишься, неженка? — укоризненно проговорила Валя. — Хвостик замочить страшно, а на воздух взлететь не хочешь? Ну, садись как положено!

Шарик сел возле кочки, прямо в воду. Валя подошла к нему, работая щупом. Она обнаружила мину под дерном и обозначила ее красным флажком. Потом старательно обтерла мокрозадого пса полкой шинели и сунула ему в пасть лакомство:

— Глотай, заслужил, молодчина.

Должно быть, потому, что Валя редко рассказывала о своей работе, о находках Шарика, ее собака довольно долго числилась в посредственных. Другие девушки, едва придя с минного поля, спешили поделиться с подругами: «Ах, девчонки, что у меня сегодня было!..» Валя слушала эти рассказы и молчала, хотя порой могла сообщить девушкам и кое-что более интересное. Но ей все сделанное самой казалось уже простым и обыкновенным.

Все-таки иногда — так уж получалось — подруги, командиры да и посторонние становились свидетелями того, как она с Шариком работала. Потому и репутация ее собаки постепенно росла.

Как-то выходило, что это именно заслуга Шарика, если они с Валею нашли особенно хитро упрятанный фугас, — Шарик же привел к нему! Только Егор Сергеевич замечал иногда:

— Шарик — орел, ничего не скажешь, но собаку же надо заставить работать. У Вали он молодец, а каким у другой был бы, еще неизвестно.

В деревне Туганицы на Валию прикрикнул было молодой лейтенант, командир взвода: мол, очень она со своим Шариком возится, а тот всех с толку сбивает. Но оказалось, упрекал он ее зря.

День был холодный, солдаты, занявшие деревню, замерзли, хотелось немного отдохнуть, обогреться, но немцы уничтожили все строения. Только один дом стоял почти неповрежденным. К нему и стекались люди. Входить внутрь не разрешалось, пока не появится надпись: «Проверено, мин нет». За этим следили строго.

Проверить дом послали Валью. Шарик весело побежал с ней. Он был деревенской собакой, чуюл кругом родные запахи, которых ему очень, видно, не доставало в части. В доме жадно обнюхивал каждый угол, каждый предмет. Обнюхал крышку подполья, обнюхал скамейку, отскочил и закружился по избе.

— Ищи, Шарик!

Пес подошел к широкой круглой печке и остановился. Валя услышала его старательный сап.

— Ну, что там?

Шарик довольно поглядел на девушку и сел возле печки.

Валя осмотрела печь — заглянула в топку, в дымоход, слезила наверх. Ни в топке, ни в трубе, ни наверху ничего не было.

Вышла из дома и пустила Шарика снова. Тогда-то на нее и прикрикнул молодой лейтенант. Ему было приказано быстрее осмотреть деревню, он торопился.

А Шарик вбежал в избу и сразу стал тыкать мордой в топку печи, затем уселся, словно говоря всем своим видом: «Это здесь то, что мы ищем, и пока не достанете, пока не дадите мне лакомства, я отсюда не уйду».

— Выстукай печку, нет ли пустот? — приказал лейтенант.

Пустот не было. Лейтенант пожал плечами:

— Путаает этот Шарик, дурная собака.

Валя молча скинула шинель, закатала рукава и полезла в топку. Осторожно сгребла холодные угли и золу, стала ощупывать под.

— Тут, — сказала она глуховатым голосом. — Тут они!

Две мины, большие, как тарелки, стояли на месте аккуратно вынутых кирпичей. Валя достала их и удивилась:

— Взрывателей-то нет! Странно...

— В этом-то как раз ничего странного нет, — заметил командир взвода. — Отверстия к детонаторам открыты, видишь? Фриц как рассчитал? Придут наши солдаты или местные жители вернутся. Холодно. Сразу затопят печку, ну, искры попадут в мины — и все полетит к черту. Две противотанковые — это сила. Ты Шарику-то дала чего-нибудь вкусного? — спросил он уже другим тоном.

— Видите, облизывается.

Она вышла из дома и написала на стене: «Мин нет. В. К. 9.2.44», потому что было это 9 февраля 1944 года.

Но настоящая известность пришла к Шарику все же позднее, уже в Луге.

В деревне около Луги Валя осматривала большую колхозную конюшню. Там было пусто, лошади давно здесь не стояли. На полу бугрился старый, плотно слежавшийся навоз. На нем уже не было видно ни одного следа конских копыт. Ветер намел много снега через щели дверей. Делать тут вроде было нечего. Все-таки Валя пустила Шарика внутрь. Пес шел сперва медленно, без интереса, потом насторожился и побежал к яслям у правой стены. Подпрыгнул, встал передними лапами на край яслей, затем уселся на землю.

Валя удивилась — зачем тут взрывчатка? Но Шарику она верила, а весь его вид говорил: «Я нашел». И она стала осторожно осматривать конюшню, медленно приближаясь к собаке. Ничего подозрительного не было видно. Только подойдя к Шарику почти вплотную, Валя заметила тоненькую проволочку, тянувшуюся из яслей к иолу и затем над самым полом поперек помещения. В полутемной конюшне ее очень трудно было увидеть. Но Валя хорошо знала, что значит такая проволочка. Заглянула внутрь яслей. Присыпанные сверху трухлявым сеном, там лежали три противотанковые мины, ждали, пока кто-нибудь заденет оттяжку. Хорошо, что деревня была еще почти пуста. Население, ушедшее в лес от немцев, только начинало возвращаться. А то любопытные мальчишки наверняка бы обследовали старую конюшню и не ушли бы из нее.

Валя перерезала оттяжку и отправилась докладывать Петрову. Нашла его в избе неподалеку. Там было уже несколько деревенских женщин, пришедших из леса. Они с изумлением глядели на высокую, ладную девушку-солдата, на ее собаку, сумевшую, оказывается, разгадать коварство фрицев, которое и человеку понять трудно.

— Ах ты господи, чудеса-то какие, — твердила хозяйка избы. — И угостить вас, родненьких, нечем.

Она достала из мешка темную картофельную лепешку и неуверенно протянула Шарику:

— Может, и не захочет он, такой ученый пес?

Но Шарик вопросительно взглянул на Валью, прочел в ее глазах разрешение и неторопливо взял лепешку. Он не был голоден, но чувствовал в голосе женщины радушие, ласку, а запах темной лепешки был все-таки приятен, и Шарик медленно сжевал угощение.

А в самой Луге им пришлось работать «при большом стечении публики», как говорил Егор Сергеевич. Вообще-то публике при работе минера присутствовать не положено, но тут уж так получилось. На пустыре только что освобожденного города солдаты обнаружили огромный штабель прессованного сена. Основным видом транспорта в частях был автомобиль, но повсюду имелись и лошади, и корма для них на фронте не хватало. Откуда могли взять сено в блокированном еще недавно Ленинграде? Сено везли издалека, с Большой земли. А тут огромный штабель, трофейный... Фуражиры нетерпеливо поглядывали на него. Подходить к штабелю было нельзя, пока не проверят минеры. Может быть, кто и пренебрег бы в нетерпении этим правилом, но в Луге было очень много мин, произошло уже несколько взрывов, и это заставило соблюдать осторожность. Фуражиры просили минеров: «Проверьте скорее, лошадей же кормить надо». Командир послал Валю.

Перетянутые железной проволокой аккуратные кипы сена лежали в штабеле плотно одна к другой, как кирпичи в стене. Валя с Шариком обходила штабель. Фуражиры глядели на них издалека. Ничего подозрительного Валя не обнаружила. Шарик тоже относился к штабелю равнодушно, обежал его, ни разу не выказав ни малейшего желания присесть.

— Нет тут мин, — проговорила Валя и уж просто из педантичности решила еще разок обойти штабель — не вплотную, а поодаль, чтобы проверить и пустырь. Она сделала несколько шагов и вдруг почувствовала, что Шарик настойчиво тянет ее в сторону, к кипе сена, лежавшей на снегу. Кипа была там только одна. Ее, видно, сняли, но не успели увезти.

Валя спустила Шарика с поводка. Пес подбежал к кипе и сразу сел.

— Назад! Не подходить близко! — крикнула Валя фуражирам, которые уже устремились к сену.

Впрочем, сама она сомневалась. Какому дураку пришло в голову минировать отдельную кипу, когда тут огромный штабель: мимо него ведь наверняка не пройдут. Но мина в кипе все же нашлась. Видно, немецкий подрывник считал, что кипа привлечет внимание солдат в первую очередь. Большой штабель может вызвать сомнение, а кипу, брошенную в сторонке, возьмут. И подорвутся.

Едва Валя извлекла мину, фуражиры занялись своим делом. Подгоняли к штабелю подводы, грузили сено, торопились. Но каждому хотелось выразить свое удивление.

— Ну и собачка у тебя, сестренка! С такой собачкой самого Гитлера можно достать из норы.

Валя молча слушала их похвалы. Она позволила солдатам угостить Шарика сахаром.

Будь Валя разговорчивее, она бы рассказала, наверное, много подобных историй, но и без того ей стали поручать все более трудную работу. О ней и о Шарике вспомнил командир роты Хижняк, когда к нему прибежал взволнованный младший лейтенант в Усть Нарве. Это было уже летом сорок четвертого, в жаркий день. Девушки только что пришли с задания, устали и мечтали выкупаться в тихой воде залива, они хорошо поработали перед тем. А младший лейтенант требовал минеров немедленно!

Накануне в Усть-Нарве взлетел на воздух дом, где размещалось одно из армейских подразделений. Две недели прожили в нем, и вдруг сработала мина замедленного действия. Те, кто в свое время осматривал дом, не смогли ее обнаружить.

— В землянке, которую занимает мой начальник, тоже стоит мина. Вроде той, что взорвалась.

— Откуда вам это известно? — поинтересовался Хижняк.

— Мой начальник слышит тиканье часов, — доложил младший лейтенант.

— Ваш начальник слышит, а саперы не слышали? Ведь, наверное, землянку проверяли, прежде чем туда въехал начальник?

— Проверяли, да ведь и тот дом тоже... А тиканье не все время слышно, по ночам только.

Младший лейтенант нервничал.

— Начальник на передовую уехал, вот и надо проверить землянку, пока его нет.

Хижняк был опытным минером, много повидал за время войны. То, что рассказывал младший лейтенант, показалось ему не очень убедительным. Чтобы часовой механизм работал так долго, чтобы саперы, обследовавшие землянку, не смогли в свое время его найти — все это представлялось командиру роты маловероятным. Землянка — не дом, ее проверить легче.

— У вас свои саперы есть, пусть еще раз проверят, если начальство требует. У нас и так работы неупорядок, — сказал он.

Но избавиться от младшего лейтенанта было не так просто.

— Наши же не нашли, а вы специалисты, фронтовая часть. У вас и техника лучше, и даже собаки есть. Начальник приказал вас позвать. Что я ему доложу?

Он все время поглядывал на часы.

— А, хай вам!.. — Хижняк махнул рукой. — Рядовую Корнееву ко мне! И ефрейтора Кармаиова, — сказал он ординарцу.

Скоро Валя и ефрейтор Карманов были уже около землянки начальника.

— Девчата, значит, купаются, а ты вкалываешь? — ворчал ефрейтор.

Валя молчала. Послали, — значит, надо работать.

Они обошли землянку кругом, все осмотрели — покрытие, бревенчатый накат... Ничего подозрительного. Спустились в землянку. Все там было сделано основательно. Стены обшиты толстыми строгаными досками, удобная кровать, стол, стулья. Валя и Карманов осмотрели, выстукали стены, прослушали саперным стетоскопом. Никакого результата. И Шарик, которому Валя верила больше, чем приборам, ни к чему в землянке не проявлял интереса. Обнюхал и улегся, позевывая, на полу. Он явно не чуял запаха взрывчатки.

— Давай посидим, — сказала Валя, — может, услышим, что там тикает.

Вернулся и начальник, узнал, что в его землянке минеры, и устроился в соседней. У него было много дел. Велел накормить Валью и Карманова ужином, послал им с ординарцем печенья и конфет. Валя с удовольствием ела сладости — солдатский паек не балует ими — и угощала изредка Шарика.

Было уже близко к полуночи. Стало очень тихо. Снаружи не доносилось никаких голосов. Умолкла и артиллерия. Карманов с трудом преодолевал сон. Думал о доме, почему давно нет писем?

Вдруг Валя встала и тихонечко, на цыпочках, пошла в противоположный угол землянки.

— Что там?

Валя прижала палец к губам. Потом подозвала Карманова жестом:

— Слушай...

Ефрейтор повернулся ухом к стене и затаил дыхание.

Да, там тикало — негромко и ритмично: «тик-так, тик-так». Тиканье обрывалось, потом слышалось снова.

Наконец Валя выпрямилась. Ее лицо стало лукаво-веселым, и Карманов узнал, что эта тихая девушка умеет смеяться — заразительно и звонко.

Она постучала пальцем в стену, и тиканье сразу прекратилось, потом началось снова. Так несколько раз. Стоило Вале ударить костяшками пальцев в стену — и «адская машина» переставала действовать.

— Это же сверчок, — проговорила Валя, — самый обыкновенный, домашний. С ним уютнее даже.

Она вышла из землянки, позвала младшего лейтенанта:

— В общем, мы отправились, а ваш начальник может спать спокойно. Сверчок вреда не причинит.

Работая с Шариком, Валя привыкла выслушивать похвалы собаке.

— Умная, — повторяли солдаты, — все понимает, только говорить не может.

Валя смотрела в живые, преданные глаза Шарика, улыбалась:

— Пока не говорит, но я его и говорить научу. После войны, когда времени будет побольше.

Она не собиралась расставаться с Шариком и после войны. Конечно, девушек демобилизуют, вернутся солдаты к семьям, да и собаки, наверное, станут в армии не нужны. Возьмет Валя своего Шарика и поедет с ним домой...

Девичью команду снова перебросили к Ленинграду. Фронт уходил все дальше, в Прибалтику, а вокруг города еще оставалось множество минных полей, широкие полосы начиненной смертью земли охватывали его со всех сторон.

Мины, пролежавшие три-четыре года в земле, не стали безобиднее, наоборот, чем больше действовали на них погода и время, тем большей опасностью грозили они тем, кто к ним прикоснется.

Разные были мины на этих полях. Во время блокады пришлось пользоваться всякими материалами, которые находились под руками. Не хватало стали, и оболочки мин изготавливали часто из сырых досок или из фанеры. Называли эти мины «гробиками» не только потому, что

они напоминали своей формой гроб. Их снаряжали гризутином за неимением тола. А гризутин — один из видов динамита — взрывался очень легко, особенно если его прихватывало легким морозом.

Такие мины оказались на участке, который разминировала Валя. Она работала одна, Шарик остался в части — на разведанном поле он был не нужен. Уже много было выставлено флажков, они обозначали найденные мины, которые следовало подорвать в конце дня. Валя в очередной раз воткнула щуп в землю. Он вошел почти свободно, лишь чуть зацепившись за что-то. Металлический стержень проткнул насквозь сгнившую деревянную оболочку противотанковой мины, но внимательная и опытная Валя все-таки почувствовала это легкое царапанье и поняла: там может быть взрывчатка.

Решила проверить подозрительное место. Нагнулась и стала снимать ножом дерн. Она делала это осторожно и аккуратно, только гризутин в мине стал очень уж чувствительным. Хватило едва заметного сотрясения, чтобы он взорвался. Взрыв был сильный — мину ведь рассчитали не для человека, а для танка, покрытого стальной броней...

Валю похоронили в родном городе, на воинском кладбище в Московском районе. Глотая слезы, девушки дали салют над свежей могилой, они клялись, что никогда не забудут подругу.

Шарика на кладбище не было. Он не видел Валю мертвой, сидел в вольере, но вел себя беспокойно, как никогда. Его просто было не узнать. Шарик метался по узкому огороженному пространству, тревожно лаял или горестно подвывал, словно плакал. Может быть, он скучал, а может, чувствовал, что произошло несчастье...

МИШКА-СМЕРТНИК

По правде говоря, кличка Мишка-Смертник собаке совершенно не шла. Собака была веселая и живая, немножечко неуклюжая и порой дурашливая, как щенок. Она и в самом деле не далеко ушла от щенячьего возраста — попала в часть, когда ей было года полтора, не больше. Но в списках она значилась под двойным именем: Мишка-Смертник — и этим отличалась от всех других Мишек.

— За что так мрачно прозвали эту веселую животину? — часто спрашивали Мишкину хозяйку Валю Глазунову.

— Тут целая история... Ольгу Дмитриевну Кошкину спросить надо. Она так прозвала, — отвечала девушка. Потом добавляла, видимо движимая чувством справедливости: — Он и правда был смертником. Ольга Дмитриевна его от смерти увела.

Мишку доставили в часть с Большой земли. Весной 1943 года по новой железной дороге, проложенной вдоль Ладожского озера в узком, отбитом у врага коридоре, отправилась из Ленинграда за собаками небольшая команда «ремонтеров». В блокированном Ленинграде ни одной собаки уже давно нельзя было найти, а батальону, готовившему четвероногих для миннорозыскной службы, их нужно было много. В командировку поехали офицер Штиглиц и сержант Кошкина — старые, опытные собаководы. Задача, казавшаяся очень простой в Ленинграде, доставила им на Большой земле много хлопот. Штиглиц и Кошкина побывали в разных городах, деревнях и поселках Ленинградской, Вологодской и Кировской областей. Везде их встречали хорошо, хотя и несколько удивленно: «Люди на войну идут, это понятно, а собаки зачем?» Но после короткого разговора охотно

брались помочь. Солдатские жены приводили собак сами и отказывались от всякого возмещения.

— Хозяин наш охотник был, — объясняла одна женщина, приведшая небольшую, но умную и хорошо выдрессированную лайку, — с псом ходил белковать. Огурчик, бывало, ни одной белки не упустит. Нет уж у нас хозяина, фашист убил. Пускай теперь Огурчик идет на войну, может, и будет от него польза. Охотиться у нас теперь некому.

Все-таки набрать нужное количество собак, отвечающих армейским требованиям, оказалось трудно. Не каждый пес годился. Ольга Дмитриевна Кошкина, настойчивая и неугомонная, ходила по дворам, расспрашивала ребят и взрослых. В одном городке узнала, что там усердствуют собачники с утильзавода — ловят бродячих псов, иной раз и со двора уведут. Ольга Дмитриевна отправилась на утильзавод. Спустилась в низкий, вонючий подвал. Там сидело несколько собак, привязанных короткими цепями к стене. Одна из них — крупная, с густой бурой шерстью — понуро лежала на земле и встретила Кошкину тоскливым, горестным взглядом. Она точно предчувствовала ожидавшую ее судьбу.

— Эх ты, бедолага, как тебя занесло в такое место? — ласково заговорила с собакой Ольга Дмитриевна.

А «занесло» просто. Пес бегал беззаботно по улицам, и хромым старик в плохо пахнущем полушубке и огромных валенках, обклеенных снизу красной резиной, подманил его куском хлеба. Пес доверчиво подошел, и тугая петля стянула его шею. Охваченный ужасом, задыхающийся, он оказался в темном ящике, где сидело еще несколько полузадушенных собак. А темный ящик уже катился дальше по дороге. Хромым старик грубо кричал, понукая запряженную в сани лошаденку.

Сейчас старик стоял тут же, в подвале, но пес услышал ласковый, спокойный голос женщины в солдатской форме. Он поднял голову и умоляюще посмотрел на женщину, словно говоря: «Вызволь меня из этого страшного места, я готов тебе служить верой и правдой».

Ольга Дмитриевна подошла к псу, продолжая нашептывать ласковые слова, посмотрела его зубы:

— Да ты же совсем молодой, бедолага!

Ее сердце дрогнуло от умоляющего собачьего взгляда.

— Этого пса мы возьмем для армии, — сказала она.

— А мы его и сами для армии подобрали, — возразил старик. — Сдерем шкуру, на унты пойдет. Очень даже прекрасные будут унты. Какой-нибудь летчик спасибо скажет.

— Не пойдет он на унты. Забираем на фронт, — твердо ответила Кошкина. Она отвязала пса от стены и взяла за поводок.

— У меня, поди, тоже свой план есть, — ворчал старик, но препятствовать Кошкиной не стал: ее фронтовые сержантские погоны внушали уважение.

Труднее было договориться с Штиглицем. Едва взглянув на приобретение Ольги Дмитриевны, Штиглиц передернул плечами. А пес глядел на него весело и озорно, он уже забыл о хромом старике, он чувствовал себя в безопасности рядом с женщиной, которая держала его твердой, но доброй рукой, не дергала поводок, не делала ему больно и говорила по дороге какие-то не совсем понятные, но хорошие слова.

— Как же тебя зовут? — спрашивала Ольга Дмитриевна собаку. — Ведь надо же знать твое имя, смертник ты несчастный...

— Вы что, серьезно хотите везти в Ленинград этого помойника? — набросился Штиглиц. — В нем же ничего нет, кроме блох, ни грамма породы! Дворянча в самом законченном виде. Кто станет такую скотину дрессировать, кто будет тратить на него корм и время? Я бы хотел посмотреть на подполковника, когда вы продемонстрируете ему это «дворянское» отродье.

— Ну и что из того, что он дворянча, — возражала Кошкина. — Вы на его глаза взгляните, умница же, отличная выйдет миннорозыскная собака.

Они спорили долго, пока Штиглиц не махнул рукой. Он знал упорство Ольги Дмитриевны да и верил ее знанию собак, а судьба пса, спасенного с живодерни, тронула и его.

— Как вы его зовете? Смертник? Ничего себе кличка, — ворчал Штиглиц, уже уступая.

Под этой кличкой пса и занесли в список. Что его зовут Мишкой, Ольга Дмитриевна узнала немного позже — прошла с ним по улице, там, конечно, повстречались мальчишки, знавшие Смертника-Мишку. Они рассказали, что хозяева Мишки куда-то уехали из города, а пса не взяли с собой, вот он и остался бездомным, кормился как мог. А

Мишка он потому, что очень похож на медведя и своей шерстью, и мордой, и походкой.

— Так и будем звать тебя Мишка-Смертник, — сказала Ольга Дмитриевна псу...

Шутки по поводу «дворянского происхождения» Мишки продолжались и в части. Валя Глазунова, когда ей дали эту собаку, пошла к Егору Сергеевичу жаловаться:

— У других овчарки, эрдели, гончие, а у меня самая что ни на есть дворняга. За что мне хуже всех?

Маленькая, круглая, она стояла перед командиром, шмыгала носом и вытирала слезы, то и дело набегавшие на ее светлые голубые глаза.

Петров даже растерялся:

— Ты же его не на выставку поведешь, на минное поле, а миннорозыскной собакой он будет хорошей.

Выручила Рита Меньшагина, оказавшаяся при этом разговоре. Она сказала, что занималась уже со Смертником и, по ее мнению, это на редкость сообразительный и симпатичный пес.

— Ты не нарадуешься на него.

Глазунова перестала плакать. Во всем, что касалось собак, Меньшагина была для девушек непререкаемым авторитетом. Как-никак она учила собак с детства.

Мишка оказался из тех псов, о которых инструкторы говорили, что они даже слишком сообразительные. На учебном поле он быстро заметил, что места, где стоят мины, пахнут свежей землей — мины там выставлялись перед занятиями. Запах земли был Мишке давно знаком и мил. Он и шел на этот запах — быстро и уверенно, совершенно не принюхиваясь к взрывчатке. Пришлось для него вырабатывать особую методику обучения. Мины стали закапывать в землю вперемешку со всякими железками и деревяшками. Тут уж пес не мог хитрить: земля везде пахла одинаково, но если он подходил к лунке, где была взрывчатка, Глазунова радостно хвалила его:

— Хорошо, правильно, Мишка, дурачок ты мой.

Она протягивала ему кусочек сушеной конины, а Мишка, почувствовав, что хозяйка довольна, приходил в щенячий восторг, начинал кружиться около Глазуновой, бросался лизать ее, так что едва не сбивал с ног.

Если же пес останавливался у ямки, где было закопано что-то другое, Глазунова расстраивалась, ее голос звучал сердито, недовольно, и Мишка сразу понимал, что провинился. Он опускал хвост, посматривал на девушку грустно, словно моля о прощении. Он хорошо чувствовал настроение хозяйки и очень не любил, когда она сердилась. Да, кроме того, знал, что, если хозяйка недовольна, угощения не жди, а он был лакомкой.

Глазунова уже не сомневалась в своей собаке — Мишка хорошо работал на учебных полях. Все же разговоры о его хитрости дошли и до командира батальона. Приехав в команду, подполковник решил сам проверить собаку. Можно сказать, было сделано все, чтобы обеспечить «чистоту» опыта. Комбат никого не предупредил о своем замысле. Он просто приказал вскрыть новый ящик с толом. Пошел к ручью, тщательно вымыл руки, потом взял из ящика двумя пальцами одну шашку и забросил в траву у дороги. Шашка не должна была хранить запаха человека, но которому могла бы ориентироваться собака, а трава у дороги, истоптанная ногами солдат, напротив, пахла сильно, да к ее запаху примешивались и другие — от раздавленных сапогами гусениц, букашек и от самих сапог. Почуять тут взрывчатку было трудно, по собак к работе в легких условиях и не готовили.

Когда посыльная, запыхавшись, прибежала за Валею Глазуновой, та чистила вольер. Мишка кружился на зеленой площадке, то подскакивая к девушке, то отбегая прочь. Ему хотелось играть. Глазунова ласково оглаживала его и отгоняла: «Не мешай!»

Мишку давно не держали, как других собак, на привязи. Отказались от этого потому, что он все равно с непостижимой ловкостью вылезал из толстого кожаного ошейника, перерезал острыми зубами, как бритвой, прочный сыромятный поводок, едва хозяйка отходила подальше. Удержать его могли только строгий стальной ошейник с острыми, впивающимися в тело шипами да железная цепь. Но Глазунова убедилась, что Мишка, освободившись от привязи, далеко не уходит — бегаёт и скачет возле вольера, драк не затевает. Она попросила разрешения держать собаку свободно. И не было случая, чтобы Смертник не прибежал на ее зов, опоздал к выходу на занятия или к очередной кормежке. Нет, уж кормежки-то он всегда дожидался на месте. Бывало, правда, что, проглотив свою порцию, он начинал проявлять любопытство к бачкам соседей. Другие собаки —

постарше и посолиднев — не обращали на него внимания или отгоняли без злобы. «Чего, мол, спрашивать с этого дурачка, молодозелено». Но строгий Марс — крупная овчарка с черным чепраком на спине — как-то задал не в меру любопытному псу жестокую трепку. Мишка усвоил урок и больше в чужие бачки не лез.

— Глазунова, к командиру батальона. С собакой! — вызвала посыльная.

— Зачем? — встревоженно спросила Глазунова.

Посыльная и сама не знала. Но раз вызывает начальство, надо торопиться. Девушка быстро вытерла руки, одернула гимнастерку и взяла собаку на поводок:

— Побежали!

— Товарищ майор, рядовая Глазунова по вашему приказанию...

Она докладывала прерывающимся голосом — от бега и от волнения.

— Ищите взрывчатку возле дороги.

Глазунова недоуменно взглянула на командира: чего уж тут искать — все исхожено, истоптано.

— Ищите, пустите собаку, — повторил майор.

И Глазунова послала Мишку. Офицеры, окружавшие командира батальона тесной группой, пристально смотрели на собаку, а та оглянулась на Валу словно бы с заговорщицкой усмешкой: не бойся, не подведу. И пошла, прочерчивая зигзагами травянистую полянку у дороги — вправо, влево и вперед. Разнообразные густые запахи ударили в ноздри, но Мишка был к ним безразличен, он уже знал: на запахи земли, травы, на запахи людей реагировать не надо. Он шел спокойно и ровно, пока не почуял тол. Тогда его движения стали медленнее и осторожнее, он несколько раз поглядел на хозяйку, но та не могла ему помочь, она сама ничего не знала. Наконец Мишка подошел к толовой шашке вплотную, обнюхал ее и сел, повернув морду к хозяйке.

Глазунова подбежала к нему, осторожно раздвинула руками траву. Желтая шашка лежала, подмяв сочный кустик.

— Тол, — растерянно проговорила Глазунова. — Откуда тут может быть тол?

В группе, окружавшей майора, оживленно заговорили, засмеялись. Валя ласково погладила собаку и полезла в карман, ища

лакомство.

Она уже не стыдилась больше своего «дворянина», все крепче привязывалась к веселому псу, и когда Мишка пропал, это было для Вали Глазуновой настоящим горем.

Все произошло неожиданно в тот трудный и памятный день, когда они вышли с собаками на минное поле — уже не учебное, а настоящее широкое зеленое поле, усеянное противопехотными минами.

С утра они погрузились на машину и долго ехали по городским улицам, затем по дорогам среди заросших, заброшенных пашен. Гул войны, такой обычный в Ленинграде той поры, был здесь отчетливее и громче. Мишка вздрагивал от разрывов, шерсть на его хребте поднималась.

— Что ты, Мишка, что ты, дурачок мой, — говорила девушка, поглаживая пса, и он успокаивался от ее ласкового голоса и прикосновения руки.

Они основательно потрудились в тот первый день. Мишка нервничал временами — все из-за близкой стрельбы, а может, и оттого еще, что чувствовал волнение хозяйки. Но работу свою он выполнял. К концу дня флажки, воткнутые возле найденных мин, протянулись длинными и частыми рядами.

Под вечер собак увели в укрытие — за насыпь противотанкового рва — и крепко привязали к вбитым в землю кольям.

— Лежать, лежать! — настойчиво и требовательно приказывала Валя. — Надеюсь, ты не станешь вылезать из ошейника.

— «Жди меня, и я вернусь», — шутливо пропела одна из девушек, привязывавшая свою собаку рядом.

— Вот, вот, — сказала Глазунова. — Жди!

Казалось, Мишка понял ее. Он улегся на землю и даже задремал, тихонько сопел и тоненько поскуливал. Он не собирался нарушать приказание хозяйки, но очень испугался грохочущих взрывов, разбудивших его. Они раздались совсем близко, рядом. Земля дрожала, одна за другой следовали багровые вспышки, что-то свистело, разрезая воздух. Откуда было знать Мишке, что это его хозяйка и другие знакомые ему девушки-солдаты подрывают найденные днем мины?

Взрывы раздались так неожиданно, а прежняя еще не забытая Мишкой бродячая жизнь сделала его пугливым. Бездомную собаку

всегда могли обидеть, ни с того ни с сего ударить, посадить в темный ящик. Единственным спасением для нее было бегство.

И старая привычка сработала в этот момент. Мишка дернулся из всех сил, оборвал кожаный поводок и бросился бежать. Он бежал по полям, не разбирая дороги, лишь бы подальше от этих страшных мест. Он прыгал через канавы, взлетал на пригорки, задыхался от усталости, язык вывалился из его пасти. Мишка никак не мог остановиться.

А Глазунова, закончившая подрыв мин, стояла в растерянности над колышком с обрывком поводка и только твердила:

— Как же так? Я ведь ему приказала лежать тут, на месте...

— Вернется твой Мишка, он же никогда далеко не уходит, — утешали ее девушки.

Но Мишка не возвращался. Пришлось уехать без него. Он не приходил и в следующие дни. Валя ездила на разминирование, но не работала — без Мишки ее не допускали.

— Не найдется твой «дворянин», подберем другую собаку, — утешал Егор Сергеевич.

— Все равно такого, как Мишка, уже не будет, — говорила Глазунова. Голос ее звучал так горестно, что Егор Сергеевич не удержался и напомнил, как она не хотела брать Мишку из-за его «происхождения».

А Мишка не скоро опомнился после своего панического бегства. Огляделся, кругом были уже не поля, а высокие каменные дома, он бежал по улицам города, который был ему совсем незнаком. Часть ведь стояла то в Сосновке, среди садов и полей, то на Средней Рогатке, на заброшенных огородах. Он мог бы еще найти дорогу туда, где они сегодня работали с вожатой и где его смертельно перепугали грохочущие удары, свист и сотрясение земли. Но Мишке было страшно вспоминать об этом, и он не хотел возвращаться туда.

Опять он стал бродячей собакой, бегал по улицам, прятался в каких-то холодных подвалах. Улицам не было конца, не то что в городке, где он вырос, — тот городок Мишка мог три раза за день пробежать насквозь. А эти каменные улицы только переходили одна в другую. Иногда Мишка выбегал по ним к воде, но и вода текла среди каменных стен, и каменные улицы перешагивали через воду так высоко, что было даже боязно глядеть вниз. Никак не достать до воды, чтобы напиться, и совсем уж нельзя найти хоть какую-нибудь еду.

В родном городке улицы были зеленые, а на них выходили земляные дворы, и Мишка знал, что там есть помойки, на которых можно рыться, если уж пришлось туго. Можно было, наконец, поймать зазевавшуюся птицу, выковырять из земли на огороде крота... Конечно, и там случались голодные дни, не то что в части, где два раза в сутки ему наливали в бачок густую похлебку — ешь и не бойся ничего! — и где ласковая хозяйка за хорошую работу угощала его ломтиками сушеного мяса, подбрасывала сверкающие, как снег, кусочки сахара. А тут, на этих бесконечных каменных улицах, широких и пустых, не было ни птиц, ни кротов, никакой еды. Мишка тщетно обнюхивал все уголки и дворы.

Несколько дней бегал он по каменному лабиринту, отлеживался в каких-то уголках, когда валила усталость, и бежал снова. Он встречал людей, и все они с интересом, с удивлением смотрели на собаку. В блокированном Ленинграде успели отвыкнуть от домашних животных. Вид бегущего пса поражал людей, они останавливались, переговаривались между собой, глядели на него, как на чудо. Для одних он был предвестником новых, лучших времен, возвращения мирной жизни, для других — словно бы выходцем с того света.

Его не обижали. Как-то он вслед за людьми забрался в светлый домик, стоявший на железных рельсах, и домик вдруг двинулся, поехал со стуком и звоном. Он ехал быстро, и Мишка перепугался, по его обступили люди, рассматривали, говорили какие-то ласковые слова, что-то спрашивали.

Пассажиры трамвая и человек в незнакомой Мишке форме, кондуктор, не собирались выгонять безбилетного.

— Подумать только, как он мог пережить блокадную зиму? — изумлялись они. — Может, с Большой земли прибежал, пробрался через фронт?

Пес осмелел, протягивал к людям морду, надеялся, что кто-нибудь догадается, как он голоден, и накормит. Но видно, у этих людей не было с собой еды, или они его не понимали. Никто его не угостил.

Домик на колесах пошел медленнее, остановился. Мишка выскочил и побрел прочь.

Об этих его странствиях в батальоне ничего бы не узнали, но Мишку, выскочившего из вагона, случайно заметил солдат-письмоносец Илларионов. Ехал он во встречном трамвае по

Литейному, вез почту со Средней Рогатки в Сосновку, подремывал, но проснулся от какого-то толчка, взглянул в окно и обомлел: пес на улице да еще на трамвае разъезжает!

Илларионов глядел вслед псу недоуменно, рассеянно и вдруг сообразил: да это же, наверное, собака Глазуновой!

Ее исчезновение наделало шуму. Глазунова плакала, начальство ругалось, кому-то вlepили взыскание, потому что собака была табельным имуществом, значившимся в списках, и за ее утрату надо было отвечать.

Илларионов соскочил с трамвая на ходу, попробовал догнать собаку, но она была уже далеко, свернула за угол и исчезла из поля зрения. Не кричать же посреди Литейного! Да Илларионов и клички собаки не знал. «Может, и не наша», — подумал он и пошел на остановку. Рассказал об этом случае Глазуновой лишь несколько дней спустя.

А Мишка между тем опять кружил по улицам, теряя силы и надежду.

На улице Мишка видел людей в военной одежде, они напоминали ему солдат части, хозяйку. Вначале он радостно кидался за ними. Они несли знакомые запахи — землянок, пороха, полей. Все же в этом сложном сочетании запахов не хватало одного, по которому Мишка безошибочно узнал бы солдат своей части: собаками от встречных военных совсем не пахло. Он делал несколько шагов за военными, втягивая в себя их запахи, потом разочарованно отставал. Эти люди не могли привести его назад, в часть.

А его все сильнее тянуло туда, инстинкт говорил, что там для него единственное спасение. За дни странствий по городу он пробежал, наверное, не одну сотню километров и, конечно, обратной дороги уже не помнил. Но он начал эту дорогу искать. Инстинкт подсказывал ему, в какую сторону идти, чтобы выбраться из каменного клена.

Теперь Мишка уже не брел куда глаза глядят, он двигался навстречу солнцу, приюхиваясь к порывам ветра, доносившим едва уловимый запах не закованной в камень земли. Понемногу запах становился сильнее, он ободрял измученное животное, и Мишка останавливался, потом опять шел, хотя силы его давно должны были иссякнуть.

Солнечный свет падал уже с другой стороны, он тускнел, потом солнце совсем спряталось за громадами домов, но это не сбивало Мишку, и он направления не менял.

Он вырвался из городских улиц, когда уже почти совсем стемнело. За высокой насыпью железной дороги он попал в привычный мир. Тут были землянки, траншеи. Людей в гражданском платье почти не попадалось, везде солдаты. И Мишка обрадованно вступил в этот привычный мир, его ноздри жадно ловили запахи, прилетавшие с ночным ветерком. Запахи вели его, он не зря доверился им. Что-то едва различимое поначалу, но близкое и ни с чем не сравнимое возникло среди запахов, доносимых ветром. Оно постепенно крепло, заставляя Мишкино сердце трепетать. Он уловил далекий запах собак и шел уже на него, никуда не сворачивая и не сбиваясь.

Теперь Мишка знал точно, что собаки близко, не одна, а много собак. Он уже не шел, а бежал к ним, неся, насколько хватало сил.

Наконец он их увидел — они лежали за разбитым домом на привязи, спали, но он быстро всех перебудил своим визгом и лаем. Радость переполняла его, заставляла прыгать и вертеться. Собаки тоже повскакали и отчаянно залаяли все вместе. Из землянок выбегали солдаты, прикрикивали на животных, стараясь успокоить их. Они заметили Мишку. Пес был незнакомый, но эти солдаты-минеры знали и любили собак. Они не прогнали пришельца. Кто-то подманил его куском сухаря и взял на сворку.

— Сидеть!

— Лежать!

— Голос!

Мишка охотно выполнял команды и поглядывал на солдата, ожидая поощрения. Голодная слюна текла по его морде.

— Собака-то служебная, — сказал солдат. — Может, из нашего батальона? Ты из какой роты сбежал? — спросил он Мишку. — Сбежал ведь, чего виляешь хвостом? Ладно, узнаем. Поди, ищут тебя.

Утром о приبلудной собаке сообщили в штаб, а через час примчалась Глазунова.

— Мишка, смертник мой ненаглядный, — говорила она, — нашелся все-таки, а я уж надежду потеряла. Отощал как, совсем мог погибнуть. На, возьми хлебца...

Больше Мишка не убегал. Постепенно он привык и к близким разрывам, стал настоящим фронтовиком. Когда подрывали мины или падал снаряд, он вздрагивал, прижимался к хозяйке, но стоял на месте.

Шло время, и Мишка вырослел. Он раздался в кости, потяжелел, но остался по-щенячьи веселым, даже дурашливым. Ему многое прощалось, потому что он обладал редкостным нюхом, на его счету были уже тысячи разысканных в самых трудных условиях мин, снарядов, ручных гранат. Он отлично работал потом на реке Воронке в Долине смерти, как саперы прозвали проклятое место, где мины стояли так густо, что даже птицы не могли безнаказанно клевать свою добычу. Там Мишка, сам не понимая того, помог Вале Глазуновой пережить свалившееся на нее горе. А на аэродроме в Тарту он унюхал бомбы, зарытые немцами на глубине двух метров.

Теперь уже никто не попрекал его происхождением. Когда Вале одной из первых среди девушек батальона вручили значок «Отличный минер», она, придя в вольер, звонко чмокнула Мишку в холодный черный нос и сказала ему тихонько в ухо: «Понимаешь, наградили нас. Мы ведь оба этот значок зарабатывали, вместе. Соображаешь, дурачок?» Мишка не все сообразил, но он чувствовал настроение хозяйки и, обрадовавшись, быстро облизал ее лицо своим горячим языком.

Потом уж Мишка-Смертник стал даже проверять работу саперов. Это было в 1944 году, когда врага отбросили далеко от Ленинграда на всех направлениях и разминирование приобрело широкий размах. Им занимались разные части, а минеров с собаками все чаще посылали на контроль. Батальон миннорозыскной службы славился тщательностью работы, ему поручали осмотр уже разминированных полей — не оставлено ли там что-нибудь? Не раз оказывалось, что оставлено, и порой немало. Мишка во время таких проверок был особенно хорош, издавек чувствовал мины и усаживался возле них с важным видом, приглашая Глазнову быстрее подойти к нему.

Как-то девичья команда приехала проверять участок бывшего переднего края. Работа там считалась законченной, но участок был трудный, зарос ивняком, сквозь который порой приходилось продираться с риском порвать одежду. А рядом был низкий зеленый луг. Армейские минеры, уже проверявшие его, сообщили, что луг не

заминирован. На нем разрешили пасти скот. Там медленно ходили большие черно-белые коровы.

Во время перерыва девушки вышли на лужок, улеглись под кустом. Неторопливо разговаривали или дремали. Собак спустили с поводков. Вдруг кто-то окликнул Валю Глазунову:

— Твой Мишка, гляди, уселся как. Привык на минных полях, вот балда!

Валя взглянула. Мишка и правда сидел на лугу довольно далеко от них. Сидел, не двигаясь с места.

— Мишка! — закричала Валя. — Мишка, ко мне!

Это была команда, но Мишка не выполнил ее.

— Подраспущался, анархист твой Мишка, — стали посмеиваться над Глазуновой.

Она встала и повторила команду, но Мишка снова не двинулся.

Глазунова махнула поводком:

— Вот я тебе дам!

Командир отделения остановил ее:

— Не торопись. Погляди, нет ли там чего?

Глазунова пошла к собаке через весь луг. Мишка сидел на месте не двигаясь.

— Что за напасть, — удивилась девушка и стала осторожно прокалывать землю возле Мишки щупом. Раз, другой, третий... Заостренный шомпол, приделанный к длинной палке, легко входил в землю.

— Чего же ты сидишь? — спросила Глазунова, посмотрев на собаку, и снова воткнула щуп. На этот раз он во что-то уперся. Через несколько минут девушка установила, что там мина, немецкая противотанковая мина «хольц» в деревянной коробке.

А Мишка, получив награду, сделал лишь несколько шагов и снова уселся. И опять Глазунова нашла мину. Тут уж подошел командир и поставил на обследование «незаминированного» луга все подразделение. Постепенно определилась схема пропущенного армейскими минерами поля. Мины стояли в пять рядов. Полоса тянулась на два километра. Почему их не обнаружили? Наверное, потому, что все мины были в оболочке из дерева, миноискатель не реагировал на них. А Мишка учуял.

Две тысячи противотанковых мин сняла на этом лугу девичья команда. Много лакомых кусочков получил в тот день Мишка. Он принимал их с достоинством. Он честно заслужил это угощение.

ОХОТНИК

К деревне Пнево вела неширокая, разбитая дорога. Приходилось ехать медленно, грузовик бросало на ухабах. Петров сидел в кабине, посматривая на разложенную на коленях карту.

— Деревня скоро, — сказал он шоферу, — а переправа сразу за ней.

В кузове машины сидели минеры с собаками. Им надо было переправиться через пролив, соединяющий два огромных озера — Псковское и Чудское. Петров получил приказ срочно начать разминирование дорог на той стороне, в Эстонии. Но скоро ли они на ту сторону попадут? Егор Сергеевич хорошо знал, что переправа — всегда неприятное и беспокойное место.

Проехали деревню и сразу увидели впереди скопление машин. На дороге, а больше возле нее, стояли грузовики, тягачи с орудиями на прицепе, танки.

На обочине дороги, под деревьями, сидели солдаты. Кто ел, держа на коленях котелок, кто покуривал, кто дремал. «Давно сидят», — определил Петров. Лицо его стало хмурым.

— Попробуем объехать полем, — сказал он шоферу, — авось проскочим.

Машина Петрова сошла с дороги и, раскачиваясь из стороны в сторону, двинулась по жнивью. За головной машиной потянулись и остальные.

Им вслед что-то кричали с дороги, но они продолжали двигаться. Выехали на берег и повернули к переправе. И тут, на берегу, путь им преградил патруль: сержант и солдат с красными повязками на рукавах.

— Стой! — закричал сержант. — Нет здесь проезда. — Он вскочил на подножку и увидел в кабине офицера. — Поворачивайте назад, товарищ лейтенант. Без очереди никого не можем пропускать. Командующего армией приказ.

Петров стал говорить, что прислан штабом фронта, просил вызвать коменданта переправы. Сержант твердил свое:

— Гоните машины назад, потом можете разыскать коменданта, товарищ лейтенант. Только комендант все равно не пропустит. А тут не стойте, запрещено стоять машинам на берегу.

Егор Сергеевич продолжал спорить с патрульным, но понимал, что вряд ли сможет прорваться вперед. К машинам тем временем собирались люди из тех, кто тоже ждал возле переправы. Минеры в машинах обсуждали происходящее.

Собаки, как всегда, почувствовали волнение людей. Они забеспокоились. Их лай произвел совершенно неожиданное действие.

— Гляди, собак везут! — заговорили солдаты. — Так это же «охотники за минами»!

— В чем дело? Почему собрались тут? — строго спросил подошедший майор — комендант переправы.

— «Охотники за минами» тут. Им вперед надо. Они же дорогу нам расчищают, — объясняли бойцы, подошедшие к машинам.

Петров ничего и доложить не успел. Майор только посмотрел на него.

— Поезжайте. Пропустим.

— Значит, можно ехать? — Петров не верил своим ушам.

— Давайте, да побыстрее!

Машины снова, качаясь на неровной земле, пошли вперед, к понтону. Минеры оживленно заговорили между собой.

— Слыхал, как нас величают? «Охотники за минами».

Солдат, сидевший рядом с ефрейтором Ильей Мизяевым, толкнул его в бок.

— Ага, — только и ответил Мизяев. Он пошевелил поводком, который держал в руке. Собака, лежавшая у его ног, подняла голову, вопросительно поглядела на хозяина.

— Лежи, Макс, — сказал он ей, — отдыхай пока что.

Товарищи не часто слышали его негромкий голос. Мизяев слегка заикался, и этот недостаток его стеснял. На привалах, в минуты отдыха

солдаты любили потолковать о доме, о прежней жизни, обо всем, что далеко от войны. Или их вниманием овладевали записные балагуры. Те громко рассказывали всякие были и небылицы, смешили товарищей. Илья Мизяев молча, с тихой и доброй улыбкой слушал.

Невысокий, сухощавый, слегка сутулый, он и внешним своим видом не привлекал особого внимания.

Чтобы оценить Мизяева, надо было видеть его на минном поле. Там он менялся и правда начинал походить на охотника. Он шел, чуть наклонившись вперед, легкой походкой, словно бы едва касался ногами земли.

Его лицо оставалось спокойным и сосредоточенным. Маленькие черные глаза зорко оглядывали все вокруг. По ему одному ведомым приметам Мизяев мог найти в густой траве старую уже заросшую тропку. И так же безошибочно, по каким-то невидимым для других признакам, мог определить в поле, в лесу, что тут происходило во время боев, где был передний край, какие позиции занимали наши войска, какие противник.

— Он со своим Максом идет за минами, как за дичью. И не скажешь, кто из них лучше чует, — говорили солдаты.

Но для человеческого обоняния взрывчатка — тол — запаха не имеет. Тут уж Мизяеву помогал его Макс. У Макса нюх был действительно острый, унаследованный от многих поколений предков, охотничьих собак.

Расставляя людей на минном поле, командир взвода давал Мизяеву обычно самый трудный и опасный участок. Ефрейтор принимал это как должное.

— Есть, — говорил он и брался за дело. Переспрашивать, задавать лишние вопросы было не в его характере.

Однажды минеры с собаками работали на Ладожском озере, в местах, где три года стояли вражеские войска. Командование предполагало, что побережье сильно заминировано. Противник, конечно, боялся наших десантов и принимал против них меры. Близ озера в самом деле обнаружили минные поля. Они начинались в нескольких десятках метров от воды. А самая кромка берега? На ней мин не было видно. Это озадачило командиров.

— Проверьте берег, — приказали ефрейтору Мизяеву.

— Есть проверить берег! — ответил он и пошел со своим Максом.

Они двигались у воды, и невысокие волны, с шипением накатывавшиеся на берег, обдавали их ноги брызгами. День был жаркий. Макс посматривал на воду, он был не прочь искупаться, но хозяин не давал такой команды. Хозяин повторял:

— Ищи! Макс, ищи!

И Макс нюхал, искал. На берегу громоздились камни, мелкие и крупные, обтесанные, отшлифованные водой. Волны перекачивали их, двигали с места на место.

Мизяев еще и сам не знал, почему груда камней, к которой они подошли, показалась ему подозрительной.

Все же Мизяев замедлил шаг. Макс оглянулся на него.

— Ищи! Ищи!

Пес подошел к камням, понюхал. Его ноздри стали раздуваться.

— Что, чуешь?

Макс наклонил морду еще ниже, снова обнюхал несколько камней и) возле одного остановился. Постоял, постоял и сел.

Мизяев поспешил к собаке. Ничего, кроме камней, он не видел. «Где же тут может быть мина? — размышлял он. — Наверно, под камнями, придется их снимать. — И сам остановил себя: — Погоди. Снимать так тоже нельзя. Могут быть оттяжки».

Он снова внимательно оглядел камни. Самые обыкновенные булыжники. Такими раньше мостили улицы в городах, пока не стали заливать асфальтом.

Мизяев чуть тронул щупом булыжник, к которому так принюхивался Макс. Ему показалось, что камень какой-то мягкий, что щуп даже входит в него, или камень проминается от легкого нажима. Как это могло быть? Ведь булыжник — кусок гранита!

Мизяев еще раз чуть-чуть кольнул щупом. И снова в руке возникло это ощущение — камень мягкий, он поддается легкому нажиму металлического прутка.

Мизяев встал на колени, вытащил нож, осторожно провел лезвием под камнем. Оттяжек, проволочек там не оказалось. Тихонько взял камень пальцами правой руки и не поверил себе. Камень был поразительно легкий.

«Да это же папье-маше! Камень-то поддельный! Ловко сделано, — подумал минер. — И цвет тот же, и форма. Выкрасили

хорошо, но взрыватель все-таки можно обнаружить. Вот он вставлен сбоку и замазан краской».

Мизяев воткнул в землю красный флажок. Посмотрел по сторонам и пошел с Максом дальше.

В тот день они нашли сорок таких мин. Имитировавших камень. Мины были разные по виду. Округлые, словно валун, который вода веками терла о другие камни. Были остроугольные, с резкими гранями, как обломки недавно расколовшихся гранитных глыб. Те, кто их готовил, сделали все, чтобы эти взрывные ловушки нельзя было распознать.

Несколько дней эти мины не трогали с места. Их не взрывали и не разряжали. К ним водили саперов из других частей, работавших вблизи. Пускай посмотрят, пусть узнают, какие тут есть неожиданные «сюрпризы». Для минеров это было хорошей школой.

Мины-камни оказались очень опасными. Не только потому, что их трудно различить. Они были и крайне чувствительны, могли сработать при нажиме на любую их сторону, на любую точку. Только наступи, только толкни — взлетишь на воздух.

На фронте всех саперов с собаками называли «охотники за минами», но в батальоне это прозвище закрепилось за одним Мизяевым.

— Охотник ты настоящий, — говорил Мизяеву Егор Сергеевич. — Только врать, как охотник, не научился.

— А зачем врать?

— Да уж не ври, ладно, ты хоть правду Расскажи толком. — Егор Сергеевич любил зазывать самых умелых минеров в свою команду. Пусть поделятся опытом. Девушкам это пойдет на пользу. — Вот расскажите, ефрейтор Мизяев, как вы давеча проход в минном поле нашли? Никто его не заметил, а вы сразу обнаружили.

— Чего особенного? — улыбался Мизяев. — Просто. Поле-то большое, а возле него траншеи. Значит, обязательно должен проход быть. Иначе немцам каждый раз громадный крюк бы делать надо. Они этого не любят. Да и кто любит? Поглядел я, где тут ходить лучше. Ясно, по ложбиночке. Значит, в ней и проход скорее всего. Еще поглядел. Так и есть, трава в ложбинке пониже, вся свежая, прошлогодней, пожухлой, нет. Значит, не росла тут трава прошлый год,

земля утоптана была. А кто утоптал? Те, кто ходил. Выходит, проход в аккурат тут. Всего и дела.

Выступать со своими рассказами перед девушками и другими бойцами Мизяев очень не любил. А рассказать ему было, о чем. Вот хотя бы как разминировал железнодорожное полотно у станции Мшинская. Дорога там проходит через болото, прорезанное речкой, насыпь очень высокая, с двухэтажный дом. И вот в этой насыпи перед мостом саперы наступавших частей обнаружили ряд глубоких колодцев, на дне которых лежали мощные мины. Почему противник не взорвал полотно и мост? Видимо, не успел — считали саперы. Бежал, не до того было. Нашли электрические провода, шедшие к фугасам. Оборвали их. Разминировать времени не было, наступление развивалось быстро. Саперы ушли вперед.

Убирать фугасы выпало на долю фронтового инженерного батальона. Командиры осмотрели участок. Два десятка колодцев — аккуратные деревянные срубы, уходящие вглубь до самого основания насыпи. Чего там не было! И авиационные бомбы, и крупнокалиберные снаряды, и противотанковые мины. А колодцы узкие, забраться туда трудно, а еще труднее в них работать. Больше чем один человек туда влезть не может. Озадачивало устройство взрывной системы. Да, электрические провода обнаружили, они и не очень-то хорошо упрятаны были. Но не нашли дублирующих устройств. Обычно бывают. И снова возникал все тот же вопрос: почему не взорвали фугасы? Не так и много времени требовалось на это — крутанули подрывную машинку, и вся недолга! Насыпь и мост разнесло бы до основания.

Естественно, беспокоила мысль: а может, это мины замедленного действия? Лежат себе, а где-то в глубине действует часовой замыкатель. Или это радиомины? Где-нибудь за много километров от Мшинской саперы противника включат на им одну известную волну свое радиоустройство — через неделю, через месяц, а может быть, через минуту. И грохнут страшные взрывы.

Колодцы с фугасами тщательно осмотрели, проверили, выслушали приборами. И все-таки сказать наверное, что здесь не имеется каких-либо хитрых взрывных устройств, никто не мог. Потому на разминирование послали добровольцев. Мизяев вызвался одним из

первых. Потом уже, когда долгая и трудная работа осталась позади и все кончилось благополучно, девушки осаждали Мизяева:

— Ну расскажи, как было?

— Да что особенного, — отмахивался он, — работал и работал. Один разок, правда, перепугался, аж ноги затряслись...

— Чего перепугался?

— Ну, было дело...

Он работал на дне колодца. Наверху были товарищи по команде. Подходили офицеры: «Ну как там? Не устал?... Хватит, сейчас придет смена». И все же у Мизяева возникало такое чувство, что он здесь один-одинешенек, в глубине земли, с этими фугасами, которые могут сработать в любой момент. Мизяев снимал очередной снаряд или бомбу, укладывал на подвесной лоток, выбирался из колодца.

— Давай!

Стоявший у лебедки солдат начинал крутить рукоятку, и лоток с очередным снарядом поднимался наверх. Неприятность случилась уже посередине дня. Мизяев положил в лоток очередной тяжелый снаряд, вылез наверх. Лоток поднимался за ним следом. Минер посмотрел в колодец. Снаряд не лежал спокойно на лотке, а раскатывался по нему влево-вправо, опять влево и ударялся при этом в борта. Мизяев хотел скомандовать лебедчику «Стоп!», но тут снаряд перекатился через низенький бортик и полетел вниз. Прямо на лежавшие там авиационные бомбы.

Мизяев только и успел подумать: «Все». Но взрыва не последовало. Лишь глухой удар. Снаряд хлопнулся по округлому боку бомбы и лег рядом.

— И что ты сделал?

— А что было делать? Перевел дух да полез опять в колодец. Привязал этот окаянный снаряд к лотку, ну, а дальше работа уже шла обыкновенно. Вычистили колодец до дна и никаких других устройств, кроме электрического, не нашли. Недоработали гитлеровские саперы. А могли нам хорошенький компот устроить...

Однажды Мизяева вызвал командир роты.

— Приготовьтесь к завтрашнему дню. Надо рассказать молодым про склад у Дудергофа.

Мизяев вытер платком сразу вспотевший лоб.

— Вам же все известно, товарищ старший лейтенант. Вы можете хорошо рассказать. А я только заикаться буду...

Но ему пришлось рассказывать. Случай был необычный. К тому времени окрестности Ленинграда уже стали мирными. Фашистов отогнали на запад. По полям минувших боев не раз прошли саперы, очищая их от снарядов, бомб, мин. И все-таки приходилось проверять эти места снова. То там то здесь случались несчастья. Взрывалась под копытами лошади мина, плуг выворачивал из земли тяжелый снаряд.

Мизяев осматривал полосу земли, шедшую по самому гребню возвышенности у Дудергофа (теперь Можайское). Пока он ничего опасного не нашел. Попалась только одна ручная граната без взрывателя, но кто мог знать, что будет дальше?

Крутой склон горы с севера порос орешником. «Тут можно полакомиться, — подумал еще Мизяев. Молодые зеленоватые орешки свисали гроздьями с веток. — Будет перекур, займусь ими».

До перерыва оставалось уже недолго. Минер шел вдоль гребня высоты, все время пробуя землю щупом. Острый металлический стержень мягко уходил в землю.

Неожиданно в зарослях орешника открылась прогалина. Склон горы стал почти отвесным и голым. Через несколько метров начинался снова более пологий скат и снова там росли кусты.

«Почему здесь обрыв?» — удивился Мизяев. Он знал, что склоны горы могут разрушаться от сильного стока воды, но тут была вершина и воде негде собраться. Значит, обрыв создала не вода. А что? Или кто?

Мизяев не нашел ответа. Может, надо искать ответ в земле? Он стал еще чаще протыкать землю щупом. Раз, другой, третий...

Над обрывистой частью склона щуп во что-то уперся. Похоже, в дерево. Воткнул щуп рядом и снова попал в твердый предмет. Мизяев продолжал колоть. Щуп упирался каждый раз, но глубина, на которую он уходил в землю, была не одинаковой. Скорее всего, это бревна, уложенные в ряд, решил минер, накат. Такие накаты устраивались над землянками, а землянки там, где шли бой, не редкость. Только где вход? Входа не было, даже никаких его следов. Это уже казалось странным.

Мизяев стал внимательно обследовать обрывистый склон. Если он обнаружил землянку, то вход мог быть только с той стороны. Стал колоть землю по обрыву, и опять щуп уткнулся во что-то твердое.

Мизяев доложил командиру.

— Разрешите взять глубинный щуп?

Через несколько минут вернулся на место с длинным и тонким металлическим прутком.

Мизяев залез на крышу предполагаемой землянки и стал ввинчивать длинный щуп в землю, выискивая стыки бревен. Бревна круглые, значит, стык должен быть там, где щуп погружается в землю глубже всего. Он нашел такое место и с силой продолжал ввинчивать глубинный щуп. Острый конец щупа царапал, цеплялся за что-то. Мизяев нажал еще раз, еще. И щуп пошел дальше, уже не цепляясь, легко. Он больше не встречал никакого сопротивления.

Мизяев нашел еще одно место, где, по его расчету, мог быть стык бревен, затем еще и еще. И каждый раз все повторялось сызнова. Сперва щуп за что-то цеплялся, наверно за край бревна, потом шел легко и свободно. Сомнений не было — под бревнами пустое пространство. Только для чего оно, что скрыто в этой подземной пустоте?

Мизяев прервал работу, сходил за собакой, за своим Максом. Тот лежал, привязанный к дереву, недалеко. Пустил Макса на верх землянки. Собака шла медленно, приносясь к земле. Ее движения были какие-то неуверенные. Она фыркала, вопросительно глядела на хозяина и снова брела.

Макс кружил на небольшом участке, там, где, по расчетам Мизяева, была крыша землянки. И вдруг что-то переменилось. Макс сделал несколько шагов, встал, свесил голову к самой земле. Он долго вытягивал воздух, раздувая ноздри. Потом решительно сел, повернувшись к хозяину мордой.

Это был сигнал — чую!

Мизяев подошел к Максиму поближе. Собака сидела точно у того места, где он проколол землю глубинным щупом. Взял Макса за поводок и послал дальше:

— Ищи!

Макс начал действовать увереннее. Он сделал шаг, другой и сел снова. И опять у места, где глубинный щуп ушел в пустоту между бревен. Так повторялось несколько раз. Собака показала все проколы глубинного щупа, хотя они были почти незаметны для глаза. А рядом шли другие проколы, не достигавшие, однако, большой глубины. На те

Макс внимания не обращал. Значит, из глубоких проколов доносился запах взрывчатки.

Командир взвода, узнав об этом, решил проверить Макса.

— Надо послать другую собаку, — сказал он. — Тоже с хорошим чутьем. Кто здесь есть из таких, Инга? Инга подойдет, она издалека чувствует взрывчатку.

Позвали Ингу. Она повела себя так же, как Макс. Сперва принюхивалась, ходила по гребню высоты неуверенно, потом уселась у дырки, проткнутой глубинным щупом.

Теперь уже возле места, где работал Мизяев, собралось много народу. Пришел командир роты, вызвали еще несколько минеров. Потом приехал и командир батальона.

Что там, внизу, никто определить не мог. Простое предположение, что это землянка, пришлось отбросить. Мизяев правильно говорил: если землянка — у нее должен быть вход. А входа нет. Допустим, его заделали. Но почему? Кроме того, вход в это подземное сооружение мог быть только с той стороны, где Мизяев нашел обрыв и дощатую стенку, закрытую землей. Этот обрыв был обращен на север. Немцы же должны были устраивать вход в свои бункера с юга. К северу от них находился фронт.

Можно было предположить, что в пустом пространстве под землей мощная мина или огромный фугас. Только зачем они тут? Ни дорог, ни домов, ничего подходящего для особого минирования вблизи не было.

Решили вскрыть загадочную пустоту. Соблюдая все предосторожности, раскопали стенку обрыва. Под дерном и землей в самом деле открылись доски и в них тяжелая деревянная дверь. Открывать дверь сразу командир запретил.

— Зацепить ее «кошкой»! — приказал он.

Металлическую «кошку» с острыми крючьями прицепили к двери. Протянули длинную веревку в укрытие-окоп, вырытый на другом склоне высоты. Несколько солдат с силой дергали веревку. «Кошка» срывалась. Пришлось идти туда снова, зацеплять другим крюком. Потом снова дергали веревку, каждый раз ожидая взрыва.

Наконец дверь подалась, медленно, тихо, без всякого взрыва. Вход в подземелье открылся. Мизяев первый вошел туда. Огляделся и

сделал шаг в темноту. Его фонарик высветил ряд длинных ящиков, стоявших один на другом.

О том, что в ящиках взрывчатка, сомнений не оставалось. Макс, едва подойдя к ним, сразу это дал понять.

— Придется разбирать, — сказал командир. И он, и минеры понимали, что в каждом ящике возможна ловушка.

Солдаты работали по одному, чтобы не подвергать товарищей напрасному риску. Тихонько, пользуясь только стамеской и ножом, проверили, ощупали со всех сторон ящик, стоявший сверху. Проволочек-оттяжек нигде не было.

Сняли ящик и на руках вынесли наружу. На ящике оказалась заводская пломба.

— Вроде наша? — удивленно проговорил Мизяев. — Конечно, наша, — тут же добавил он. — Вот и заводские надписи.

На боку ящика были видны четкие знаки: номер завода, калибр снарядов...

Сняли крышку и увидели два новеньких, покрытых заводской смазкой снаряда. Только оботри их — и можно закладывать в пушку. На бирке опять заводские знаки и год изготовления — 1936. Сколько лет прошло, а снарядам ничего не сделалось. Но почему они лежали здесь?

Не сразу минеры разобрались в этом. Проверили весь склад. Ящиков в нем было много, за первым штабелем второй, третий... Офицеры определили, что эти снаряды не для полевой артиллерии, а для морских пушек. Удивились еще больше. Моря у Дудергофа ведь нет!

Только через несколько дней приехал к складу представитель флотского штаба. Звание у него было не очень высокое — мичман, но, как повелось у некоторых флотских, он к сухопутным относился свысока. Мичман был уже не молод и грузен. Забираясь на крутой склон, пыхтел, ругался про себя:

— Чего не придумает эта пехота! — Для него пехотой были все, кто не моряки. — Заставляют карабкаться, как мальчишку. А что может быть там морского, на горе? Корабли по горам не ходят.

Но дошел наконец до склада, оглядел со всех сторон и развел руками:

— Подумать только, ведь правда наше добро! Снаряды корабельные, это точно. И хорошие снаряды, использовать можно.

Постепенно докопались до истины. Склад устроили наши моряки осенью 1941 года. Немцы рвались к Ленинграду.

Много орудий было снято с кораблей Балтийского флота. Морские батареи действовали на суше, били по врагу. Такая батарея, несомненно, стояла и здесь, у Дудергофа. Вела огонь по врагу до последней возможности и нанесла ему немало потерь. Но силы были неравные, немцы еще продвигались. Морякам пришлось отходить. Они увезли или взорвали свои орудия. Вывезти склад снарядов времени уже не оставалось. Моряки заложили вход в него, замаскировали дерном.

— Хорошо сработали наши братишки! — довольно говорил мичман. — Ты подумай! Фашисты же почти три года торчали здесь. Чего тут не держали! И штабы у них были, и наблюдательные пункты, и батареи. Все в этой горе. Как клопы, в каждую щель набились, а наш склад все-таки не нашли. Вот какая флотская маскировка.

Мичман замолчал на минуту, видимо пораженный какой-то мыслью.

— А вы-то, — раздумчиво сказал он уже совсем по-другому, серьезным и уважительным тоном, — вы-то не прошли мимо, разыскали склад, хоть он за годы совсем зарос! И не думал я, что есть такие орлы в пехоте.

Он повернулся к Мизяеву:

— Ты, значит, этот склад открыл? Тебе, браток, на море бы служить!

Мизяев махнул рукой и улыбнулся, как всегда, открыто и немного смущенно.

— А нам и на суше дела хватает.

НА РЕКЕ ВОРОНКЕ

У же два года девушки служили в части, и всем им было около двадцати. Долгими июньскими вечерами, когда солнце все медлило и медлило, словно не решаясь нырнуть за горизонт, у палаток, где жили девушки, собирались солдаты из разных подразделений. Трудный день работы на минных полях был позади, и, если прошел он благополучно, молодость, осиливая усталость, брала свое. Обаяния молодости не могли скрыть даже грубошерстная шинель и кирзовые сапоги. Время, когда поклонники совершали набеги на девичий лагерь в надежде на легкие победы, в общем, прошло. Вечера у палаток, среди широких полей, чем-то походили на деревенские посиделки. Тихонько напевали, порой весело балагурили, а нити, которые везде возникают между молодыми сердцами, крепили, и не даром многие из девушек и парней потом уж, когда окончилась война, поженились, создали семьи.

Старший сержант Кириллов на таких «посиделках» появлялся не часто, он чувствовал себя здесь как-то неловко. Человек степенный и замкнутый, с ранними морщинками, начинавшими прорезать лоб, и неулыбчивыми голубыми глазами, он казался девушкам совсем уже пожилым. Он и был значительно старше их, а постоянная собранность и сдержанность лишь подчеркивали разницу в годах.

Кириллов был одиноким человеком, всех близких потерял в начале войны. Он ни от кого не получал писем, а когда часть оказывалась в Ленинграде, не просил увольнительных. Вся его жизнь была в службе, и командиры не знали лучшего минера-подрывника. Посылая в роту молодого офицера, комбат говорил: «Народ там боевой, знающий, помогут, а вы не стыдитесь учиться не только у старших, но и у младших. Присмотритесь, как работает Кириллов. У него многие офицеры перенимали опыт».

У старшего сержанта Кириллова была большая овчарка Дик, спокойная, точная и безотказная. Со временем Дик стал знаменитостью, потом о нем писали в газетах и даже в книгах. Он оставался в батальоне еще несколько лет и после войны. За ним числилось двенадцать тысяч найденных мин и фугасов — ни у одной собаки во всей армии не было такого большого счета.

Работу Дика показывали самому высокому начальству.

Именно Дик покончил с сомнениями одного проверяющего из Москвы, который считал, что возможности собак в розыске мин преувеличивают. Но посмотрел на деле и даже нарисовал график движения Дика: получилась безукоризненная зигзагообразная линия: три метра — в одну сторону, три метра — в другую и между вершинами зигзагов — ровно полтора. «Да, ничего подобного я еще не видел», — признался проверяющий. Он что-то подсчитал в уме: «Этот пес работал раз в пять-шесть быстрее человека и ни одного пропуска не сделал».

Кириллов спокойно выслушивал похвалы Дику и только скупым движением руки похлопывал собаку по шее: все, мол, нормально, так порядочный пес и должен работать.

Он сам учил Дика и знал, что тот многое может. Как-то Кириллов проходил с собакой по Московскому шоссе близ Красного Бора. Это было уже после снятия блокады. Мин там Кириллов не искал, просто направлялся на место работы. Движение по шоссе было открыто уже несколько месяцев, здесь то и дело пробегали машины. Ремонтники чинили дорогу, заливали ее асфальтом. И вот посередине этой дороги Дик вдруг уселся, показывая хозяину: там что-то есть. Сверху ничего нельзя было обнаружить. Через осевший и слегка треснувший асфальтовый покров лишь проступало ребро доски.

Кириллов сразу доложил командиру. Движение перекрыли, минеры принялись осторожно снимать асфальт, а на дороге начала создаваться пробка, шоферы нетерпеливо гудели, ругались. Приехал дорожный инженер, грозил, что будет жаловаться на самовольство минеров в исполком, обком, Военный совет. Но тут его прервал Кириллов: «Посмотрите сами». Под снятым асфальтом и щебнем открылся колодец. В нем был фугас-100 килограммов взрывчатки, заложенной, видимо, еще в 1941 году.

— Как же так? — растерянно спрашивал инженер. — Сколько народу тут работало, и никто ничего не заметил, а вот собака... Понять невозможно!

— Для того ее и обучали, — ответил Кириллов.

Он мог бы рассказать о другой дороге, где так же вот неожиданно уселся его Дик. Это было под Синявином, на болоте, остро пахнувшем осокой и торфом. Дик там сел на жердяном настиле гати, а когда гать разобрали, глубоко под ней обнаружили тщательно замаскированный немецкий фугас — четверть тонны тола.

Многое мог бы еще рассказать старший сержант, но он счел разговор исчерпанным, козырнул инженеру и ушел вместе с Диком...

Нет, пустые разговоры были Кириллову не по душе. И в те вечера, когда он приходил к палаткам девичьей команды, стоял больше молча, в сторонке. Всегда тщательно выбритый, коротко подстриженный, туго перетянутый ремнем. Постоит-постоит — и уйдет, словно не хочется ему мешать молодежи.

Только изредка он задерживался, если видел Валю Глазунову. А Валя и в эти вечерние часы была занята делом: сидела возле палатки или на камне чуть поодаль, штопала, шила. Сидеть без дела она не могла.

— Вы вроде всю роту обшиваете, — заметил как-то Кириллов, глядя на иглу, быстро мелькавшую в ее пальцах.

— Сами знаете, как на нашей работе обмундирование рвется. Приносят мне чинить. Отчего не помочь людям? Давайте, я и вам заштопаю, что надо.

— Спасибо, — сказал Кириллов, — я сам, привык уж...

И снова молчали. Лишь иногда Валя становилась разговорчивой и что-то рассказывала Кириллову о себе — негромко и обстоятельно, редко поднимая глаза от работы.

— Почему девушки называют вас мамой? — спросил ее как-то Кириллов.

— В шутку... И наверное, потому, что я люблю детей. Дети — это же самое замечательное на свете, правда?

Она вдруг запнулась, вспомнив о судьбе этого одинокого человека.

— На войне совсем уж от детей отвыкаем, — тяжело вздохнув, сказал Кириллов.

— Нет, почему? Бывает, и на войне их встретишь. Такие попадают чудесные ребята, что потом и не забыть. — Глазунова как-то сразу оживилась: — Ваша рота в Оредежском районе не работала, товарищ старший сержант? А нам в одной деревне там показали дом, в котором фашисты сожгли очень много людей. Не дом уже, а пепелище, конечно, домов в деревне вообще почти не осталось... Ну а история была такая. Немцы согнали в ту избу массу народа, тех, кого подозревали, что помогают партизанам. Все больше это были старики и женщины да детишки. А потом пригнали еще цыган и тоже с ребятами. У цыган детей много было. Заперли всех, обложили избу хворостом, керосином облили. Никто не ушел, до единого все сгорели. Мы, как услышали эту историю, долго стояли на месте, где была изба, и ревели. И вдруг узнаем, что есть в деревушке один мальчонка-цыганенок, чудом спасся, не нашли его фашисты. Отца его сожгли, сожгли мать, брата сожгли и сестру, а он остался, единственный человек из всей семьи, и человеку этому шесть годков от роду. Черненький такой, шустрый, глаза... ну правда, как горящие угли. И вот бродит он по сожженной деревне. Помыли мы его, накормили. Что только было вкусное, все совали ему. Он сперва ел, потом стал откладывать кусочки сахара, карамельки. «Можно, — спрашивает, — я своим друзьям отнесу?» От него и узнали мы про других ребят. Тоже, знаете, удивительная история.

Кириллов молча глядел на девушку.

На добром Валином лице, то улыбающемся, то горестном и хмуром, пробегали теньями чувства, испытанные там, в глухой оредежской деревне, где встретила она этих ребятшек.

Валя спросила тогда цыганенка, как он спасся от фашистов, а он ответил, что просто был у своих друзей, куда немцы не заглянули, вот и не попал в огонь. Валя заинтересовалась, что за друзья у шестилетнего карапуза, и он ответил: «Пойдем, увидишь, это Маша, Петя и Дунька». И привел девушку к покосившейся хатенке на самом краю деревни. Над трубой избушки поднимался легкий дымок. Внутри у печурки возилась девочка лет десяти, с нею был мальчик года на два ее младше. Это и были Маша и Петя, а Дунька — так звали корову — стояла в хлеву.

Валя огляделась в хате, спросила, где хозяева. Цыганенок показал на девочку: «Вот Маша — хозяйка». Так Глазунова узнала, что Маша и

Петя живут тут одни. Они приехали в деревню из Ленинграда ранним летом, перед войной. Привезла их мама, а когда началась война, взять назад не успела, и дети жили в избушке со старенькой бабушкой. Бабушка не выдержала этой жизни при фашистах, она все болела, совсем уже ходить не могла, только плакала, гладила детей по головкам и называла несчастными сиротками. Но они тогда настоящего сиротства еще не чувствовали, оно пришло, когда бабушка умерла.

Было невозможно понять, как двое малых детей прожили тут одни почти два года, но это было правдой. Чем-то помогали соседи, заботился о них староста, связанный с партизанами. Он скрыл от немцев их Дуньку, и корову не забрали. Но потом и старосты не стало, и соседей сожгли фашисты. Восьмилетняя городская девочка научилась доить корову, что-то сажала в огороде, что-то варила, парила для себя с братом и для коровы, И еще заботилась о своем друге-цыганенке.

Валя обошла избу, заглянула в котел, булькавший на печке. «Это для Дуньки», — объяснила Маша. Завернутая в какую-то старую кофту, должно быть с бабкиного плеча, почти прозрачная от худобы, с разводами сажи и копоти на лице, она удивительно напоминала ленинградских ребят первой блокадной зимы. Петя выглядел лучше. Маша, видно, обхаживала его как могла. На себя у нее сил уже не оставалось.

Валя Глазунова все ходила по избе и прятала от ребят глаза, а Маша спокойно, по-взрослому отвечала на ее сбивчивые вопросы, рассказывала о своем житье-бытье.

— Постойте, — всполошилась Глазунова, — а вы хлеб-то давно ели?!

Девочка взглянула на нее серьезными, взрослыми глазами:

— Когда соседи еще были, они приносили иногда.

Глазунова быстро полезла в свой вещмешок, вытащила краюшку солдатского формового хлеба:

— Вот поешьте пока, а я вечером опять принесу хлеба, каши и еще чего-нибудь. И мыла, мы тут с вами мытье устроим и стирку. Ты, Маша, собери к вечеру бельишко.

Все время, пока девичья команда стояла в деревне, Валя Глазунова опекала троих ребят, каждую свободную минуту проводила с ними —

кормила, обстирывала, чистила хлев и даже пробовала доить корову, чего ей никогда в жизни не приходилось делать. Потом команду перебросили в другое место. Глазунова пришла прощаться, и ребята повисли у нее на шее. «Как же, тетечка Валечка, как мы будем без вас?» Но команда уходила на передовую, не могла же Валя взять туда детей.

— И правда, как они там без меня, родненькие мои? — твердила она, горестно глядя на Кириллова. — Это же невозможное дело, за что детям-то мук столько?

— Вы не волнуйтесь, — успокаивал Кириллов. — Они при фашистах выжили, а теперь вернулась Советская власть, уж позаботятся о детях.

— Я знаю, нам и в сельсовете обещали, я ходила туда с командиром, с лейтенантом Петровым. Знаю, а все равно сердце болит. Очень я привязалась к этим ребятам. Из-за них меня девчонки и называют мамой.

Кириллов о себе не рассказывал, только слушал, потом медленно поднимался:

— Спать вам пора, завтра опять на целый день в поле. Отдохните.

Другие еще сидели, пока не являлся дежурный по части и не разгонял всех по палаткам. Кириллов уходил сам. И ни разу не поцеловал ее, ни разу не взял за руку. А ведь любил ее, наверное любил.

Места, где они работали в ту пору, солдаты называли Долиной смерти. Это было близ развалин древней крепости Копорье на Финском заливе. До войны там стояли многолюдные деревни, окруженные широкими полями и лугами, среди которых, извиваясь и петляя, текла неширокая речка Воронка. В холодной, прозрачной воде водилась форель, привлекавшая рыболовов из Ленинграда. Война опустошила долину — ни единого дома, ни единого человека, даже звери ее обходили.

На левом берегу Воронки в 1941 году были остановлены немецкие войска, рвавшие к Красной Горке, Кронштадту и Ленинграду. Они окопались на невысоких холмах и сидели там больше двух лет. Наши войска держали оборону на правом берегу, а между позициями обеих сторон лежала нейтральная полоса — ничейная земля, ширина ее доходила до полукилометра. Наши части укрепляли

свою оборону, то же делали и немцы тем настойчивее и старательнее, чем меньше надежд оставалось у них прорваться вперед. Потом надежд уже не оставалось и вовсе, враг тревожно ожидал удара советских войск и ставил все новые и новые заграждения и мины. В этом смысле долина реки Воронки мало чем отличалась от остальных участков фронта под Ленинградом. Но следует сказать, что старания гитлеровцев подогревались и нашей разведкой. Но им одним известным каналам разведчики распространили слухок, что наступление советских войск начнется именно здесь, под Копорьем. Слушок дошел до гитлеровцев. Наши войска готовили удар совсем в другом месте с необычайной осторожностью, тщательно и хитро скрывая сосредоточение сил, но у Воронки время от времени демонстрировали передвижение частей, подтягивание их к передовой — то заставляли ночью грохотать танки, то вводили в действие радиостанции с новыми позывными...

И немецкое командование «клевало» на эту удочку, принимаясь еще усерднее укреплять позиции своих войск. Все новые мины, фугасы, заграждения, ловушки ставились в широкой нейтральной полосе и за ней.

К лету 1944 года долина Воронки была уже далеко в тылу наших войск, фронт ушел за Нарву, но долина оставалась мертвой. Заросшие травой и чертополохом многослойные минные поля не давали человеку вернуться в эти места, где раньше стояли богатые села. Да и от сел почти не оставалось уже следа, повалились даже черные печные трубы сгоревших домов. Глухую тишину долины нарушали только редкие взрывы, означавшие, что неосторожный заяц, лось или птица подорвались на mine.

Все это было неизвестно солдатам, когда приказом командования фронта батальон перебросили от Нарвы и Ивангорода, от передовой, на Воронку. Солдаты видели только, что другие остались там, где шли бои, где должно быть новое наступление, а их переводят в тыловой район. Невесело грузились в вагоны, потом тихо, без песен шли от станции к месту, где предстояло разбить лагерь. Командиры и замполиты докладывали начальству:

— Настроение у солдат отвратительное, обижаются, что в такое время отозвали с фронта. Мол, не пришла еще пора для тихой жизни. Девчата — те только что не плачут.

— Надо разъяснить людям, что здесь будет, пожалуй, потруднее, чем на передовой. Пирог с такой начинкой не всякому можно доверить, — говорил заместитель командира батальона по политической части. Вместе с комбатом они решили устроить короткий митинг и на нем рассказать о боевой задаче.

После митинга подразделения направили в поле, еще не разминированное, пока на разведку. Но то, что показала первая разведка, даже опытным офицерам представилось невероятным. Многие минеры вернулись не с пустыми руками, они принесли образчики немецких «гостинцев», записи и схемы. Правда, мину, найденную Диком, старший сержант Кириллов в штаб не доставил, только определил ее очертания щупом и зарисовал: очень уж странная форма была у мины — длинный и узкий ящик, таких опытный минер еще не видел. Не видели и офицеры, но совсем незадолго перед тем из штаба фронта прислали описание немецкой новинки, обнаруженной в других местах. Все сходилось. Дик нашел мину РМИ-43, снабженную пятью взрывателями и чувствительную до предела. Хорошо, что саперы не стали ее трогать. По инструкции ее разряжать запрещалось, следовало подрывать на месте.

Новую мину, которую принесла Рита Меньшагина, офицеры узнали. О ней саперы были еще раньше предупреждены.

— Как ты ее сняла? — спрашивали Риту. Уж очень была коварной эта мина. Девушкам приходилось снимать много мин натяжного действия и много обрывных. Взрыватель одной срабатывал, если задевали оттяжку, другой — когда оттяжку-проводку обрезали. У ТМИ-42-43, принесенной Ритой, взрыватель был двойной — и натяжение, и обрыв струны одинаково приводили его в действие.

Все-таки Рита справилась с миной, но когда она представила еще и схему разведанного поля, даже бывалый командир старший лейтенант Хижняк отказался верить: «Не может быть такого!» Быстрый на ногу, он сразу отправился в поле, все проверил, облазил. Вернувшись, приказал выстроить роту. «Чего это вдруг?» — недоумевали минеры.

— Отделение сержанта Меньшагиной, три шага вперед! — приказал Хижняк.

И девушки вышли, не понимая, что случилось.

— Товарищи! — сказал старший лейтенант. — Я ходил на участки, которые разведало это отделение, — не поверил схеме. Теперь могу сказать — все правильно. Сержант Меньшагина и ее бойцы нашли и обозначили минные поля, на которых установлено несколько тысяч мощных противотанковых мин. Мы эти мины спокойно снимем и еще используем против фашистов, но судите сами, сколько несчастий предотвращено благодаря внимательности и мастерству девушек. От лица службы объявляю отделению сержанта Меньшагиной благодарность!

Потом оказалось, что старший лейтенант еще скромно определил число мин, найденных отделением. Их сняли, вынули взрыватели, сложили в штабеля, на каждой указали номер части, фамилию ответственного лица. Мин было двенадцать тысяч!

Теперь уж никто не сетовал на тихую жизнь. Вспоминая Нарву, Ивангород, говорили: «Там как-никак легче приходилось». У Воронки не было обстрелов, вражеские самолеты редко появлялись в небе и проходили стороной, но в тихих, заросших сорными травами полях смерть подкарауливала на каждом шагу.

Ох уж эта трава — жирная, высокая, густая, — она скрывала все, поставленное на земле. И она была пристанищем мошкары, комаров, слепней — всех этих заклятых врагов минера. Комары и мошка облепляли людей, оводы кружили над ними с долгим пронзительным жужжанием и затихали, присосавшись к человеческой коже, покрытой испариной от солнца и работы. Они кусали жадно и неумолимо. Они были способны лишить покоя, обратить в бегство даже стадо коров, если б те паслись на лугах у реки, как в прежние годы. Но теперь скота не было, одни люди, и все летучие кровопийцы накидывались на них с удесятеренной яростью, а минер не мог сделать даже резкого движения, чтобы отогнать тучи гнуса и оводов, даже лишнего шага ступить. Облепленный ими, он должен был продолжать свое дело спокойно, методично, не отвлекаясь, все заметить, ничего не пропустить. И ни к чему не прикоснуться нечаянно, случайно.

Комбат установил строгий порядок розыска и уничтожения мин: искали в первой половине дня, а во второй подрывали. Если в неположенный час с полей доносился взрыв, он звучал как сигнал несчастья.

Впрочем, был случай, когда двое солдат — Томилин и Востриков — потревожили всех взрывом, произведенным и в положенное, «законное» время. Очень уж взрыв вышел неожиданный и сильный. Солдаты проверяли заросшую дорогу, которая пересекала недавнюю линию фронта — и наши и немецкие траншеи. Пока надо было хоть дорогу очистить, до полей, лежавших слева и справа, очередь еще не дошла. Перед первой немецкой траншеей собака показала большой участок, густо уставленный противотанковыми минами. Мины оказались старые, разряжать их было нельзя, но и на месте взрывать не стали — пожалели дорогу. Командир приказал сдернуть их «кошками». Томилину и Вострикову поручили взорвать мины в стороне от дороги, когда наступит установленный час, а другие солдаты уйдут вперед не меньше чем на 300 метров.

Томилин и Востриков все сделали, как было приказано: дождались положенного времени, дали отделению уйти. Только взрывать мины поодиночке им не захотелось — сложили десяток тяжелых коробок в кучу и вставили зажигательную трубку со шнуром, длинным, почти в два метра. Пока он горел, солдаты могли спокойно уйти в безопасное место. Они укрылись в немецком дзоте с толстым бревенчатым накатом. Через узкую амбразуру можно было наблюдать за местом, где лежали мины.

Минеры спокойно стояли в дзоте, но взрыв ахнул такой, что обоих сбило с ног и засыпало землей — даже покрытие не защитило. Взрыв услышали и в палаточном лагере. Ударило так, словно рядом дал залп тяжелый дивизион. Возле дороги, где работали минеры, поднялось черное облако и долго не оседало.

Начальник штаба капитан Дедов взглянул на это облако и вскочил на первую попавшуюся ему машину. Только приказал шоферу: «Гони вовсю». На секунду остановился, встретив старшего сержанта Кириллова, который возвращался с отделением с другого задания. «Давай со мной!» — крикнул ему Дедов. И они помчались вместе, беспокоя гада, что за несчастье произошло и кто мог оказаться там.

Возле глубокой воронки у дороги стояли Томилин и Востриков — оглушенные, обсыпанные землей и ничего не понимающие. Навстречу бежали солдаты их отделения, ушедшего было на полкилометра вперед.

— Что за взрыв? — допытывался капитан Дедов, но Томилин и Востриков не могли объяснить, только сбивчиво рассказывали, что, правда, взорвали мины не по отдельности, а сразу десять или немного больше, но взрыв вышел такой, словно подняло целый пороховой склад.

— Детонация, товарищ капитан, — коротко доложил старший сержант Кириллов, успевший осмотреть ближние к дороге места. — Вон как разворотило кругом.

Действительно, по обе стороны от дороги были видны глубокие, еще курящиеся воронки, вывороченные кусты, расщепленные стволы деревьев. История прояснилась. От сильного взрыва десятка мин взорвалось целое противотанковое минное поле, а его еще более мощная взрывная волна ударила в другое поле, расположенное на склоне холма, и подняла его тоже на воздух. Все это произошло с такой быстротой, что человеческое ухо восприняло три взрыва как один.

Строго говоря, Томилин и Востриков нарушили правила — взрывать противотанковые мины кучей не полагалось, но результат оказался неожиданно благоприятным. Дедов в наказание заставил их сосчитать все воронки, и, если бы не белая ночь, солдаты не скоро могли бы доложить итог: взрыв сразу обезвредил 546 противотанковых мин.

Тут было о чем подумать. В батальоне и прежде пробовали убирать особенно трудные минные поля направленными взрывами, но только не в таких масштабах. Теперь случай показал, что это поразительно эффективный способ, и к нему стали широко прибегать. Старший сержант Кириллов, обладавший редким талантом минера, делал это особенно хорошо, только он не любил говорить о своих делах, потому и Вале Глазуновой ничего не рассказал.

Стояли светлые, нежаркие дни северного лета. Росли штабеля снятых мин. И каждый вечер гремели взрывы, уничтожавшие фугасы поодиночке и целыми полями. Но в земле вдоль маленькой речки Воронки взрывчатка словно и не убывало.

Чувствовать себя тыловиками минерам здесь и впрямь не приходилось. Как-то к палаточному лагерю приехал полковник, не очень чисто говоривший по-русски. Это был помощник командира

эстонской дивизии. Он сообщил, что части дивизии идут своим ходом через эти места. Куда идут, было нетрудно догадаться: дорога вела к Нарве, на фронт. И раз дивизия направлялась на небольшой пока плацдарм, созданный нашими войсками на эстонской земле, это заставляло думать, что новое наступление не за горами.

Полковник просил помочь в разминировании дороги. Дивизионные саперы уже осмотрели ее.

— Мин мы сняли много, но все ли — вот вопрос. Вы — фронтовая часть, про вас говорят, что делаете чудеса. Проверьте дорогу.

Были отправлены две группы минеров из взвода лейтенанта Михайлова. Во главе каждой шел боец с лучшей собакой, за ними — минер с прибором, слушавший в наушники гул земли, потом еще два солдата с собаками — поближе к краям дороги, — затем остальные со щупами и «кошками» для стаскивания найденных мин. Это был обычный порядок, он не раз уже оправдывал себя. Мин не находили — саперы эстонской дивизии поработали на совесть. Осталось проверить лишь участок, где дорога шла на подъем. И вот там собака ефрейтора Карманова замедлила шаг, начала принюхиваться, низко опустив голову, словно чуяла что-то, но сомневалась.

— Ищи, ищи, — сказал ей ефрейтор. Собака взглянула на него, понюхала-понюхала дорогу и села. Подошел боец с миноискателем, поводит рамкой прибора:

— Не слышу, прибор ничего подозрительного не показывает. Ошиблась собака.

— Собака хорошая, — заметил командир. — Может, взрывчатка все же есть?

Он приказал ефрейтору Карманову проверить подозрительное место щупом и сам стал работать с ним вместе. Искать им пришлось недолго. Нашли одну мину, потом другую. Тридцать три немецкие противотанковые мины сняли с дороги. Все в деревянных коробках.

Пока расчищали этот участок, стала подходить и дивизия, двигавшаяся форсированным маршем. Передовую часть остановило оцепление. Опять приехал полковник, горячо поблагодарил минеров: «Если б не ваши мастера, кто-нибудь обязательно бы подорвался».

Постоянное напряжение, в котором жили минеры, тревожило командира батальона. Он чаще, чем обычно, обходил поля, где

работали роты. Егора Сергеевича навещал особенно часто:

— Ты помни, что у тебя девушки, у них нервная система чувствительнее, чем у нас с тобой, и утомляются они быстрее, а несчастья больше всего и происходят от утомления.

Но несчастье, поразившее всех в те дни работы в Долине смерти, произошло все-таки не в девичьей команде.

Как-то лейтенант Маляхин, командир соседнего взвода, отправился на разведку оврагов восточнее деревни Петровицы, вернее, бывшей деревни. Она, как и другие деревни в этом районе, была уничтожена фашистами. По всем признакам, овраги таили в себе много опасностей. В их склонах немцы в свое время нарыли землянки, блиндажи и, конечно, прикрывали их густыми минными полями и ловушками. Маляхин хотел на месте определить план предстоящих работ. Место было неудобное для минеров. Он отправился к оврагам, взяв себе помощником Кириллова.

Осторожно, пробуя землю щупами, дошли до первых землянок. Тут у немцев стояло, должно быть, боевое охранение. Дальше шли ряды густой проволоки. Разыскали проход и двинулись по нему. Самое опасное место — подходы к боевому охранению — осталось как будто позади.

Кириллов спустил с поводка своего Дика и оглянулся на Маляхина, подошедшего вплотную:

— Вы бы держались подальше, товарищ лейтенант. Правила, они ведь обязательны для всех...

Маляхин убавил шаг. Он не успел заметить, что произошло. Может быть, Кириллов задел щупом проволочку, невидимую в траве, может быть, ее зацепила ногой собака — трава была такая высокая и густая, что скрывала даже крупного Дика, — но вдруг прогремел взрыв, и в воздухе просвистело несколько шрапнелин или осколков. Маляхина не задело. Дик тоскливо взвизгнул и бросился к Кириллову. Тот лежал неподвижно, приняв большую часть шрапнельных пуль на себя. Дик обнюхал его, подsunул морду под тело хозяина, точно пробуя поднять, потом лег рядом и горестно завыл.

Девушки работали далеко от того места, они не слышали взрыва и ничего не знали. Лишь вечером, когда команда уже подошла к лагерю, кто-то спросил дежурного по привычке, потому что тревога за

товарищей постоянно жила где-то в глубине души или потому, что ее пробудила странная, необычная тишина в лагере:

— Все в порядке, ничего не случилось?

— Кириллов, — дежурный показал рукой в сторону, туда, где лежало привезенное с поля тело погибшего.

Девушки побежали, строй рассыпался. Валя Глазунова опередила подруг. Она упала на землю, обхватила руками мертвого, закричала громко, по-бабьи, никого не стесняясь, никого не замечая:

— Родной мой, любимый!

Она рыдала и билась на земле, девушки не скоро смогли ее увести...

ПРОПАВШАЯ БОМБА

По календарю уже начиналась осень, а дни стояли звонкие и ясные, на березах в лесу совсем еще не было видно желтых листьев, и легкий ветерок нес не осеннюю паутину, а сухую теплую пыль дорог и сладкие запахи ягод.

— Как в июле, — говорили девушки, вытирая разгоряченные лица. — Или тут, в Эстонии, настолько теплее, чем в наших краях?

Они шли уже по эстонской земле, но все вокруг было очень похоже на знакомые с детства леса и поля близ Ленинграда. Только вот жарко, но это просто выдалась такая погода. Разница была в другом: на ленинградской земле они видели сожженные врагом деревни и заросшие бурьяном поля-«зону пустыни», которую гитлеровцы оставили после себя. Тут же, в Эстонии, стояли нетронутые хутора, поля желтели ровной щетиной стерни — немецкие части стремительно бежали и многое уничтожить не успели. Все же война оставила свои следы и здесь, много следов. Девушки-минеры видели их, пожалуй, лучше, чем кто-либо иной.

Серые полосы шоссе уходили за горизонт, как натянутые ленты. Петляющие проселки взбегали на пологие холмы и терялись в зеленом сумраке леса. Война ушла вперед, а тут, в зелено-желтой тишине полей и лесов, все казалось спокойным и мирным. Но спокойствие это было обманчивым. Минеры настороженно двигались по пустынным дорогам, внимательно присматривались к поведению собак, прослушивая землю приборами, прощупывая ее металлическими прутьями.

Работы у девушек было опять больше, чем следовало взваливать на них согласно нормам, но взваливать приходилось, потому что война не ждала и с ее требовательным «надо» спорить никто не мог. И хотя

снова усталость валила с ног и притупляла чувства, они шли вперед, радуясь по-летнему свежей зелени, тишине леса. Вид мирных хуторов на желтых полях и стад, спокойно пасшихся на лугах, согревал души, измученные зрелищем бесконечных разрушений.

А потом из молчаливых лесов, от тихих хуторов к ним приходили насупленные, встревоженные люди, и пропадало очарование задумчивой тишины, оставались лишь жестокие будни войны.

Люди рассказывали все о тех же минах, о страшных складах, оставленных врагом. Для минеров это означало новую работу, часто сверх той, что сделали они по сегодняшнему приказу. Сколько раз так бывало!

Кажется, это случилось недалеко от Тарту. Пришли к ним два пожилых крестьянина — высокие, неразговорчивые, в шляпах с полями, свисавшими как шляпки грибов.

— Там поле худо, рожь стоял, убрать не можно. Минен, минен, бах-бах! — объяснял один из них. Его спутник молча кивал головой и смотрел на минеров с надеждой и сомнением.

Петров долго переспрашивал их, пока разобрался. Ржи в поле сжато немало, наверно, тонны две можно будет намолотить. Три дня только, как сжали, а вывезти не удалось. Началось наступление, и немцы, пытаясь задержать прорыв нашей пехоты, устроили оборонительный рубеж как раз на этом поле. Крестьянин с семьей спрятался в подвал, сидел, прислушиваясь к шуму боя. В подвале прятались двое суток. Когда стрельба утихла, вылезли наружу. Вокруг хутора не было никого. Немцев прогнали, и наши пехотинцы тоже ушли вперед. Хозяин бросился к беспокойно мычавшей, некормленной скотине, его сестра пошла посмотреть хлеб. Скошенная рожь стояла высокими бабками. Женщина только ступила на поле, и произошел взрыв. Ей раздробило ногу. Тут уж сбежались люди, вся семья и соседи. Пока раненую укладывали на телегу и обсуждали несчастье, соседский мальчишка не углядел, отпустил бычка, и тот тоже пошел на поле и подорвался.

— Совсем нельзя идти в поле. Просим, товарищи, хлеб пропадает...

— Понятно, понятно, — говорил Егор Сергеевич. — Завтра посмотрим ваше поле. Сейчас уже темнеет.

И с утра минеры на поле — далеко от дороги, где работала их команда. Для наметанного глаза картина выглядела довольно ясно. Немецкие противопехотные мины стояли длинной полосой в два ряда. Густо стояли, одна от другой через метр, разыскать их под холмиками мягкой земли, присыпанными соломой, было не так уж трудно. И девушки уверенно работали на минной полосе. Только в одном месте задержались. Минная полоса здесь прерывалась, но не там, где женщине раздробило ногу, и не там, где подорвался бычок, — те места были видны издали, чернели воронками, — нет, никаких следов сработавших мин здесь нельзя было заметить, но четырех штук в полосе не хватало.

Может быть, случайный пропуск, забыли поставить второпях? Однако минер не может рассчитывать на случайность, всему надо найти объяснение. И девушки кололи землю щупами, выслушивали прибором. Щупы ничего не показывали, прибор молчал.

— Под стогами, в бабках смотрели? — спросил подошедший сержант Тетерин.

— Нет, все мины в полосе.

— Мало ли что...

Тетерин направился к снопам и стал их осторожно осматривать.

— Ну, так и есть. Здесь они, чертовы грибочки.

Закончили работу, когда уже вечерело. Мины не разряжали, снесли в кучу и подорвали разом. В избах на хуторе звякнули стекла.

— Теперь все, теперь можете спокойно убирать хлеб, — устало сказал сержант хозяину.

Тот вынес из дома большой кувшин с теплым пенящимся молоком, жестом предлагая минерам попить. Жена крестьянина щедро резала большими, тяжелыми ломтями свежий, только сегодня испеченный хлеб и, кланяясь, просила солдат не отказаться от угощения.

— Чего ж, — согласился сержант, — молочка с хлебцем — это можно.

...Бомбу нашла Аня Родионова. Случилось это тоже недалеко от Тарту. Команда осматривала поселок, искала взрывоопасные предметы, оставшиеся после боев. Предметов хватало — снаряды,

ручные гранаты, фугасы, — каждый из них мог в любую минуту вызвать несчастье.

Что можно — минеры увозили, что нельзя — подрывали на месте.

Бомба, которую нашла Аня, лежала в нескольких шагах от деревянного домика, неглубоко зарывшись в землю. Не очень большая бомба — на сто килограммов.

Аня осмотрела стального «поросенка», поставила красный флажок и направилась к домику с наличниками. За окнами висели аккуратные занавески. Аня вздохнула и поднялась на крыльцо. Надо было предупредить хозяев.

Ей открыл пожилой человек с трубкой в зубах, из-за его спины выглядывали женщина со старательно уложенной прической и двое детей. Аня стала объяснять, что бомба, лежащая возле дома, очень опасна и ее ни в коем случае нельзя трогать. Упала с самолета и не взорвалась, но это ничего не значит. Именно теперь, когда она была сброшена и ударилась о землю, ее взрывной механизм в таком состоянии, что может сработать от пустякового толчка.

Хозяин слушал, спокойно попыхивая трубкой. То ли он плохо ее понимал, то ли был таким уж невозмутимым.

— Значит, не трогать и близко не подходить, — повторила Аня и особенно выразительно посмотрела на детей. — Иначе от всех будет мокрое место.

Впрочем, последние слова хозяева-эстонцы могли и не понять.

— Убьет всех насмерть, — добавила Аня.

Хозяин был все так же невозмутим. Покуривал и кивал головой. Он взволновался, когда Аня вернулась с командиром отделения и лейтенантом Петровым.

Егор Сергеевич несколько раз обошел бомбу. Случай был простой и совершенно ясный. Беспокоило только, что бомба лежит так близко от дома.

— Ну, делать нечего, — вздохнул он, — подрывать надо, только дом пострадает. Бомбу двигать нельзя, а дом тоже не сдвинешь.

— Мы примем все меры, — сказал Петров хозяину. — А вы снимите двери и окна, вынесите вещи, уведите со двора скотину и кур. И сами уходите. Завтра утром будем подрывать. Успеете все сделать к завтрашнему утру?

Хозяин перестал курить, лицо его сделалось испуганным. Женщина заплакала, и, глядя на нее, стали плакать дети. Хозяин заговорил быстро, от волнения путая русские и эстонские слова. Он — бедный крестьянин, у него семья, офицер же видит. Куда они денутся? Теперь уж и до зимы недолго.

— Сделаем все, что можем, но взрывать надо, — снова объяснял Петров. — Дом все же не голова, а сколько людей погибает каждый день? Почините дом.

У него самого было тяжело на сердце, но что он мог сделать?

— Значит, к завтрашнему утру, — повторил он и пошел прочь. Через час надо было поспеть в штаб на занятия офицерского состава, а до штаба предстояло отшагать порядочно.

Егор Сергеевич вернулся к домику на следующий день сразу после завтрака, которым Минеров кормили очень рано, чтобы они не теряли светлое время суток. Подорвать стокилограммовую бомбу было нехитрым делом, с этим вполне бы справился и командир отделения, опытный взрывник, но Петрова растревожил вчерашний разговор с крестьянином, хотелось еще раз посмотреть самому, все сделать, чтобы взрыв принес меньше вреда.

Он подошел к домику с отделением бойцов и сразу рассердился. Все выглядело здесь как вчера. По двору гуляла наседка с цыплятами, в окнах поблескивали стекла, одно окно было открыто настежь, и сквозь него Петров увидел хозяйку, неторопливо носившую по комнате какие-то вещи. Судя по ее движениям, она их не собирала, а скорее расставляла. В палисаднике играли дети.

Хозяин с трубкой в зубах вышел навстречу минерам.

— Вы что, шутки с нами шутить вздумали? — накинулся на него Егор Сергеевич. — У нас лишнего времени нет.

Он повернулся в сторону, где лежала бомба, и замер, не увидев поставленного флажка. Быстро шагнул туда, посмотрел внимательно. Что за черт, бомбы не было!

— Да вы в своем уме? — разозлился уже не на шутку Петров. — Кто вам разрешил трогать бомбу, куда вы ее дели?

— Я не трогал, — заговорил хозяин, — я ничего не знаю. Вечером собирали вещи, ночью только и поспали часок. Встал пораньше, чтобы все приготовить, и вдруг увидел, что бомбы нет. И ничего об этом не знаю.

— Немедленно покажите, где бомба, иначе я вызову милицию, — она уже есть в районе. Нашли с чем шутить, с бомбой!

Но хозяин упорно твердил, что он ничего не знает, ничего не может сказать.

— Я таких оправданий и слушать не хочу!

И тут, решительно одернув свою гимнастерку, к Петрову подошла Аня Родионова.

— Разрешите, товарищ лейтенант! Он правда ни при чем. Это мы... Мы унесли бомбу.

— Да ты что?

— Это мы, — повторила Аня, и голос ее дрогнул. — Спрашивайте с нас. Очень жалко стало людей. Столько горя везде, такое разорение, а тут мы своими руками их без дома оставим. Унесли мы бомбу.

— То есть как унесли?

— Ночью, когда все спали. Взяли санитарные носилки, положили на них того «поросенка» и осторожно унесли. Мы ведь привычные, знаем, как надо. Она недалеко тут, в овражке. Хорошее место, там спокойно и подорвем. Вы поглядите сами.

Девушки стояли потупившись, готовые принять бурю, которая должна была сейчас разразиться.

— Ну, знаете... — Егор Сергеевич вспомнил вчерашние занятия в штабе. Там выступал комбат, говорил о том, как много сейчас у минеров работы и как надо при этом неукоснительно выполнять все правила, особенно касающиеся безопасности. Люди к опасности привыкли, но это имеет и свою отрицательную сторону, иногда они склонны идти на излишний риск, а минер слишком дорого платит за небрежность и ошибку, чтобы это можно было хоть в какой-то мере допускать. «Удвойте требовательность в соблюдении всех правил работы», — настаивал командир.

Егор Сергеевич подумал о том, как примут его доклад о происшествии с бомбой. Ничего приятного ждать не приходилось, а докладывать надо было сегодня же, немедленно. Это же нешуточное происшествие!

Он посмотрел на эстонца, стоявшего перед ним со своей трубкой, на ребят, копошившихся в палисадничке, на курицу, шествовавшую с цыплятами по двору, и, странное дело, у него вдруг полегчало на сердце.

— Пошли посмотрим, где ваша бомба, и будем взрывать, —
проговорил он, не глядя на притихших девушек.

ПИСЬМО

Это письмо не о войне.

Что может писать о ней юноша, родившийся, когда уже давно окончились последние бои?

Сын с гордостью и болью пишет о матери, ушедшей из жизни. Он пишет о ней, как о человеке удивительной душевной силы, большого сердца, ясного ума. Этот образ будет стоять перед ним всегда, будет вести его по жизни, не давая сбиться, не позволяя искать окольных, легких путей. Читая строки письма, проникнутые истинным и глубоким сыновним чувством, понимаешь, что в главном, существенном он ничего не преувеличил.

Иногда сын вспоминает большое, иногда то, что запомнится только ребенку, но ведь сердце человека порой раскрывается в малом, как и в самом большом.

«Мать меня любила очень сильно. Каждый, кто помнит свою мать, тоже может сказать, что был любим ею. Это верно, только у моей матери любовь была особенная. Сейчас, когда мне 21 год, я понимаю, что это была умная любовь, руководствовавшаяся одним желанием — вырастить из меня Человека».

Он вспоминает несчастный случай, происшедший с ним, тогда пятнадцатилетним мальчиком, в школе. Он получил ожоги лица и рук. Боль была жгучей, непереносимой, а еще больше испуг и обида. Никто не мог его успокоить, унять его слезы — ни учителя, ни директор школы, ни врачи «Скорой помощи», делавшие перевязку. Мальчик ждал маму, ждал ее ласкового слова и утешения. И мама прибежала. Она была бледная, рот так сжат, что губы стали почти не видны. Но сын все это заметил лишь потом, а сразу он увидел ее строгий

укоризненный взгляд: «Как тебе не стыдно реветь. В жизни не такое может случиться, но ты человек, ты мужчина». Мальчик прочитал это в ее глазах и сразу перестал плакать.

На пути в больницу он не издал ни стона, хотя боль не стихала. Он держал себя в руках. Этого требовала мама, и она была с ним! Она была с ним все время, не спала, когда он не мог заснуть, боль, которую он испытывал, терзала ее сердце, но сын не услышал от нее жалостливых слов. Она только изредка легким движением поглаживала его руку, и это прикосновение тоже говорило: «Держись!» Твердость матери делала сына мужественнее и сильнее.

А потом, через годы, сын увидел мать, мучимую тяжким неизлечимым недугом. Ее дни были уже сочтены.

Отец и сын знали об этом и всячески скрывали от нее, а она тоже знала и тоже скрывала, чтобы не тревожить, не огорчать их. Она ничем не выдавала страданий. Сын видел ее всегда приветливой и спокойной.

Она не давала болезни свалить себя почти до последнего дня. Ей не хотелось, чтобы близкие видели ее в тяжелой обстановке больничной палаты, предпочитала встречаться с ними в комнате отдыха, часто садилась за рояль и долго играла. Или усаживала за рояль сына. Большинство больных были мужчины, и не так тяжело хворавшие, как она, и все же именно эта женщина их ободряла, заставляла улыбаться, забывать свои несчастья.

Такой открытой людям, интересующейся их делами — значительными и не самыми важными — сын видел свою мать всегда. Он знал, что ее любят и ценят на работе — она часто получала похвальные грамоты, награды. Приносила грамоты домой и прятала, чтобы потом ни разу не вынуть, не показать другим. Но сын-то знал! И в доме, где они жили, всегда к ней шли соседи рассказать о своем горе или радости, посоветоваться. И она умела всех выслушать, умела дать совет...

Вот об этом письмо, не о войне.

Но Маргарита Борисовна Коваленко и Вера Петровна Алексейчик (прошли годы, сейчас окружающие уже не зовут их просто Ритой и Верой, да и фамилии стали другие, не Меньшагина, а Коваленко, не Александрова, а Алексейчик) читают письмо Саши Белова, молча передают одна другой исписанные твердым почерком листки, и вспоминаются им давние военные дни и тогдашняя их подруга —

маленькая ленинградская девушка Маша Яковлева. Беловой Маша стала уже после войны. Впрочем, о том, что она станет Беловой, они догадывались давно, еще тогда, в сорок третьем... Наши войска прорвали блокаду, и узкая полоска земли вдоль Ладожского капала, раньше всегда пустынная, мшистая, заросшая низкими разлапистыми деревьями и цепкими кустами, сейчас была заполнена людьми. На этой полоске земли спиной к Ладоге стояли войска, защищавшие вновь проложенную по «коридору» железную дорогу, единственную, питавшую Ленинград и фронт. Вдоль этой нити жизни работали строители и путейцы. У них хватало дел, потому что немцы целыми днями обстреливали дорогу, а по ней каждой ночью должны были ходить поезда. Составы шли без гудков, с погашенными огнями, но все равно на виду у врага. Шли один за другим.

Здесь, между озером и передовой, которая отстояла от озера всего на несколько километров, занимали позиции тяжелые батареи. Они вели непрекращающуюся дуэль с артиллерией немцев. И тут, у канала, разместился армейский штаб с многочисленными службами и тылами, медицинскими учреждениями, пунктами сбора донесений, телеграфом, даже банно-прачечным отрядом.

Густой ольшаник скрывал людей, шалаши и землянки от воздушного наблюдения, но только не от комариных полчищ, издревле царивших на этих болотах. Сонмы комарья правили здесь свой пир. И еще были соловьи. Может, тут были тоже их заповедные места, а может, в то лето их собралось особенно много по какой-то неведомой людям причине, но соловьи неистовствовали. По вечерам их щелканье и трели победно разносились по лесу, бушевали в зеленом сумраке и вправду лишали солдат сна.

Работали у Ладоги и фронтовые минеры. Командир батальона отправил туда два взвода. В одном взводе были девушки. Сержант Дмитрий Белов служил во втором, который получил для разминирования участок поодаль, в районе, занятом передовыми частями. А девушки обследовали расположение армейского штаба, они то и дело находили между шалашей и землянок снаряды и ручные гранаты, взрывные ловушки и кусты мин. В этих поисках проходили целые дни, трудно было вести разминирование в плотно занятом армейскими учреждениями районе. К своим шалашам девушки возвращались очень поздно. Они предельно выматывались за день, а

все же не торопились спать, сидели, отгоняя ветками комарье, слушали соловьев. В такой вечер сержант Белов, посланный к командиру девичьего взвода с каким-то поручением, и увидел впервые Машу. В части он ее не встречал, а может быть, просто не обращал на нее внимания. Но тут обратил. Несколько девушек сидели возле низенького шалаша, а соловей разливался, захлебывался трелями совсем рядом. Девушки о чем-то тихо шептались. Может, были среди них и более красивые, чем эта маленькая Маша — ее красота созрела как-то позже, с годами, а тогда ей не было двадцати, и выглядела она еще моложе, — но Дмитрий Белов заметил ее одну...

После этого Белов уже не ждал поручений командира, а сам находил повод, чтобы забежать во взвод, где служила Маша. Ему повезло — вскоре они получили новый участок работы, почти рядом с «девичьим», теперь можно было встречаться по несколько раз в день. Сержант Белов был не робкого десятка, да и годами постарше Маши — в армии служил еще с довоенного, сорокового; «кадровый», говорили про него. Высокий, плечистый, с медалью «За отвагу», Белов ходил уверенно и знал себе цену. Он был прекрасным минером и человеком спокойной, непоколебимой отваги, которую показал во многих боях. И все-таки Белов не сразу решился заговорить с этой маленькой черноволосой девчушкой. Что-то мешало.

Может быть, он еще долго ходил бы так, но однажды увидел Машу растерянной — она сидела над миноискателем.

— Что, не ладится? — спросил Белов, удивляясь, откуда появилась какая-то неуверенная нотка в собственном голосе.

— Не ладится, — сказала Маша. — Тяжело мне с ним работать. Таскаешь, спина от него болит, а в работе капризный.

— Давайте проверим вместе, — предложил Дмитрий, — я вечером забегу.

И вечером они долго колдовали над прибором. Вместе разобрали, вместе собрали, настроили. Белов подкладывал под рамку миноискателя металлические предметы, какие оказывались под рукой, — то стакан снаряда, то карманный нож. Звук в наушниках менялся, и Белов объяснял, как по этому звуку определять размеры металлических предметов и даже их форму, чтобы, не раскопав еще землю, примерно узнать, что там — мина, снаряд или просто кусок старой жести.

Потом уже пошли неслужебные разговоры. Маша рассказывала Белову о своей доармейской жизни, о школе, о работе на заводе, о блокаде и, вспоминая что-то особенно дорогое ей или, напротив, тяжелое, мучительное, доверчиво брала сержанта за рукав гимнастерки.

Они ни от кого не таились, не скрывали радости, которую приносили недолгие встречи в перерыве между часами работы или тут, у шалашей, по вечерам. Девушки быстро заметили, как оживляются глаза их маленькой Маши, когда приходит этот большой и ладный сержант. Иногда над ними подшучивали. Языкастая Валя Родионова не могла упустить такого случая.

— Девочки! — кричала она при появлении сержанта, прикидываясь, что не видит Машу, стоящую рядом. — Девочки, ау, куда у нас Яковлева подевалась?! Ищите, девочки, надо помочь сержанту Белову, все глаза проглядел.

Или не выдерживала Вера Александрова. Конечно, она была сержантом, и это обязывало сохранять некоторую солидность, но очень уж она любила пошутить...

— А вы знаете, — начинала она вдруг, — сегодня же чепе случилось в обеденный перерыв. Неужели не заметили? — Вера загадочно глядела на подруг. — Еще какое чепе! Сержант Белов заблудился на минном поле и свое отделение потерял. Счастье, что на наше отделение наткнулся, а то бы пропал. Жалко, такой отличный сержант. Ну а уж как попал к нам, до того обрадовался, что и просидел весь перерыв около Маши Яковлевой, даже половину супа съел из ее котелка да ее же ложкой. Машенька голодная осталась, зато уж наговорились они, налюбезничались вдосталь.

Девушки смеялись, а Маша заливалась краской так, что слезы выступали на глазах.

— Да ну вас, девчонки, выдумаете тоже!..

Она вставала и уходила от них, расстроенная и смущенная. Но появлялся Белов, и она, сразу забывая о шутках подруг, вспыхивала уже от радости и спешила ему навстречу. А потом шутки прекратились. И если Валя Родионова начинала что-то говорить на их счет, то девушки ее быстро обрывали. Они видели — тут настоящее, большое чувство.

Как-то Белов и Маша сидели на бревнышке. Был вечер, комарье, вылетев из своих убежищ, набрасывалось на людей. Белов курил и размахивал веткой, прогоняя кровопийц. Маша болтала что-то и смеялась легким, счастливым смехом. Они редко говорили о будущем. Кончилась бы война, там все определится, а главное они знали твердо — после войны они будут вместе, если только доведется дожить. В такие минуты, когда они оказывались рядом, думать о плохом не хотелось: конечно, доживут, конечно, будут счастливы. Разве можно не быть счастливыми, когда кончится война и жизнь станет удивительной и необыкновенной, потому что это будет мирная жизнь?

В этот вечер Белов сказал Маше:

— После войны поедem ко мне в Москву. Там и учиться будем, нам ведь обоим учиться надо.

Лицо Маши стало задумчивым и тревожным.

— Главное, не потерять друг друга. Мало ли что может случиться...

— С тобой ничего не случится, я уверен... Я постоянно думаю о тебе. — Он взял ее руку в свою широкую ладонь.

— Нет, правда, Митя, серьезно. Дай мне адрес твоих родных и запиши, пожалуйста, где живет моя сестра Нина. Куда бы ни занесло тебя или меня, через них сможем разыскать друг друга.

— Хорошо, — сказал Белов. — Вот моя записная книжка, напиши сама Нинин адрес, а я запишу тебе адрес своих.

Это был не просто обмен адресами, это было обещание верности, это была их клятва.

А потом наступила разлука, неожиданная, как часто случалось на войне. Один звонок по телефону — и девичий взвод сразу собрался. Побросали свои вещевые мешки в кузов машины, погрузили нехитрый скарб и собак — и в путь. Маша даже не смогла попрощаться с Беловым.

Больше они и не виделись во время войны. С Ладожского канала девушек перебросили к Пулкову. Минеры работали там не раз, только раньше они ставили заграждения, расширяли и усиливали минные поля, теперь надо было мины снимать. Начиналась подготовка к большому зимнему наступлению. И девушки работали с радостью, самозабвенно.

Не раз их настигал на минном поле артиллерийский обстрел. Падали снаряды, и от их разрывов срабатывали мины. Девушки

шутили:

— Немец на нас работает, меньше надо будет разминировать.

Но раздавался свисток, звучала короткая команда:

— В укрытия, быстро!

Какие уж шутки, когда убойная сила каждого снаряда умножалась взрывами мин на земле.

Однажды во время очередного обстрела Маша Яковлева замешкалась. То ли, увлеченная работой, не услышала команды и свистка, то ли не хотела отрываться от дела. Она только что подобралась к кусту противотанковых мин. И тут разорвался снаряд. Совсем рядом. Ее обожгло взрывом, осколки впились в ноги, перебили левую руку, один попал ей в горло. Девушки подобрали Машу, потерявшую сознание, истекавшую кровью. Положение было слишком серьезным, чтобы можно было оставить ее в санчасти. Наскоро перевязали и повезли в госпиталь.

— Выживет? — спрашивали подруги у врача. — Поправится Машенька?

Врач неуверенно пожимал плечами:

— Очень тяжелые ранения...

Это же сказали Белову, когда он вернулся в часть. Прошло недели две, с тех пор как Машу ранило, а он ничего не знал, только тревожился, что не получает писем. Теперь он пробовал узнать что-нибудь о ней в санчасти, но и там новых сведений не имели — отправили ее в эвакогоспиталь, оттуда, наверное, дальше, может, в тыл.

Так Дмитрий Белов потерял Машу. Он писал в эвакогоспиталь, но не получал ответа. Тогда он стал ждать писем: если она жива, то обязательно напишет. Но она не писала. Потом стал писать Машиной сестре. Может, та что-нибудь знает? Но Машина сестра тоже не отвечала. Не раз ему приходилось слышать горестное:

— Видно, умерла твоя Маша, такие ранения...

Он упрямо мотал головой:

— Не могла она умереть. Я уверен, найдется.

Но Маша не находилась. Никакой весточки не получал от нее Белов. Будь он в Ленинграде, может, отыскал бы способ что-либо узнать. Но вот как-то его вызвали в штаб части.

— Человек вы, сержант, заслуженный, грамотный, — сказали ему. — Командование считает, что вы будете хорошим офицером.

Посылаем вас на учебу в Ленинградское инженерное училище. Только оно теперь эвакуировано в Кострому. Получайте командировочное предписание, литер и отправляйтесь.

Из Костромы он продолжал искать Машу, писал ее сестре, писал в часть, писал по каким-то еще адресам. Все было напрасно.

А Маша долго лежала в госпиталях. Врачи залечили ее перебитую руку, ноги, мелкие ранения, ожоги. Они выходили ее, но рана в гортани была слишком тяжелой. Маша выжила, только дышала и говорила она с помощью вставленной в горло серебряной трубки.

Некоторые письма Белова доходили до нее. Она читала их, перечитывала и долго плакала в подушку. Решение ее было неизменным — она не хочет, чтобы он видел ее калеккой, чтобы из жалости связал свою судьбу с ней. Пусть лучше думает, что она умерла...

Она выписалась из госпиталя и поступила на завод, с которого ушла в армию в 1942 году. А письма из Костромы все шли, тревожные, умоляющие. Она читала эти письма вместе с сестрой Ниной, вместе плакали. Сестра уговаривала ее:

— Надо кончать эту муку. И он страдает, и ты. Напиши всю правду.

Белов получил от Маши коротенькое письмо уже после войны, в августе 1945 года. Да, она жира, но стала инвалидом, все изменилось, и не надо вспоминать о прежнем. Счастья, которого они ждали, не будет, оно убито на войне.

Однако слишком дорога была она Дмитрию, чтобы он теперь отступился. Белов приехал в Ленинград и нашел ее. Он ничего не хотел слышать: он любит ее, она одна ему нужна, и все это глупости, что она инвалид, даже и не заметно.

Они поженились через год, а еще через два года родился сын Саша. Они жили счастливо, хотя счастье это не было спокойным. Армейская судьба бросала Белова, сперва лейтенанта, потом капитана, потом подполковника, то в Одессу, то в ГДР, то в другие края. Надо было покидать насиженные места и привычную работу, расставаться с близкими и друзьями, но все равно долгие годы они были счастливы.

Болезнь скосила Машу молодой — в сорок лет с небольшим. Болезнь эта была последствием старого ранения. Но годы свои она прожила красиво, а сколько кому отмерено, никто заранее не знает. И

остался от ее жизни добрый след, и сын сохранит не только солдатский орден Славы, которым была награждена на фронте минер Маша Яковлева. Он будет помнить прямого, чистого, мужественного человека — мать, и этот образ поможет ему на жизненном пути.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НИНЫ БУТЫРКИНОЙ

Товарищ лейтенант, вас вызывают.

Егор Сергеевич поднял голову от донесения:

— Кто?

— Девушка какая-то, — доложил дневальный.

Егор Сергеевич отложил блокнот и пошел к дверям. На пороге барака к нему бросилась девушка в гимнастерке:

— Товарищ старшина, ой, нет, товарищ лейтенант!

Она схватила его за руку, обняла, и Петров уже не слышал слов, только всхлипывание.

— Бутыркина? Нина?

Он немного отстранил ее, оглядел. Маленькая, худая, мальчишка-подросток, да и только. Как будто стала еще меньше, чем когда пришла в часть в блокадном сорок втором году.

— Ну-ну, а слезы зачем? — говорил Петров. — Ведь живая, ведь на своих ногах!

— Да я от радости. — Ее голос прерывался. Она вытерла рукой слезы и сделала несколько шагов по двору. Петров видел, как она старается не хромать, и все равно припадает на одну ногу.

— На своих, да не совсем...

— Откуда ты? — спросил Петров.

— С Большой земли, — сказала Нина и поправилась: — Из тыла, — потому что Ленинград сам уже был Большой землей, за полгода до того освободился от блокады. — Сегодня приехала. Как в мирное время, прямо на Московский вокзал. И сразу в часть, повидать вас всех. Домой даже не заходила.

Нина показала на вещмешок, висевший, за ее плечами, и стала сыпать вопросами: как девочки, все ли живы, где сейчас?

Она спрашивала и спрашивала. Петров отвечал и никак не мог отвести взгляд от ее ноги в тяжелом неуклюжем башмаке. Проклятая война, вот что сделала с девчонкой...

Нина Бутыркина подорвалась в первый же день, сразу, как вышла на минное поле. Всего и сделала несколько шагов. Егора Сергеевича это мучило до сих пор: не научил как следует, что ли? А ведь Бутыркина была хорошим бойцом. Она несла службу связной, бывало, по несколько раз в день пробиралась с КП от Средней Рогатки к Петрославянке и к Московской Славянке на передовую. Потом возила раненых через Неву, когда прорывали блокаду. Она научила свою упряжку двигаться ползком: огонь был такой, что и собаки в рост идти не могли — надо было припадать к снегу. А все-таки раненых вывозили. Она одна эвакуировала с поля боя сорок с лишним человек.

Минное дело знала как будто хорошо. Петров часто спрашивал ее, проверял на занятиях, даже ставил в пример другим. И вот надо же, подорвалась на первой мине. Петров долго винил себя в этом. Но разве в его силах было оградить девушек от той смертельной опасности, которая неотступно идет рядом с минером?

Сама Нина плохо помнила, как все произошло. Только двинулась вперед со щупом, и вдруг ее ударило, швырнуло. Кто-то пронзительно закричал рядом. Потом уж шли обрывки воспоминаний. Девушки несли ее. Они были в одних нательных рубашках из желтоватой бязи с тесемками под самым горлом. Нина не сразу сообразила: гимнастерки они сняли и связали вместе, чтобы нести ее на этих самодельных носилках. Сознание то возвращалось, то снова покидало ее. И было даже лучше, когда покидало, потому что возвращалось оно вместе с непереносимой болью. Точно огнем жгло ноги, все тело ломило.

Она помнила, как ее пронесли мимо землянок. Кажется, еще перевязали в санчасти. Может быть, она это сознавала, может, просто знала, что так должно быть. В ее карточке записали, что ступня одной ноги раздроблена, вторая ранена. И, кроме того, контузия. Мина, на которой подорвалась Бутыркина, была небольшая, противопехотная, но от взрыва сработало еще несколько мин, и взрыв получился сильный. Перевязка отняла последние силы. Нина снова впала в беспамятство и очнулась только на операционном столе.

Операция была долгой, одну ступню ампутировали, другую зашили. Когда Нина очнулась, это было уже позади. Ее подняли, чтобы положить на каталку.

— Вот и нет моей ноги, — сказала она и опять лишилась сознания. У нее был тяжелый шок, врачи трое суток бились с ней и уже теряли надежду.

Она открыла глаза и увидела майора медицинской службы. Он сидел возле койки, держал ее за руку. Лицо у майора стало радостным, даже счастливым.

«Чему он радуется?» — удивилась она. Ведь этого майора Нина видела в первый раз.

— Ну, девушка, теперь будете жить долго. Благодарите свое сердце, — сказал врач.

Нина ничего не ответила, только чуть подвигала губами. Она не знала, что сказать, да и не было сил.

Майор обещал, что она будет жить долго, но поправлялась Нина очень медленно. Ей давали лекарства, носили на перевязки. Она ждала перевязок со страхом, была слишком слаба, чтобы переносить эту муку, ее организм был очень ослаблен — не прошла даром блокадная зима.

Три недели она пролежала в ленинградских госпиталях, и ей предстояло еще долго лежать, а на фронт вернуться она не могла и вовсе. Потому ее не оставили в Ленинграде, а погрузили в санитарный поезд, и начался бесконечный путь. Везли на машине через Ладогу, потом в поезде. Поезд был огромный — тридцать пять набитых ранеными вагонов, — и двигался он три недели, колесил по стране через Вологду, Урал, Среднюю Азию к Каспийскому морю. Персонал сбивался с ног. В пути удавалось сделать только самое необходимое. Санитарный поезд все-таки не больница.

Нина не могла жаловаться на недостаток внимания. Она была единственной девушкой во всем огромном эшелоне. О ней заботились не только врачи и сестры. Раненые собирались возле ее койки, старались развеселить, рассказывали смешные истории, пели песни, угощали чем могли. Проснувшись, она находила на своей койке то конфету, то печеную картошку, а то и арбуз.

Но чувствовала она себя очень плохо. Началось нагноение, резко подскочила температура. От слабости, от лихорадки и от постоянных

неотпускающих болей она то тихо плакала, то теряла сознание.

Эшелон был уже в Средней Азии, в вагонах стояла невыносимая жара, а они все не могли добраться до места. Они даже не знали, куда их, в конце концов, везут. Но ехать предстояло, очевидно, еще немало, потому что однажды Нина услышала разговор врачей. Они осмотрели ее и отошли в сторонку.

— Надо оставить в Ташкенте, иначе не довезем.

Нина подняла голову.

— Ни за что! Хоть трупом, а поеду со своими, с ленинградцами. Куда все, туда и я!

И ее повезли дальше. В Красноводске перегружали с поезда на пароход. Несли на носилках, а по дороге стояла толпа. Женщины тревожно всматривались в лица, может быть, искали мужей или сыновей. Увидев Нину, начинали плакать:

— Ой господи, девушка, такая молодая!

— Девушка, — сказал и капитан парохода, остановив санитаров с носилками. — Куда вы ее в трюм? Несите в комсоставскую каюту.

Все заботились о ней, но до Баку довезли едва живую. Поздно вечером она попала в госпиталь, а рано утром была уже опять на операционном столе. Хирург считал, что радикальнее всего произвести новую ампутацию. Будь она мужчиной, он и не задумался бы, но посмотрел на девушку и пожалел.

— Рискнем...

Вычистили загноившуюся рану и понесли обратно в палату.

Наконец Нина пошла на поправку, медленно, постепенно. В конце сентября ей позволили встать на костыли. Отделение госпиталя было женским, в палатах лежали больные, раненая она одна — девушка с медалью «За оборону Ленинграда» (орден Красной Звезды, так уж получилось, ей вручили лишь спустя много лет). А второй ленинградкой была начальник госпиталя, эвакуированная еще в начале 1942 года. Она приходила к Нине по вечерам и сидела часами. Все говорили о своем далеком городе, о блокаде, о близких, оставшихся там.

Начальник госпиталя и нашла для Нины лекарство, довольно неожиданное с точки зрения обычных медицинских представлений.

О раненой девушке с медалью «За оборону Ленинграда» узнали в городе. Как-то пришла делегация одного из заводов.

— Наши рабочие приглашают ленинградскую девушку в гости, хотят посмотреть на нее, поговорить. Мы машину пришлем...

Лечащий врач замахал руками:

— Ни в коем случае, она слишком слаба.

Начальник госпиталя остановила его.

— Пусть побывает у людей, поговорит, почувствует их внимание, поддержку. Для нее это очень важно, а то ведь думает, что никому не нужна больше, отвоевалась — и конец.

Так Нина Бутыркина, маленькая девушка на костылях, с забинтованными ногами, на которых еще не зажили раны, стала вдруг агитатором, начала ездить по заводам и воинским частям.

Из первой поездки вернулась потрясенная. Выступать пришлось в большом цехе, где собралось много народу, все женщины — мужчин на заводах в ту пору было трудно найти. Стоять перед собравшимися Нина не могла, ей пододвинули стул, женщины столпились вокруг. Кажется, был перед ней еще микрофон... Она не готовила никаких речей, сказали — беседа. Будут задавать вопросы — она ответит. А вопрос, в сущности, задали один: что в Ленинграде, расскажите, как все там?...

И она рассказывала. Вспоминала, как собирали на заводе автоматы. Не было хлеба, а работали, не было топлива, замерзали, а работали все равно. И даже когда электроэнергии не было и останавливались машины, у людей все же находились силы и они продолжали работать. Вспоминала весну сорок второго, как под первыми теплыми лучами возили грязный снег, кололи лед. Лом вываливался из рук, казалось, такой он тяжелый, что невозможно поднять, но все равно поднимали, долбили лед, убрали город. И убрали, очистили. Никогда, может быть, так не сверкал он, как в ту весну, — израненный, опустевший, но не склоняющий головы, несдающийся город.

Она говорила о первом трамвае, о траншеях на Пискаревском кладбище, на Охте, которые рвали толлом, потому что руками люди не смогли бы уже их отрыть, а траншеи были необходимы — последнее пристанище погибших в борьбе...

Так и рассказывала, что припоминалось, что жгло сердце, о городе, о фронте. Временами становилось трудно говорить, все было еще слишком свежо, у нее перехватывало горло. Она справлялась с

внезапной спазмой и продолжала говорить. А женщины, стоявшие вокруг и те, что были далеко и слышали ее только благодаря микрофону, — все они и не старались сдерживать слез. Наплакавшись, с опухшими лицами, становились на свои рабочие места, когда кончался обеденный перерыв.

О той первой встрече была небольшая заметка в газете, и потом у Нины уже почти не оставалось свободных дней. Заявки сыпались со всех сторон, и начальнику госпиталя пришлось установить контроль. Многим были вынуждены отказывать. Встречи с людьми, правда, благотворно действовали на Нину. Опять хотелось жить, работать, а главное, скорее вернуться в Ленинград.

Как-то к ней в палату прорвался директор местной электростанции.

— Девушка, — говорил он, — прошу, умоляю, чтобы ты приехала к нам. Я умоляю, ваш начальник госпиталя запрещает. Почему запрещает? К другим тебе можно ехать, а к нам нельзя? А все другие, сама знаешь, от нас зависят. Плохо с энергией — плохо с выполнением плана. А что такое план? Это то, что надо дать на фронт. Понимаю, ты слабая, много выступать тебе нельзя, но очень прошу, один раз приезжай к нам, хоть на несколько минут приезжай. Пускай те, кто еще не работает по-фронтовому, хоть поглядят на тебя, на девушку из Ленинграда.

От той поездки на ГЭС остались в памяти большой зал, наполненный людьми, и поразительная тишина, когда слушали ее. Потом толпа рабочих провожала ее до машины. Хотели донести на руках, едва отбилась: «Сама я, мне даже полезно. Учусь ходить на костылях».

Много было таких встреч. Теперь уже все трудно вспомнить. А то выступление на ГЭС запомнилось особенно потому, что имело продолжение. Через несколько дней директор станции опять приехал в госпиталь, опять прорвался к ней в палату:

— Спасибо тебе, девушка, спасибо, ленинградка. Ты знаешь, что сделала? Ты сердце перевернула у наших людей. Раньше говорили — не можем больше выработать никак! И правда, машины старые, ремонт им нужен и нельзя остановить на долгий ремонт. А после того как ты приезжала, ремонт не делали, а работают лучше. Даже не

пойму как, но лучше, можешь мне поверить. То не выполняли план, а теперь выполняют. Стараются наши, как ленинградцы, честное слово.

Ока долго лежала в госпитале. Кончилось лето, прошла осень, прошла и зима... Ей сделали протез. Кто знает, чем раньше занимались люди, которых война заставила взяться за изготовление искусственных рук и ног? Может быть, лили гири, гантели для спортсменов, может, просто чинили примусы. Протезы они делать толком еще не научились. Тот, что привезли Нине, был неуклюж и тяжел. Она надела и попробовала ходить — сперва по палате, потом по госпитальному двору.

На дворе ее встречали солдаты с ампутированными ногами.

— Брось, девушка, не мучай себя, — говорили они. — Нам тоже сделали такие штуки. Не можем носить их. Мы, мужики, не можем, куда же тебе, девчонке?

— А я буду! — твердила Нина и кусала губы.

Было больно, протез жал, натирал ногу до крови. Что-то в нем исправили, но легче не становилось... Каждое утро она содрогалась, надевая его. Начинался новый день пыток. Она терпела, а если плакала, то отвернувшись к стене, чтобы никто не видел. Но в конце концов Нина победила эту проклятую штуку. Стала ходить на протезе. Правда, с костылями, без них еще не могла, но и то было победой. Врачи водили ее по всему госпиталю, демонстрировали раненым:

— Вы бросаете протезы, говорите, не привыкнуть, а вот девушка привыкла, ходит. Как же вам, мужчинам, не стыдно?

И то, чего не могли раньше сделать уговоры, объяснения врачей, сделал пример этой девушки. Мужчины тоже стали носить протезы и постепенно привыкали к ним.

В первый раз без костылей она прошла в одной воинской части. Там было ее очередное выступление. Бойцы стояли на плацу бесконечной шеренгой. Скомандовали «Смирно!», оркестр заиграл торжественный марш. А Нине надо было пройти перед строем. И тогда она оставила костыли. Шла, стараясь не упасть, и думала только об одном — надо дойти. Как пойдет назад, об этом уже не думалось, но хорошо, что замполит в части оказался внимательным человеком — взял костыли и нес за ней. Назад она возвращалась на них.

Навсегда рассталась с костылями позже. Было это уже не в Баку, а в Балашове, в нескольких шагах от дома, где жила ее бабушка.

Нина пролежала в госпитале девять месяцев.

— Думаем послать вас в Цхалтубо на поправку, — сказал начальник отделения.

Нина отказалась: «Хочу в Ленинград». Решила по дороге заехать только в Балашов, к бабушке. Там, у бабушки, прошло ее детство. Отца ведь она не знала — кулаки зарубили его, когда ей едва исполнился год. Нина видела только памятник в самарском селе Таволошке. На граните было написано, что здесь лежит рабочий-большевик Василий Петрович Бутыркин, отдавший жизнь за молодую Советскую власть.

Бабушка была самым близким ей человеком, и этому близкому человеку шел уже девятый десяток. Нина не писала ей, что потеряла ногу. Ранена, и все. Теперь, когда родной дом был уже близко, за углом, она почувствовала, что не может войти туда на костылях. Со злостью кинула их на пустыре в бурьян. Пропади они пропадом! Все! Будет ходить без костылей, как все люди.

Вот так она решила для себя: «как все люди». Никаких скидок себе не даст и у других не попросит.

Так она сказала Петрову. Только всплакнула немного, очень уж соскучилась по Ленинграду, по девочкам, по части. Но все у нее было уже решено — станет учиться, работать, жить.

«ПЕНСИОНЕРКА»

Ветеринарный врач Горожанский вошел в штаб с листом бумаги в руках:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

— Да, — сказал комбат, — что там у вас?

— Акт... — Горожанский подал бумагу. — Акт на списание...

Комбат читал, и лицо его становилось все более хмурым: он не любил такие акты. Но что тут можно поделывать? «Порода — немецкая овчарка. Кличка — Инга. Заболевание — потеря зрения».

— Совсем ослепла? — спросил он. — По какой причине?

— Почти ничего не видит, — доложил врач, — а скоро ослепнет вовсе. Теперь этого не остановить. Поздно к нам обратились.

— А вы сами куда смотрели?

— Так в поле она была все время, на разминировании. То здесь, то там, в часть почти и не попадала.

— Дайте карточку собаки, — сказал комбат. — Так, была ранена в сорок третьем... В голову. Наверное, зрительный нерв поврежден. Вы на это обратили внимание?

— Что же, — отозвался врач, — нерв ведь нам не починить. Ранение или болезнь — конец один.

— Конец один, — повторил командир и отложил ручку, взятую, чтобы подписать акт. — Значит, Инга...

Собак в батальоне было много, они менялись, и не каждую он мог сразу вспомнить по кличке. Но Ингу вспомнил. Крупная серая овчарка, похожая на волка.

Незадолго перед тем в часть приезжали гости с одного из ленинградских заводов — шефы. Гостям показывали собак, рассказывали о них. Показали, конечно, Дика: его показывали почти

всегда — знаменитая собака. Как-то Дик «представлял» часть на сборах старшего и высшего состава... Новый вожатый, принявший собаку после смерти Кириллова, глянул на собравшихся и обомлел — все полковники да генералы. Но Дик в званиях не разбирался, работал, как всегда, быстро обнаруживал взрывчатые вещества, спрятанные в разных местах.

Собравшихся увлекла эта игра, они придумывали всевозможные хитрости, стараясь обмануть чуткую собаку, сами прятали взрывчатку — вошли в азарт.

«А что, если я у себя запрячу, неужели и тогда этот пес разыщет?» — заинтересовался один из генералов.

«Попробуйте», — сказали ему.

Собака с вожатым ушли. Генерал взял толовую шашку, сунул в свой портфель между бумагами и положил портфель на колени. Только после этого пустили Дика: «Ищи!»

Дик походил-походил по рядам, сунулся мордой в генеральский портфель, громко засопел и уселся. Потом принимал угощения. Угощали его щедро, а он спокойно, даже лениво брал печенье, конфеты. Дик знал себе цену.

Отобрали для показа гостям и Заливку, тоже овчарку. И о ней многое можно было рассказать. Хотя бы случай на дороге между Оредежью и Лугой. Лейтенант Хижняк прошел тогда со своими бойцами много километров по этой дороге. Мин не находили. «Странно, — говорил Хижняк, — не поверю, чтобы фашисты не напакостили. Дорога-то важная». Чутье опытного минера подсказывало, что какие-нибудь фугасы на этой, только недавно отбитой у противника дороге должны быть. Дошли до места, где дорога огибала крутой холм, с другой стороны вплотную к ней примыкал заболоченный луг. Хижняк остановил подразделение: «Тут сам черт велел ставить фугасы. Подорвешь полотно, весь транспорт застрянет — горку машинам не взять, а на болоте обязательно завязнут».

Минеры стали осматривать дорогу, гору и луг. На дороге ничего не заметили, но в стороне нашли кучу опилок, свежие щепки от бревен, которые тут, видимо, тесали, потом и ящик из-под взрывчатки. А где сама взрывчатка? Хижняк послал солдата Букина с Заливкой еще раз тщательно обследовать дорогу. Заливка села как раз в наиболее

узком месте. Отделение минеров уже проверяло этот участок, все истыкали щупами — и никакого результата. Теперь взяли глубинный щуп. Он уткнулся наконец в бревно. Словом, разыскали фугас — сто килограммов тола на глубине два с половиной метра. Без собаки его бы никогда не разыскать, но и для нее это была глубина, превышавшая все нормы.

Заливка, конечно, заслуживала, чтобы ее показали гостям. И Огурчик, и Жук... Командир батальона не возражал против этого. «А Инга?» — спросил он тогда, проходя по вольеру. «Инга? — отозвался инструктор. — Инга все же середнячок». «Побольше бы таких середнячков, — заметил комбат. — А случай в совхозе вы забыли? Нет, ее стоит показать, ленинградцам будет интересно».

Ингу тогда вывели перед гостями, они внимательно слушали рассказ о делах этой серо-дымчатой овчарки, а она спокойно стояла перед незнакомыми людьми и только вопросительно поглядывала на своего вожатого. Он говорил о ней и ласково похлопывал собаку по шее. Особенное впечатление на гостей произвела история с «мыльницами». В общем-то не столь уж и замысловатая история.

...После того как был освобожден Карельский перешеек, не раз поступали тревожные сигналы. На перешеек стало приезжать мирное население, а на полях, в поселках происходили тяжелые несчастия — люди подрывались на минах. Минеры выезжали на перешеек несколько раз. Они находили взрывчатку в дымоходах печей, хитрые ловушки в сараях, колодцах, амбарах. Даже в старом почтовом ящике обнаружили мину. Тут необходимо было тщательное, сплошное разминирование, но уже стояла зима, землю укрыло снегом, сковало морозом. Пришлось отложить. Минеры отправились на перешеек, едва стаял снег. И пошла работа!

С ранней весны Инга тоже была на перешейке со своим вожатым. Она помогла разыскать много мин, особенно тех, которые нельзя было обнаружить прибором — противопехотные мины в пластмассовых коробочках. Солдаты прозвали их «мыльницами».

За годы работы на минных полях искать взрывчатку вошло у собаки в привычку, стало как бы ее инстинктом. Вожатый не держал ее на поводке, пускал свободно, и она не отвлекалась, шла положенным, маршрутом. Она принюхивалась, выискивала взрывчатку даже тогда, когда ее и не посылали искать.

Совхоз, куда солдат с Ингой попал в июне, находился в местах, где не было боев. На полях, огородах, в садах минеры не находили ничего подозрительного. Лишь кое-где были брошены цинковые ящики с патронами и ручные гранаты... Конечно, их тоже следовало убирать, работа шла быстро, и настроение у саперов было хорошее. Думалось: вот скоро разделаемся, а там, глядишь, начнут и по домам отпускать.

С такими мыслями солдат подошел к аккуратному домику, стоявшему в густом саду. Большие кусты сирени перекидывали через забор свои ветви с тяжелыми гроздьями фиолетовых и белых цветов.

Солдат постучал в дверь, ему отворила женщина, жена агронома. Нет, сказала она, ничего подозрительного они с мужем на своем участке не находили, живут в этом домике уже несколько месяцев, и все благополучно.

— А вы что, пограничник? — спросила женщина солдата. Он отрицательно мотнул головой. — Тогда почему с собакой? Это же пограничники с собаками ходят. — Солдат стал объяснять, что не одни пограничники, минеры — тоже. — Неужели она находит мины? — Женщина с удивлением смотрела на Ингу. — А как она делает это? Жалко, детей моих нет, в Ленинграде они еще, завтра за ними поеду, им бы поглядеть на такую собаку.

Женщине не хотелось сразу отпускать неожиданных гостей.

— Можно, я вашу собаку косточкой угощу?

Солдат кивнул.

— До чего у вас сирень красиво цветет, — заметил он.

— Правда, хорошо? — обрадовалась женщина. — Подождите, я вам нарву сирени. — И она стала ломать тяжелые гроздья. Потом подала букет солдату и пошла в дом за косточкой для собаки. — А где же ваша красавица? — спросила она, вернувшись.

Инги возле домика не было. Солдат несколько раз позвал ее, Инга не приходила. «Вот неслух!» Он крикнул громче, но Инга не шла, только из глубины сада слышалось нетерпеливое твяканье.

— Чего это она там? — пробормотал солдат. Ему было неудобно, что собака самовольничает и не слушается его. Он пошел на звуки лая, и женщина шла рядом.

— Вот она где, — сказала женщина, показывая вперед. Инга сидела у смородинового куста. Она вытянула морду к хозяину, но не

встала с места.

— Ко мне! — грубовато прикрикнул солдат. — Ко мне!

Собака чуть привстала, потом села снова. Она поворачивала голову то к хозяину, то к кусту, волновалась.

Солдат подошел: «Приклеилась, что ли?» Он уже чувствовал, что Инга сидит под кустом неспроста. Осторожно приподнял ветки, свисавшие до самой земли, и увидел рыжий кусок картона, каким обивали стены в финских домах. Картон был набухший от влаги, лежал тут давно, кто его знает, как попал под куст. Хотя обычно вокруг ягодных кустов земля бывает чистой. Солдат сделал отстраняющий жест рукой, предлагая женщине отойти, оглядел весь куст, проверил, нет ли отяжек, затем осторожно приподнял картон. И увидел две яркие пластмассовые коробочки-«мыльницы».

Он снова махнул женщине рукой: «Идите в дом». Достал одну «мыльницу», потом вторую. Так и есть. Взрыватели поставлены на боевой взвод. «Недурные гостинцы». Он вернулся к дому, лишь обойдя с собакой весь сад. Встревоженная женщина стояла на крыльце.

Солдат показал свои находки:

— Не видели еще где таких «мыльниц»? Их только возьми или прижми ногой. На тот свет прямая дорога.

— Господи, — проговорила женщина, и ее голос задрожал. — Завтра же мои ребята приезжают. Они бы сразу эти коробочки нашли. Ребята все видят. Значит, мины?

— Скажите Инге спасибо, — отозвался солдат. — А детей вообще-то предупредите.

... Вот этот случай и пришел на память комбату.

— Значит, лечить ее нельзя? — переспросил он ветеринарного врача.

— Бесполезно, — ответил тот. — Может, раньше что и удалось бы сделать, а теперь поздно.

— Значит, списать... — Командир снова взял акт. — И как вы предлагаете поступить со списанным животным?

Графу с этим вопросом Горожанский в акте не заполнил.

— Ни к какой службе она совершенно непригодна. Придется уничтожить.

Командир был, в общем, спокойным человеком, и мало кто в части видел его вышедшим из себя. Горожанский увидел.

— И это говорите вы, врач? — Подполковник вскочил с места, схватил акт, словно хотел разорвать его на части. — Собака всю войну проработала с нами, была ранена, потом работала снова. Она нашла пять тысяч мин, посчитайте, сколько спасла человеческих жизней! А вам все нипочем! — Он быстро прошелся по комнате и встал перед ветврачом: — Говорят, в некоторых армиях отличившимся собакам присваивают сержантские звания и даже боевые медали дают, хотя нигде собаки не делают такой работы, как наши. Я бы такой собаке, как Инга, памятник поставил. Хороший памятник где-нибудь на бывших минных полях.

Горожанский молчал.

— Так вот, — объявил командир. — Акт я утверждаю. Раз собака непригодна к службе, ничего не поделаешь. Исключим из списков, но в части оставим. Держать ее под особым наблюдением ветеринаров. Сколько придется, хоть пять, хоть десять лет. Она заслужила. И кормить, обслуживать ее как всех строевых собак! Понятно?

— А если ревизия? — неуверенно спросил Горожанский. — Я с удовольствием, но если ревизия, ведь начет сделают, платить придется...

— Мое приказание, на меня пусть делают начет.

На том разговор и кончился.

А Инга жила еще долго. Она ходила по вольеру осторожной, но уверенной походкой. Человек, не знавший, что с ней, вряд ли догадался бы, что она почти совсем потеряла зрение. Для ее глаз мир, тот мир, который она помнила таким ярким, состоял теперь из сплошной серой мглы, в которой изредка возникали неясные белесоватые пятна света. Но то, чего не видели глаза, улавливало удивительное обоняние, позволявшее Инге в прежние времена находить взрывчатку на такой глубине, где, по мнению кинологов, собака почувствовать ее не могла никак. И слышали чуткие ее уши. Обоняние и слух Инги необычайно обострились. Поэтому она и двигалась уверенно, безошибочно находила дорогу.

Она очень скучала — по своему вожатому, по работе. Никто теперь не посылал ее на поиски, никто не хвалил за учуянную взрывчатку и не угощал сушеным мясом. Ей вполне хватало еды — она ведь тратила мало сил и редко испытывала чувство голода, — но она тосковала по этому мясу, как по ласке хозяина, так нужной собаке.

За годы службы в ней очень окрепла и развилась унаследованная от бесконечной цепи предков потребность во внимании человека — друга, которому собака призвана служить.

Когда других собак забирали на работу, Инга старалась пойти с ними вместе, лезла даже на машины, куда их грузили. Однажды она сумела забиться в узенькое пространство под кузовом, предназначенное для запасного колеса, ее там случайно обнаружили солдаты.

Других собак увозили, стихал их лай, смолкали разговоры людей, а Инга лежала около ворот, уткнув морду в землю, и ждала. Даже бачок с едой не привлекал ее в такие дни.

Она была первой «пенсионеркой» в питомнике. Другие появились позже — Дик и еще несколько состарившихся на тяжелой миннорозыскной службе собак. Инга тосковала, и ветврач, помнивший нагоняй, полученный за предложение уничтожить ослепшую собаку, говорил:

— Ну пожалели ее, а что толку? Все равно помирает от скуки, и людям от нее одно беспокойство. Сделали бы укол — и дело с концом.

Но Инга нашла себе занятие. Одна из собак принесла пятерых щенков. Месяц кормила их, на работу ее не брали, а через месяц инструктор сказал:

— Пора и честь знать, кончился твой «декретный отпуск».

Собаку отправили в поле, а щенки остались одни. Круглые, как шарики, они катались по расположению части или копались где-нибудь на помойке, получали пинки за то, что путаются под ногами. Пропали бы несмышлениши — минерам было не до них, — но заботу о щенках взяла на себя Инга. Она стала нянькой щенков, вылизывала их, учила, настигала, когда они убегали, осторожно мордой подталкивала на место, а то и трепала за непослушание.

Так щенки росли под ее присмотром, затем появились другие, и «пенсионерка» Инга стала нянчить их тоже. Движения ее сделались увереннее, она веселее подходила к бачку в час кормежки, словно понимала, что снова ест свою похлебку не зря.

ШКОЛА ВЕРЫ АЛЕКСАНДРОВОЙ

Сержантов Александрову и Меньшагину вызывали к начальнику штаба. Срочно. Во время работы. Шли и гадали: командируют куда-нибудь? Война отодвинулась далеко от Ленинграда, гитлеровцев били на немецкой земле. Все жили предчувствием скорой победы. Но для минеров война не кончается и когда смолкают бои. Еще долго предстоит очищать землю от смертоносных посевов.

Годы и годы. Они это понимали. Но куда им предстояло ехать в ближайшее время? Срочный вызов к начальству обычно означал новую спешную работу. Однако на этот раз их никуда не отправили.

— Придется вам учить людей, — объявил начальник штаба. — Со своими отделениями вы занимаетесь все время и население учили, как обезвреживать мины. Теперь задание потруднее. Из запасного полка к нам присылают сержантов разных родов войск. А мы должны сделать из них минеров, чтобы очищали землю там, откуда изгнан враг. Будете преподавать им минноподрывное дело.

Он усмехнулся:

— Ничего, девчата, опыт у вас большой, справитесь. Но конечно, уж подготовиться к занятиям надо как следует и не ударить лицом в грязь.

Программу придумывать не приходилось. Программу и пособия дали в штабе. Однако на первом занятии Вера Александрова отложила эту программу в сторону. Так уж получилось.

Что и говорить, поволновались они с Ритой. Девушки поддразнивали их: «Профессора». А они сидели до поздней ночи, писали конспекты. Потом гладили гимнастерки, наводили блеск на свои издававшие виды кирзовые сапоги, подшивали подворотнички из

нового полотна — выпросили кусочек у каптера. Привинтили медали и ордена. Занятия начинались рано утром. Когда Вера вошла в свою «школу», дежурный раскатисто скомандовал «Смирно». С шумом отодвинулись скамейки, зашаркали сапоги.

— Товарищ сержант, группа... в количестве... собрана для занятий.

Дежурный стоял перед Верой. Он докладывал преувеличенно четко и глядел ей в лицо с какой-то веселой ухмылкой. Вера не сразу заметила ее. Принимала доклад дежурного вытянувшись, руки по швам — строевиком она была хорошим, а глаза быстро обегали группу. Да, народ собрался боевой, ничего не скажешь. Почти у всех награды, у всех нашивки за ранения — золотые и красные. Эти люди пришли в запасный полк из госпиталей.

— Вольно, садитесь, — сказала Вера, все еще чувствуя, как стучит сердце. «Чего он ухмыляется?» — подумала она, взглянув на дежурного, и тут услышала отчетливый шепот откуда-то из заднего ряда. В шепоте была насмешка и вместе с тем разочарование:

— Надо же, бабу прислали! Ну и ну...

Она не знала, кто это сказал, и разозлилась на всех сразу. Но вместе со злостью пришло успокоение. «Ладно, голубчики, думаете, вы одни воевали».

Вера даже не открыла конспект, над которым сидела ночью. Посмотрела на группу и встретила насмешливый, оценивающий взгляд высокого сержанта во втором ряду. Сержант интересовался явно не занятиями. Едва заметно улыбнулся ей: «Мол, ничего, девушка, поладим».

— Как ваша фамилия, товарищ сержант? — спросила она. Ее голос звучал официально и сухо. — Да вы встаньте, когда вас спрашивает руководитель занятий. Не первый день в армии, должны знать порядок. Ухов? Хорошо, сержант Ухов, какие вам известны запалы и детонаторы? Их типы и устройство?

— Типы? — не совсем уверенно переспросил сержант.

— Не торопитесь, можете подготовиться к ответу. А вы... — Вера взяла список группы: — Старший сержант Прокофьев, скажите, какие заряды нужны, чтобы подорвать снаряд, мину или железнодорожный рельс? Подумайте тоже.

Она повернулась к Ухову:

— Готовы? Чего недоскажет сержант, добавят другие. Вы тоже думайте, — сказала она уже всей группе.

Ухов стал говорить о запале ручной гранаты, как вызывается ее взрыв.

— Я вас не о действии спрашиваю. Назовите типы. Какие взрыватели применяются в минах — наших и немецких? Не можете? Ну что же. Садитесь. Кто хочет дополнить сержанта Ухова? — Группа молчала, и Вера снова взяла список: — Младший сержант Шепухов! Может, вы скажете?

Шепухов медленно встал:

— Затрудняюсь, товарищ руководитель...

— Сержант Старичков? Старший сержант Воробьев? Тоже затрудняетесь? В общем, с этим вопросом плохо. А как у вас с расчетом веса зарядов, сержант Прокофьев? Подрывать бомбы, снаряды не приходилось? Кому из вас приходилось? — спросила она группу. — Значит, и тут слабо. А это, между прочим, минеру необходимо. — Она посмотрела на притихших сержантов: — Перейдем к практике. С минами-то вы все встречались?

Ответили разногласно:

— Да уж бывало.

— Как же...

— Видели их...

Она снова взяла список:

— Старший сержант Сvirкин! Нам известно, что на поле стоят немецкие противотанковые мины типа «хольц». Как будете их искать, как извлекать?

— Так ведь прибор есть такой с рамкой. Миноискатель, что ли? Я у саперов видел. Им, значит, поищем, а потом уж щупом...

— Кто не согласен со старшим сержантом Сvirкиным? — Вера оглядела свою «школу».

По группе прошел глухой гул голосов, но никто не вставал.

— Значит, согласны?

— Кто ее разберет, — неуверенно сказал сержант, сидевший перед Александровой.

— Ну так вот... Мина «хольц» — в деревянной коробке, это из названия видно, а миноискатель реагирует только на металл, значит, он деревянную никогда не покажет. Щупом ее обнаружить можно, но

только не прибором. Хорошо находят такие мины наши собаки, об этом мы поговорим в другой раз. Наши собаки любые мины находят. А пока у меня есть еще вопросы. Что вам известно о минах «З», о прыгающих минах, как их называют? Какова глубина установки противотанковых мин, противопехотных? Какие вам приходилось встречать взрывные ловушки?

Вера задавала вопросы и поднимала сержантов одного за другим. Что ж, они были боевыми людьми, прошли через ад войны, оборонялись и наступали, они знали, что значит солдатская служба, и много раз видели смерть. И каждый понимал, что есть мина и что она несет в себе, но саперами они не были. На одни вопросы могли ответить в общих чертах, приблизительно, другие ставили их вовсе в тупик.

Так прошел первый час занятий, и к концу его Вера уже не видела ухмылок на лицах сержантов. Но она хотела взять группу в руки крепко, и с первого раза. Она сбила их спесь, «мужицкую спесь», как определила сама. Все же этого ей было недостаточно. Надо, чтобы они уважали своего преподавателя, ее — «бабу».

— Так вот, товарищи сержанты, — сказала Вера, приступая ко второму часу занятий. — Я задавала вам вопросы, вы отвечали. Теперь спрашивайте вы, отвечать буду я. Так, думаю, мы скорее установим контакт, да и яснее станет, чему уделять главное внимание на занятиях.

— Какова прицельная дальность автомата «пе-пе-ша»? — начальственным тоном спросил старший сержант Свиркин. Он чувствовал себя неловко, после того как эта девчонка посадила его на вопросе с проклятой «хольц-миной», ему хотелось с ней поквитаться.

— Прицельную дальность я вам скажу, — быстро ответила Вера, называя цифру. Уж подобные-то вещи она знала, не зря носила автомат три года. — Но больше таких вопросов не задавайте. У нас занятия по минноподрывному делу, а не викторина. Спрашивайте, что интересует по нашей специальности.

Может, это было немного самонадеянно — самой поставить себя в положение экзаменуемой перед аудиторией, относившейся к ней пока с не очень большим доверием: «Девчонка!» Но она была уверена в себе, и в конце концов все вышло, как она хотела. Сержанты, задетые недавней придирчивой проверкой, старались придумать вопросы позакovskyристее, но Вера хорошо знала свое дело, и у нее был опыт

трех лет войны. Ни в одном училище не могли дать знаний, которые она получила на минных полях. А уж теряться ей было несвойственно, и за словом она в карман не лезла.

Сперва спрашивали с затаенной усмешкой в желании «подловить», поставить в неловкое положение. Потом в вопросах зазвучали уважение и живой, неподдельный интерес.

— Вот вы говорили о взрывных ловушках. А самой-то приходилось их обезвреживать, товарищ сержант? — спросил кто-то.

— И мне, и другим нашим минерам.

Ей вспомнился вдруг поселок Кивиэли в Эстонии, тихий и заброшенный, каким увидели его минеры, вошедшие туда сразу за передовыми частями. Пустые дома, подорванные турбины на электростанции, полуразрушенные сооружения сланцевой шахты. Все это они осмотрели довольно быстро. Но от наземных сооружений бежали рельсы узкоколейки, исчезая в черном зеве наклонного штрека. Лейтенант Петров с несколькими бойцами направился туда. Шахта разветвлялась под землей, выработки шли в разные стороны — километры подземных галерей и ходов, погруженных в крошечную мглу. Если б хоть нашелся план подземных разработок. Но плана минеры не имели, у них не было даже хороших фонарей, чтобы освещать себе путь, а что можно сделать в темноте?

— Раз есть шахта, должны быть где-то и шахтерские лампы, — сказал Егор Сергеевич. — Надо искать.

И они шарили в темноте, кое-как освещая пространство вокруг себя карманными фонарями да единственной «летучей мышью», которая имелась в хозяйстве роты. В конце концов наткнулись на помещение, где стояло множество карбидных ламп.

Теперь можно было все осмотреть. Наверху был пустой поселок, куда не успели вернуться угнанные немцами шахтеры, стоял лес, где бродили вооруженные группы фашистов, отбившиеся от частей. А под землей минеры наводили порядок — снимали мины, наставленные в штреках.

В одном из боковых ответвлений обнаружили склад взрывчатки. Ящики стояли рядами, один на другом, до самого потолка. Конечно, взрывчатка в шахте — вещь необходимая, ее применяют для проходки. Трудно было все же поверить, что фашисты не обратили внимания на этот склад, не постарались использовать его для подрыва сооружений.

Наверху они подорвали все, что успели. Однако признаков минирования склада саперы не обнаруживали. Стали прослушивать стены. Сперва ухом, потом особенно чувствительными приборами — пьезостетоскопами. Но и приборы не слышали тиканья. Мин с часовым механизмом, очевидно, не было.

— Интересно, что над складом, на поверхности? — спросил Егор Сергеевич.

Установить было нетрудно. Склад располагался как раз под главным зданием комбината и электростанцией. Взрывчатки вполне хватало, чтобы поднять их на воздух.

Нет, все слишком сходилось, чтобы быть случайным. Но раз мину найти не удалось, надо было разбирать весь склад. Ничего другого не оставалось, как осматривать и вскрывать каждый ящик, потом вынимать из ящика каждый патрон.

Минеры работали по одному, нельзя было подвергать опасности многих. Один работал, а другой ждал у выхода из шахты. Сменялись каждый час, но и час казался бесконечным тому, кто ждал. А тот, кто работал среди ящиков взрывчатки в белом карбидном свете, не чувствовал времени. Но когда работающий выходил по свистку, все видели, как может человек устать за один час.

К концу второго дня помещение склада почти освободилось. Ефрейтор Степанов вскрыл очередной ящик. Все казалось обычным. Снял первый ряд патронов и вдруг заметил предмет, отличавшийся от окружающих размером и цветом.

Степанов вытер лоб, на котором выступили крупные капли пота, поставил поближе вторую лампу. «Вот так штука!» «Штука» лежала в середине второго ряда, и Степанов работал, стараясь не задеть ее, не прикоснуться. Он только осторожно снял окружавшие ее патроны. Все они были доноритовые. Это взрывчатое вещество употреблялось в шахте. Но «штука», лежавшая в середине второго ряда, представляла собой нечто иное. То был немецкий тротиловый заряд весом в три килограмма. В его гнездах стояли два взрывателя, от которых отходили тоненькие проволоочки. Одна была прикреплена где-то снаружи, чтобы взрыв произошел, если ящик поднимут или сдвинут с места. Вторая проволоочка шла ко дну ящика, чтобы взрыв произошел при попытке вынуть тротиловый заряд. В общем, не заметят его — взрыв, заметят и захотят вытащить — результат тот же. Но Степанов не сдвинул ящика

и не тронул заряда. Он перерезал обе оттяжки и вынул взрыватели из гнезд. Теперь можно было вздохнуть спокойнее.

Вот такая это была ловушка, ловушка-гигант, способная разом уничтожить множество людей и целый промышленный комбинат. А были и другие, может, и маленькие, вроде яркой детской игрушки, брошенной где-то на обочине дороги и взрывававшейся в руках того, кто ее поднял, но все они несли увечье и смерть...

— Даже из живого существа немцы умудрялись делать взрывные ловушки, — сказала Вера. — Мы и такое видели. Это было еще в Пушкине, когда наступление только начиналось, на Московской улице, по которой ни пройти, ни проехать нельзя было, пока не расчистили ее саперы.

... Вся эта улица представляла собой сплошное минное поле. Противотанковые мины — на мостовой и во дворах домов, противопехотные — на тротуарах, тропинках и обочинах дорог. Все замаскированные, засыпанные снегом. Пушкин ведь брали зимой, в холодное, снежное время.

И еще мины в домах, маленьких деревянных домах, из которых эта улица тогда состояла. Дома были пустые, казалось, занимай их, размещай тут людей. Но раньше чем размещать, надо было разминировать улицу и сами дома, а там чего только не находили! Взрывные ловушки стояли на дверях и окнах: открой — и разнесет в щепки. За двери не брались рукой, открывали с помощью «кошек» на длинных веревках. Но минерам пришлось иметь дело и с другой кошкой, безо всяких кавычек.

Едва вошли они в один домик, как из глубины его донеслось тоскливое мяуканье. В доме не очень давно были люди, это чувствовалось по обстановке. Столы, стулья, комод... Все было стареньким, небогатым, но сравнительно чистым. В углу комнаты стоял окованный железом расписной сундук. Оттуда и доносилось мяуканье. «Киска, бедная, как ты сюда забралась?» — заохали девушки. А кошка, услышав их голоса, стала кричать еще отчаяннее и громче.

Подошли поближе. Сундук закрыт неплотно. То ли хозяйева оставили его так, когда их угоняли, то ли тут шарили немецкие солдаты, сломали замок, сорвали петли, и сундук уже плотно не закрывался. Но щель была слишком узкой, чтобы через нее могла

пробраться кошка, она не могла через эту щель и вылезти. Как же она попала в сундук? Этот вопрос озадачил минеров. Они не стали открывать сундук. Командир приказал тщательно обследовать его и вывел девушек из дома. Оставшийся там минер все осмотрел, потом тихонько засунул щуп под крышку и начал медленно, осторожно водить им взад-вперед. Он водил щупом, стараясь не пропустить ни одного звука, а кошка все отчаяннее и громче мяукала.

Подозрительных звуков солдат не слышал, он только почувствовал, что щуп за что-то задевает. «Да замолчи ты, окаянная!» — прикрикнул он и снова повел щупом, и снова щуп за что-то задел. Солдат засунул под крышку ладонь и обнаружил проволочку. Ясно — оттяжка!

Долго мучился он, пока удалось перерезать эту проволочку. Потом еще раз внимательно осмотрел сундук и наконец поднял крышку. В сундуке сидел котенок, заморенный и худой. Он не мог двигаться, его привязали веревкой к стенке, чтобы не задел за оттяжку. А оттяжка шла через дно сундука под пол к мощному заряду из нескольких противотанковых мин. Заряда было достаточно, чтобы взорвать весь дом...

Или старые часы с тяжелыми медными гирями... История с часами была уже не в Пушкине, а в Павловске, на улице Красных зорь. Но примерно в те же дни. Нашли домик с целыми окнами, осмотрели и заняли его. Надо было отдохнуть и обогреться. Девушки сидели на полу, ели хлеб и болтали. Мебели в доме не оставалось, а на стене висели большие часы с гирями, опустившимися почти до пола. Непоседа Валя Родионова подскочила к ним: «Хватит стоять. Пусть считают время для нас, а не для фрицев». Ее успели остановить: «Часы-то как раз и не осматривали еще». Родионова рассмеялась: «А что там может быть, кроме паутины?» Тут уж Вера Александрова проявила свою командирскую власть: «Не трогать часы! Перерыв закончить, всем выйти из дома».

Часы осмотрели немного позже. И нашли проволоку, которая шла к спрятанной под плинтусом противотанковой гранате. Стоило подтянуть гири — и граната бы взорвалась.

В Пушкине был еще случай со скатертью. Богатая такая скатерть, плюшевая, с бахромой и кистями по углам. Как это фрицы не забрали ее с собой? Весь дом обчистили, а скатерть оставили на столе. И еще,

лежала на скатерти фотография, на которой несколько пьяных фашистских солдат были сняты нагишом.

Девушки глянули и с омерзением бросили фотографию. Хорошо еще, что не сдернули скатерть со стола. Потом уж осмотрели внимательно и нашли суровую нитку, которая тянулась от скатерти к mine...

А еще были мины, соединенные с обыкновенной поварешкой, брошенной возле котла, в котором, видно, варили пищу, и с трубкой, словно забытой каким-то курильщиком на столе, и с двуручной пилой, приставленной к стене сарая... Сколько их было, этих бесчисленных мин...

Время первого Вериного занятия шло к концу.

— В общем-то каждая мина — это взрывная ловушка, — сказала Вера, чтобы не растягивать свой рассказ до бесконечности, — только одна стоит на земле, другая — в доме, третья — еще где-нибудь. Но мы должны каждую найти и обезвредить.

— А сколько мин сняли вы, товарищ сержант?

Вера быстро взглянула на спрашивающего. Что он думает, она себе приписывает чужое?

— Я командир отделения, — сказала она, — и в отделении у меня тоже девушки, а сняли мы в общей сложности больше ста тысяч мин. На сегодняшний день.

Это была абсолютная правда, по Вера вдруг подумала, что ее сочтут хвастуньей, и она добавила:

— Не одно наше отделение работает так. В соседней группе ведет минноподрывное дело сержант Рита Меньшагина. Ее отделение сняло еще больше мин.

И это тоже было чистой правдой.

Так окончилось первое занятие. А дальше все шло по программе — и у Веры, и у Риты. Им обоим пришлось поначалу нелегко, но они были уже не те, что три года назад, они могли заставить слушаться и слушать себя, потому, что многое умели, многое знали и многое перенесли. Все, что достается на долю солдата на войне.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Пришла победа. Вернулись с полей войны солдаты, сбросили шинели и занялись своими делами — строили, пахали землю, работали у станков. Но в тишине мирной жизни долго раздавались глухие взрывы. Иногда они случаются и теперь. Люди, не знавшие войны, наталкиваются вдруг на ее смертоносные клады. Роят землю под фундамент цеха — и ковш экскаватора подцепляет старую бомбу. Разбирают давние развалины, заросшие кустарником, травой, — и находят склад снарядов. И звучит сигнал тревоги у минеров. Надо обезвредить страшные находки... Но теперь, спустя три десятилетия, такое случается редко, и, когда случается, об этом пишут в газетах, рассказывают по радио, снимают кинофильмы. А в первые годы после войны это происходило чуть ли не каждый день. Даже через тысячу дней после окончания войны в районе Красный Бор — Поповка минеры находили и подрывали ежедневно более тысячи взрывоопасных предметов. Бывали и особенные, уникальные случаи, когда и минеры, умудренные опытом войны, ломали голову над решением вдруг возникавших задач.

1952 год. Баржа на дне Невы. С ней связана история долгая и непростая. Никто об этой барже не знал, пока на нее не наткнулись речники, углублявшие фарватер Невы между Петрокрепостью и Дубровкой. Баржа лежала на дне, наверное, с лета сорок первого года и была доверху нагружена снарядами разных калибров. Везли их на фронт, а по дороге на баржу напали вражеские самолеты. От прямых попаданий бомб загорелись ящики со снарядами, начались взрывы, борта баржи были разбиты... Должно быть, потому она и ушла на дно, а может быть, команда сама ее потопила: другого способа прекратить пожар и взрывы не оставалось. Теперь это уже трудно установить. Но

поврежденная баржа с тысячами снарядов лежала на дне реки, мешая судоходству и тая смертельную опасность для всех, кто тут плавал. За годы Нева успела намыть на баржу много песка, часть ящиков со снарядами выбросило взрывами, они лежали, зарывшись в грунт.

И минерам, и водолазам, обследовавшим баржу, было ясно — оставлять ее тут нельзя. И подрывать на дне реки нельзя тоже. Часть снарядов наверняка не взорвется, их только раскидает по дну, и поднимать будет еще труднее. Но и вывозить снаряды на судах невозможно — течение очень сильное, работать трудно, а многие снаряды повреждены, они могут взорваться от первого же неловкого прикосновения.

Задача казалась неразрешимой. Но дождались зимы, дали Неве замерзнуть, а потом сделали над баржей прорубь. Ящик за ящиком поднимали со дна водолазы, а минеры укладывали ящики на сани и везли на берег. Снова гремели взрывы в местах, где семь лет тому назад шли жестокие бои, где была прорвана блокада. 1750 ящиков со снарядами вытащили со дна реки и подорвали на берегу.

... Сменяются годы, а все нет конца работе минеров. Сотни странных бутылок со студенистой взрывчаткой под водой Пушкинских прудов, склад тяжелых снарядов у самого полотна железной дороги и возле линии электропередачи, недалеко от станции Назия, неразорвавшиеся снаряды под складом готовых изделий на «Красном треугольнике», у стены цеха на «Большевике», возле стапеля, где стоял почти готовый к спуску корабль на Балтийском заводе... Почти каждый раз условия, словно подобранные нарочно, чтобы сделать задачу неразрешимой: будешь рвать на месте — вызовешь тяжелые разрушения, станешь убирать — в любую минуту возможен взрыв.

Сколько было их, неразрешимых задач, которые, однако, разрешили саперы и минеры, потому что знания и опыт, дорого, кровью купленные на войне, позволяли теперь не признавать безвыходных положений.

Еще многие годы продолжалась для минеров война, а все же времена были иные, и иные законы нового, мирного времени вступили в свои права. Кончали службу фронтовики, учили молодых тому, что сами усвоили на войне, и уходили. Девушки увольнялись первыми, еще в сорок пятом.

Прощаясь, обменивались адресами, жали руку командиру, а те, что посмелей, крепко целовали его: «До свиданья, командир, никогда вас не забудем!» И снова, приняв солдатскую выправку и солдатский порядок, козыряли, поворачивались через левое плечо.

Командир провожал каждую печальным взглядом, они уносили часть его сердца. «Забудете, — с грустью думал он, — сейчас говорите от души, а там нахлынут новые дела и заботы, появятся новые люди. Так уж бывает в жизни, а в мирной, наверное, еще скорее, чем на войне».

Но они не забывали. Слишком много значило для каждой пережитое вместе. Да, у всех появились новые заботы и новые дела, и новые люди вошли в их жизнь, но нет-нет, да прибегали к своему бывшему командиру девушки.

В цветастых платьях, на высоких каблуках, с завитыми волосами, уложенными в замысловатые прически, они казались Егору Сергеевичу необыкновенно нарядными и совсем иными, чем были в части. Он даже немного робел, удивлялся: «Неужели я командовал этими щеголихами, ставил по стойке „смирно“ и давал им наряды?» А «щеголихи», собираясь в батальон, долго прикидывали, что бы надеть мало-мальски приличное. Времена еще были трудные, ничего не достать. Кое-как приспособливали оставшееся с довоенной поры. Но ведь Петров привык видеть на них застиранные гимнастерки и кирзовые сапоги.

Теперь они были снова работницами или студентками. Вера Александрова поступила в строительный институт, Рита Меньшагина училась в институте торговли. Петрова приглашали на свадьбы, и тут случалось ему узнавать новое о своих недавних подчиненных. Он знал младшего лейтенанта — офицера своей роты, знал девушку-бойца из его команды, но вчера ему не приходило в голову соединять их имена. Служили рядом — и все тут. А теперь они представали перед ним по-иному: жених и невеста, муж и жена.

Потом и Петров уволился из армии, потому что время берет свое.

Три десятилетия прошло. Те, кого Егор Сергеевич знал девчонками, давно уже матери семейств, они вырастили детей, их сыновья отслужили военную службу. Три десятилетия — большая и, может быть, лучшая часть жизни, но дружба их, родившаяся на войне, жива. Она будет жить, наверное, пока они сами живы.

Есть дни в году, которые они всегда стараются провести вместе, и главный среди этих дней — 9 мая — День Победы. Еще задолго до него начинают звонить телефоны: «Где соберемся? Можно у меня. Можно у других девчат». Перезваниваются Елизавета Александровна Еранина (для подруг она по-прежнему Лиза Самойлович), Вера Петровна Алексейчик (Александрова), Маргарита Борисовна Коваленко (Менынагина), Валентина Васильевна Евстигнеева (Глазунова), Нина Васильевна Бутыркина, Ольга Дмитриевна Кошкина... Звонят друг другу, звонят товарищам по части.

Больше всех хлопочет Вера Петровна Алексейчик. Не то чтобы у нее было много свободного времени, занята по горло, наблюдает за большими стройками вокруг Ленинграда, каждый день в разъездах — то в Пушкине, то в Кронштадте, то в Петродворце. В Петродворце чаще всего. Всем им хорошо знакомы эти места, сколько мин здесь сняли! Теперь с Петродворцом связаны другие заботы — там строится новый городок Ленинградского университета. Инженер Алексейчик наблюдает за работами, контролирует их ход. Возвращается домой иной раз только к ночи, усталая, вымокшая, а завтра опять рабочий день, и вряд ли он будет легче. Но все равно надо связаться с однополчанами, напомнить о встрече, обсудить. Сейчас, через десятилетия, она по-прежнему заводила, и не верится, что недавно в тресте, где она работает, торжественно отмечали пятидесятилетие Веры Петровны.

Ольгу Дмитриевну Кошкину легко застать дома. Пенсионерка, ей ведь во время войны уже было за сорок. Без дела она не сидит и сейчас — работает с собаками, учит, воспитывает их, это страсть ее жизни.

К Маргарите Борисовне Коваленко дозвониться труднее. Хозяйственные дела тоже беспокойные — то поездки к поставщикам, то встречи с покупателями.

Нина Васильевна Бутыркина — старший мастер на заводе металлической фурнитуры. Служебный телефон ее известен, кажется, созвониться просто. Только цех у нее большой, разбросанный по разным этажам, и везде побывать надо. Ее цех считают лучшим на заводе, но ведь это дается нелегко. Звонишь-звонишь ей — «Нет на месте, убежала, не найти, она такая — сейчас была на первом этаже, а теперь, может, на четвертом». Как только умудряется, ведь на протезе! Но о протезе многие на заводе и не знают.

Валентину Васильевну Евстигнееву (Глазунову) тоже застать дома нелегко. Третий десяток лет работает красильщицей на комбинате «Красная нить». Как работает? «Да ничего, не ругают». Многого она о себе не скажет, но если будет дома дочка Таня, достанет из шкафа гору грамот. Все адресованы «лучшей производственнице, ударнику коммунистического труда В. В. Евстигнеевой». Хвастает у нее дел — и производственных, и общественных, да и домашних.

Сестрам Родионовым надо писать письма, они живут за городом.

Многие далеко от Ленинграда. Василий Ильич Хижняк начинал войну командиром отделения, а на памяти девушек стал командиром роты. Двадцать с лишним лет работал председателем колхоза в Кировоградской области на Украине. Колхоз большой и богатый. Далеко за горизонт уходят его земли. В селе Листопадове — молочные фермы, птицефабрика. Заглянуть зимой в сараи и гаражи — машин там, как на хорошем заводе. А в мае на Украине уже страда, все машины в поле. И председателю жарко в такую пору, всюду надо поспеть. Хижняк все же вырвется на встречу и прилетит хоть на денечек в Ленинград. Войдет, отдуваясь, в комнату с чемоданом — принимайте украинские гостинцы: варенье, мед, горилку. И улыбнется во весь рот, показывая щербинки на передних зубах. Эти щербинки — тоже память войны, конечно, пустяк, человек был пять раз ранен, а тут уголки двух зубов...

Был такой случай. Проверял он со взводом одну из фронтовых дорог. Каждая минута была дорога: вот-вот должны были пойти по дороге машины и нельзя было их задерживать. А тут у ефрейтора, шедшего впереди, отказал миноискатель. Хижняк подбежал: «Что такое? Давай быстро разберем прибор!» Все разобрал, одна маленькая гайка заела, И ключ не берет. Тогда лейтенант стиснул ее зубами, да с такой силой, что вот уголки зубов и обломал. Но отвернул гайку и миноискатель исправил. Выплюнул кусочки зубов, отдал прибор минеру. Тот вскоре нашел на дороге пять противотанковых мин. Сняли их, и тут же подошли машины, которые надо было пропустить без малейшей задержки — ехал маршал Говоров, командующий фронтом.

Долго будут сидеть однополчане за праздничным столом. Еще раз помянут тех, кого нет с ними. Память об ушедших жива. В одной из ленинградских школ пионерским отрядам присвоены имена Вали Корнеевой и Вани Ногаева. Красные следопыты разыскали могилы

героев. Товарищи по батальону установили надгробия. Туда, на Чесменское кладбище, часто приходят боевые друзья и молодые солдаты, сегодня несущие службу, и пионеры. Украшают могилы живыми цветами.

Обо всем вспомнят за праздничным столом, поговорят и о детях. Подумать, Таня Бутыркина уже мастер на заводе, как мать, и коммунистка. А Валя Алексейчик пошла по материнским стопам, окончила строительный институт, теперь уже старший инженер. Елизавета Александровна Еранина рассказывает о внучке, совсем недавно родилась, чудесная девчонка. И друзья поздравляют Лизу — не только с внучкой. Недавно важное событие произошло у самой Лизы: ее наградили орденом. Работа скромная, парикмахер, дамский мастер, но если человек работает с душой, он везде будет замечен.

Сидят с ветеранами девичьей команды В. В. Дмитриев, бывший их сержант, а теперь полковник, и бывшие командиры рот М. Д. Засимук — теперь мастер в типографии офсетной печати, А. П. Щипунов — мастер Кировского завода, А. И. Лазарев, ставший доктором технических наук, и бывший старшина Л. С. Рыженькин, работающий теперь на электромашиностроительном заводе.

Сидят за столом ветераны. Не раз еще поднимут бокалы — за нашу победу, за нашу армию, за дружбу. А потом пойдут танцевать, и Елизавета Александровна Самойлович, пополневшая, но все еще красивая, вскочит первой и закружится по комнате. И тяжеловатый Хижняк тоже встанет, обнимет ее и напомним:

— А ведь помнишь, что говорила, когда тебя ранило!

Она помнит... Когда мина раздробила ей ступню, плакала: «Застрелите меня, ребята, не хочу жить калекой». Хижняк подошел к ней тогда, наклонился к носилкам: «Да что ты, Лиза, мы еще вальс танцевать будем». И правда, танцуют. Даже через тридцать лет.

И Егор Сергеевич тоже пойдет — и с Лизой, и с Верой, и с Ниной, хотя, по правде сказать, танцевать-то по-настоящему не умеет. Но будет танцевать с ними, будет смотреть на них и вспоминать пережитое вместе — войну, девичью их команду, все то, что так свежо в памяти и чего никогда не забыть.